

Санкт-Петербургский филиал Архива
Российской академии наук

Л. Д. БОНДАРЬ

АФИНСКИЕ ЛИТУРГИИ

V—IV вв. до н. э.

Нестор-История
Санкт-Петербург
2009

УДК 94(38)
ББК 63.3(0)321

*Издание осуществлено при поддержке издательской программы
Санкт-Петербургского научного центра 2007 г.*

Рецензенты:

д. и. н. А.И. Зайцев (филологический факультет СПбГУ),
д. и. н. С.К. Сизов (Нижегородский коммерческий институт),
д. и. н. И.Е. Суриков (Институт всеобщей истории РАН),
д. и. н. Н.С. Широкова (исторический факультет СПбГУ),
к. и. н. А.Н. Васильев (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

Бондарь Л. Д.

Афинские литургии V–IV вв. до н. э. — СПб. : Нестор-История,
2009. — 204 с.

ISBN 978-59818-7318-8

Книга освящает одно из уникальных явлений афинской демократии — систему общественных повинностей (называвшихся литургиями), направленных на организацию отдельных актов государственного значения за счет средств богатейших граждан полиса. Описаны две группы литургий: ординарных (предназначавшихся для организации отдельных праздничных мероприятий) и экстраординарных (покрывавших издержки на военные нужды). В работе предпринята попытка как описания реалий, характеризующих данный общественный институт, так и выявления характера этого института, определяемого во многом истоками данного обычая.

Книга предназначена для специалистов по истории античности, студентов и всех, интересующихся проблемами древнегреческой истории и культуры.

УДК 94(38)
ББК 63.3(0)321

*Утверждено к печати Ученым советом
Санкт-Петербургского филиала Архива РАН*

ISBN 978-59818-7318-8

9 785981 873188

© Бондарь Л. Д., 2009
© СПбФ Архива РАН, 2009
© Издательство «Нестор-История», оригинал-макет,
дизайн обложки, корректура, редактура, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Источники	7
История вопроса	10
<i>Глава I. ХОРЕГИЯ</i>	15
1.1. Предварительные замечания	15
1.2. Хоровое искусство Греции	22
1.3. Лирическая хорегия	25
1.4. Дионисийские праздники в Афинах.....	36
1.5. Драматическая хорегия	42
1.6. Синхорегия	54
1.7. Другие виды хорегии.....	59
1.8. Агонофесия.....	61
<i>Глава II. МАЛЫЕ ОРДИНАРНЫЕ ЛИТУРГИИ</i>	82
2.1. Гимнасиархия.....	82
2.1.1. Предварительные замечания	82
2.1.2. Лампадархия	85
2.1.3. Сущность и генезис института гимнасиархии.....	93
2.2. Прочие ординарные литургии	98
2.2.1. Гестиасис	98
2.2.2. Архитеория	99
2.2.3. Аррефория	100
2.2.4. Канефория	102
2.2.5. Регата	105
2.2.6. Эвандрия, эвоплия, эвтаксия	105
2.2.7. Гиппотрофия	107

<i>Глава III. ТРИЕРАРХИЯ</i>	118
3.1. Предварительные замечания	118
3.2. Сущность триерархии	121
3.3. Синтриерархия	134
3.4. Симмории	136
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	164
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	179
ЛИТЕРАТУРА.....	183

ВВЕДЕНИЕ

Важным вопросом в изучении истории афинской демократии V–IV вв. до н. э. является проблема государственных финансов и способов изыскания средств на государственные нужды. Государственные доходы Афин В. В. Латышев делит на четыре группы¹.

Во-первых, это доходы с государственных имуществ и различные косвенные налоги. Для афинских граждан не существовало прямого и постоянного налогообложения, однако метеки выплачивали постоянный налог — так называемый метойкион (μετοίκιον), существовал специальный налог и для гетер (πορνικὸν τέλος). Были предусмотрены государственные пошлины на торговлю (и морскую, и сухопутную), а также существовали рыночные пошлины, портовые, пошлины за ввоз в городские ворота, пошлина на любые покупки. Второй источник государственного дохода — судебные пошлины, средства от конфискации имущества, штрафы. Третья статья дохода — различные подати. Во времена Первого морского союза самой важной из них была дань союзников — форос (φόρος). Однако значительное место занимали и внутренние подати, к которым, прежде всего, относился экстраординарный налог эйсфора (εἰσφορά), взимавшийся на военные нужды в случае необходимости по специальному декрету (*Dem. XIV, 26*)². Кроме того, в случае нехватки государственных средств по народному постановлению граждане и метеки могли призываться к добровольным пожертвованиям (ἐπιδόσεις)³.

И наконец, еще одной статьей дохода были общественные повинности, возлагавшиеся на состоятельных граждан полиса, — литургии (λειτουργίαι). Однако литургии по своему характеру отличались от всех перечисленных выше выплат, поскольку не приносили непосредственного дохода в казну, но являлись повинностями, направленными на финансовое и организационное обеспечение различных государственных мероприятий за счет средств их исполнителей. Сами древние делили литургии на два вида: ординарные, «круговые» (ἐγκύκλιοι), исполнявшиеся регулярно каждый год в определенном размере (*Xen. oec., II, 6; Poll., III, 67; Schol. Dem., XX, 21 — BCH, I, 147*), и экстраординарные, к которым государство прибегало в случае военной необходимости. К первой ка-

тегории принадлежат хорегия, гимнасиархия, гестиасис, архитеория, аррефория, канефория, так называемая регата (состязание кораблей), эвандрия, эвоплия, эвтаксия, гиппотрофия. Ко второй — триерархия и проэйсфора.

Институт классических литургий, являясь уникальным явлением, присущим греческой действительности, интересен для изучения уже сам по себе. Различные аспекты этого вопроса переплетаются с проблематикой освещения целого ряда афинских традиций, обычаев, институциональных установлений как сакрального, так и светского, как гражданского, так и военного характера, затрагивают вопросы политики, социальной организации, экономики, идеологии, культа. Однако не меньший интерес представляет в этом контексте и другая проблема — место данного государственного института в системе афинского государства. Обращение к теме литургий может стать одним из инструментов изучения феномена афинской демократии и афинского полиса.

Между тем до настоящего времени не появилось не только отечественного, но и зарубежного исследования, освещающего данный институт с максимальной полнотой. Поныне единственной такой работой остается книга В. Тумзера⁴. В связи с чем показалось важным, прежде всего, собрать весь материал по теме, многочисленные исследовательские наработки, рассеянные в настоящее время по отдельным журнальным статьям или книжным разделам.

В изучении афинских классических литургий явно очерчиваются два аспекта: описание реалий, характеризующих данный институт, и выявление характера этого института, определяемого во многом истоками данного обычая. В соответствии с этим материал работы распадается на две неравные части. Первая часть, представляющая собой собственно основные главы работы, включает в себе, главным образом, фактологический материал, освещающий насколько возможно подробно различные организационные моменты при назначении и исполнении той или иной литургии. Более пристальное внимание уделено трем крупнейшим и наиболее подробно освещенным нашими источниками литургиям: хорегии, гимнасиархии и триерархии. В этом случае ставилась цель максимально полно отразить данные источников по отдельным проблематикам вопроса, а также представить максимально полную картину дискуссий вокруг отдельных проблем, начиная от первых исследователей конкретных вопросов, работавших в подавляющем большинстве еще в XIX в. Мнение этих ученых не хотелось обходить вниманием, поскольку именно они внесли решающий вклад в изучение вопросов, касающихся отдельных реалий института литургий. Едва ли

не все проблемы этого круга были подняты, а зачастую и разрешены, учеными XIX – начала XX в. Этим, в частности, объясняется большой удельный вес работ указанного периода, представленных в данном исследовании.

Вторая, значительно меньшая по своему объему часть – попытка определить характер и место литургий в афинском обществе – представляет собой заключение к данной работе. Заключение не содержит выводов по проблемам, изложенным в основных главах с фактологическим материалом, в заключении предложены рассуждения умозрительного характера.

Все даты в той части работы, где речь идет о древности, касаются периода до новой эры (до н. э.), за исключением дат, указанных особо.

В этом месте хотелось бы также высказать слова благодарности тем, кто помог в подготовке этого исследования к изданию. Прежде всего, это рецензенты работы, внимательное отношение и критический подход которых помогли в разрешении ряда сомнений: д. и. н. А.И. Зайцев, д. и. н. С.К. Сизов, д. и. н. Н.С. Широкова, научное руководство которой в течение ряда лет направляло работу по проведению настоящего исследования, к. и. н. А.Н. Васильев. В их числе особо хотелось бы поблагодарить ведущего научного сотрудника Отдела древней истории Института всеобщей истории РАН, доктора исторических наук Игоря Евгеньевича Сурикова, профессиональная критика которого существенно изменила содержание настоящей работы. Искреннюю признательность за помощь в окончательной подготовке материала к изданию хотелось бы выразить сотрудникам кафедры истории древней Греции и Рима СПбГУ к. и. н. М.М. Холоду и к. и. н. О.Ю. Владимирцевой. Отдельную благодарность хотелось бы выразить директору Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, доктору исторических наук Ирине Владимировне Тункиной, благодаря усилиям, организационному и профессиональному таланту которой это издание смогло увидеть свет.

Источники

Одним из важнейших источников по нашему вопросу является эпиграфический материал, широко представленный для Афин, главным образом, начиная с IV в. Более подробная характеристика этого источника будет даваться в связи с отдельными литургиями в начале соответствующих глав, поэтому не будем останавливаться на этом вопросе

дольше и обратимся к литературным свидетельствам, которые, прежде всего, для V в. в связи с недостаточным количеством эпиграфического материала играют весьма важную роль в освещении института литургий для этого периода, хотя основная масса литературных источников также приходится на IV в.

В литературном материале выделяют три группы источников. Во-первых, это труды с описанием государственного устройства Афин. И первым в этом ряду стоит сочинение Аристотеля (384–322 гг.), уроженца Стагира, «Афинская полития» — один из самых важных источников по истории Афин и, особенно, по истории государственного строя⁵. В нашем случае представляет интерес как историческая часть этого труда, описывающая события афинской истории от восстания Килона до конца V в., так и систематическая, являющаяся описанием афинского строя второй половины IV в.

Не меньшую ценность представляет собой и другой труд Аристотеля — трактат «Политика», достоинством которого, с точки зрения историка, является то, что (в отличие, скажем, от «Государства» Платона) это сочинение представляет собой не идеальные умозрительные построения, а результат системного исследования форм государственности греческих полисов. Материалом для такого исследования послужили написанные Аристотелем вместе с учениками «Политии», насколько нам известно, минимум 158 греческих и варварских государств⁶.

Представляет для нас интерес и другой трактат, носящий название «Афинская полития», автора которого называют Псевдоксенофонтом. Автор трактата обращается к современному ему устройству афинского демократического государства. По мнению большинства исследователей, время написания труда следует отнести к первому периоду Пелопоннесской войны⁷; К. Ледю предлагает более конкретный период времени — между 424–413 гг.⁸

Богатые и разносторонние сведения содержат источники второй группы — судебные и политические речи афинских ораторов, которые наиболее богато отражают внутреннюю жизнь Афин⁹ — государства, в котором народное собрание и суд были одними из центральных институтов. Более того, в IV в. в руки ораторов переходит и политика¹⁰. Еще в эпоху эллинизма был выделен «канон» десяти выдающихся ораторов, в числе которых назывались Антифон (480–411), Андокид (ок. 440–390), Лисий (ок. 459(?)–380), Исей (ок. 420 – ок. 350), Исократ (436–338), Демосфен (384–322), Гиперид (389–322), Ликург (умер в 324 г.), Эсхин (390–314), Динарх (ок. 360–290). Можно с уверенностью сказать, что речи всех этих ораторов содержат интересующие нас све-

дения, независимо от их политических приоритетов и решения вопроса подлинности авторства речей того или иного оратора.

Наиболее важный и многочисленный материал содержится в речах одного из самых видных ораторов и политиков Греции, признанного уже самими древними, — Демосфена. Одна из судебных речей Демосфена «Против Фениппа об обмене имуществом» (XLII), наряду с речью Исократы «Об обмене имуществом» (XV), является одним из важнейших источников по вопросу сущности афинской практики антидосиса. Речи Демосфена являются также одним из наиболее важных источников по проблеме триерархии вследствие того, что Демосфен сам был непосредственно связан с этим институтом¹¹. Ценность речей Демосфена состоит также в отсылках к существовавшим законам, встречающихся в его речах наиболее часто, по сравнению с другими ораторами, также прибегавшими к такой практике.

Следующим для нас по значению является наследие метека Лисия, речи которого дают возможность сделать заключения относительно общей оценки афинской демократии, а также частных вопросов, касающихся круга проблем, сопряженных с институтом литургий. Не меньшее значение имеют дошедшие до нашего времени речи Исея, все 11 из которых относятся к делам по наследству и в связи с этим содержат важный материал по вопросам, касающимся проблемы состояний и экономических отношений. Денежные споры и проблемы экономических трудностей в Афинском государстве после Пелопоннесской войны в значительной степени отражены также в речах Исократы.

Третья группа источников — это труды энциклопедического характера, схолии и труды так называемых лексикографов. Из сочинений энциклопедического характера наиболее важен труд Афиней из Навкрата (начало III в. н. э.) «Пирующие софисты», предоставляющий самые разнообразные сведения в отношении современных автору реалий. При этом сочинение содержит цитаты более ранних авторов, произведения которых для нас утрачены.

Сохранившиеся лексиконы, пожалуй, все содержат сведения, полезные для освещения нашего вопроса. Это «Ономастикон» Юлия Поллукса (Полидевка) из Навкрата (конец II – начало III в. н. э.), главным образом VIII книга, посвященная судопроизводству и общественному управлению. Важные сведения содержит «Словарь к десяти ораторам» Валерия Гарпократиона из Александрии (начало III в. или IV в. н. э.). Среди трудов поздних лексикографов для нас представляет интерес «Лексикон» Гесихия Александрийского (конец IV или V в. н. э.), а также географический словарь, составленный Стефаном Византийским

(VI в. н. э.). В круг важных источников входят также «Лексикон», составленный по поручению византийского патриарха Фотия, лексикон «Суда» (старое название «Свида») (X в. н. э.), а также лексикон неизвестного времени *Etymologicum magnum*. Эти названные лексиконы в пояснении отдельных греческих слов и выражений предоставляют сведения по самым разнообразным вопросам, относящимся к истории и реалиям античного мира. Относительно важности этих словарей достаточно сказать, например, что многие ценные сообщения второй (систематической) части «Афинской политики» Аристотеля были известны еще задолго до открытия трактата благодаря лексикографам.

История вопроса

Тема литургий не получила в специальной литературе полноценного освещения, при том, что этот вопрос затрагивали едва ли не все исследователи, занимавшиеся изучением социальной истории Афин, афинской государственности и экономики. Специальных работ по классическим литургиям практически нет, однако в 1912 г. вышла работа Ф. Эртеля, сделавшего внимательный анализ эллинистических, египетских литургий¹².

Что касается литургий классического времени, то основа изучения этого вопроса была заложена в немецкой классической историографии. До сих пор классическим трудом по этому вопросу остается книга А. Бёка, претерпевшая три издания, последнее из которых, сделанное М. Френкелем в 1886 г., было дополнено комментариями этого издателя¹³. В этом труде А. Бёк заложил основы изучения не только интересующего нас вопроса, но и основы изучения афинской экономики и финансов вообще. А. Бёком не только были подобраны основные литературные и эпиграфические свидетельства, освещающие интересующий нас вопрос, но также были сделаны выводы, часть из которых является принятыми точками зрения в настоящее время, другие же получили иную трактовку с учетом новых знаний.

Взгляды А. Бёка нашли в основном поддержку, а также получили дальнейшую разработку в трудах последующих немецких ученых. Речь идет в первую очередь об авторах пособий по афинским государственным древностям: Г. Ф. Шемане, Г. Гильберте, К. Ф. Германне¹⁴. Если работа Г. Ф. Шемана носит характер пособия, где недостаточно широко представлены источники и литература, то труды двух других исследо-

вателей имеют большую ценность прежде всего потому, что предлагают исчерпывающие сведения относительно источников тех или иных знаний, а также относительно существовавшей к моменту написания работ литературе. Эти три труда продолжают оставаться классическими пособиями по вопросам государственных древностей и, вероятно, вследствие своей ценности они претерпели переиздания. Последнее издание работы Г. Ф. Шемана было предпринято другим исследователем, имеющим целый ряд работ по интересующим нас вопросам, И. Липсиусом, который обогатил книгу собственными комментариями.

Следует сказать еще об одном ученом этой эпохи — Викторе Тумзере, в число заслуг которого, помимо переиздания книги К. Ф. Германна, входит написание труда, целиком посвященного проблеме афинских общественных повинностей¹⁵. Насколько известно, это — единственная специальная работа по данному вопросу. Однако, к большому сожалению, это исследование является практически недоступным: книга является в нашей стране библиографической редкостью и отсутствует в общественных, даже крупных, библиотеках. В настоящей работе представлены ссылки на этого автора, мнения которого нельзя обойти, поскольку это достаточно известное и авторитетное имя в западной историографии; однако сведения относительно той или иной точки зрения этого исследователя взяты из работ его последователей.

Пристального внимания заслуживают работы еще одного корифея немецкой классической науки — Ульриха фон Виламовица-Мёллендорфа, который наряду с глубоким изучением целого комплекса вопросов античной истории в самых разнообразных ее отражениях: политике, экономике, искусстве, литературе и т. д., — издал целый ряд работ (книг и статей), относящихся к изучению интересующего нас вопроса. И в этом ряду наибольшее значение имеет его книга 1893 г. «Аристотель и Афины», в которой дан тщательный анализ афинского государственного устройства¹⁶.

Из исследователей первой половины XX в. следует назвать два имени. Во-первых, Георга Бузольта. Его труд по государственным и правовым древностям также выдержал несколько изданий. Эта работа трижды выходила в научной серии, начатой и издававшейся Иваном фон Мюллером (*Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft*), а в 1926 г. в той же серии, продолженной Вальтером Отто, вышел труд Г. Бузольта в переработке Г. Свободы¹⁷. В настоящий момент эта книга является одним из основных пособий по государственным древностям.

Второе имя — Ульрих Карштедт, которому принадлежит достаточно основательный и ценный труд «Исследования публичного права

Афин»¹⁸. Этим исследователем также проведена работа по систематизации материала по вопросам организации греческого государства и его политики. В работах всех перечисленных выше авторов можно найти материал не только касательно института литургий, но и проблемы финансов, экономики, социальной политики и прочих сопряженных с этой темой вопросов.

Что касается литературы конца прошлого — начала нынешнего века, то следует констатировать факт, что в последнее время не выходило глобальных трудов, комплексно рассматривающих интересующую нас проблему. Хотя в послевоенное время появился ряд статей западноевропейских и американских исследователей, обращающихся к отдельным аспектам нашей проблемы. Обобщающий труд назвать сложно, за исключением одной книги английского исследователя Винсента Габриелсена, вышедшей в 1985 г.¹⁹ Отдельная глава этой книги посвящена непосредственно афинским литургиям, однако и прочий материал имеет значение в связи с нашей проблематикой.

В современной французской историографии следует сказать об одном имени — Клод Моссе, публикации которой, затрагивающие отдельные аспекты нашей проблемы, вносят ценный вклад в изучение этого вопроса²⁰.

В отечественной же историографии эта проблема не получила достаточной разработки, мы располагаем лишь одним (да и то не исследовательским) трудом, где дано краткое освещение данной проблемы: это книга В. В. Латышева «Очерк греческих древностей»²¹. Однако русскоязычный читатель имеет также возможность получить некоторые сведения по этому вопросу, обратившись к выполненному харьковскими студентами переводу работы Г. Бузольта²². В отечественной науке получили рассмотрение лишь отдельные аспекты этой проблемы. Речь идет, прежде всего, о ленинградской исследовательнице Лие Менделевне Глускиной²³, обратившейся к проблеме афинской эйсфоры — военного налога, который хотя и четко отличается от литургий, все же постоянно попадает в круг литургических проблем²⁴. К проблеме происхождения триерархии обращался также В. М. Строецкий²⁵.

Примечания

- ¹ Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. 1. 2-е изд. СПб., 1897. С. 276.
- ² Глускина Л. М. Проблемы кризиса полиса // Античная Греция. Проблемы развития полиса: сб. ст. Т. 2. М., 1983. С. 11.
- ³ Об эйсфоре и эпидосисе пойдет речь подробнее.
- ⁴ Thumser V. De civium Atheniensium muneribus eorumque immunitate. Wien, 1880.
- ⁵ См.: Бузескул В. П. «Афинская полития» Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V в. Харьков, 1895; Keaneу J. J. Ring Composition in Aristotle's Athenaion Politeia // AJPh. Vol. 90. 1969. P. 406; Rhodes P. J. A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia. Oxford, 1981.
- ⁶ Тронский И. М. История античной литературы. Л., 1946. С. 185.
- ⁷ Хотя существует и более ранняя датировка: Грабарь-Пассек М. Е. Ксенофонт // История греческой литературы / Под ред. С. И. Соболевского. Т. 2. М., 1955. С. 124.
- ⁸ См. исследование К. Ледю в издании: La Constitution d'Athènes attribuée à Xénophon / Trad. et comment. par C. Leduc. Paris, 1976. P. 171–175.
- ⁹ Ср.: Фролов Э. Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1991. С. 327.
- ¹⁰ Маринович Л. П. Греки и Александр Македонский. К проблеме кризиса полиса. М., 1993. С. 60.
- ¹¹ Подробнее об этой деятельности Демосфена, а также о его речах как источнике по вопросам триерархии см. в главе «Триерархия».
- ¹² Oertel F. Die Liturgie: Studien zur Ptolemäischen und Kaiserlichen Verwaltung Aegyptes. Leipzig, 1912.
- ¹³ Böckh A. Die Staatshaushaltung der Athener. 3. Aufl. von M. Fränkel. Bd. 1–2. Berlin, 1886 (1-е изд. — 1817 г.; 2-е — 1850 г.).
- ¹⁴ Schömann G. F. Griechische Altertümer. 2. Aufl. Bd. 1–2. Berlin, 1861–1863; Gilbert G. Handbuch der griechischen Staatsaltertümer. 2. Aufl. Bd. 1–2. Leipzig, 1881; Hermann K.F. Lehrbuch der griechischen Staatsaltertümer. 6. Aufl. von V. Thumser. Freiburg, 1892.
- ¹⁵ Thumser V. De civium Atheniensium muneribus...
- ¹⁶ Wilamowitz-Möllendorf U.v. Aristoteles und Athen. Bd. 1–2. Berlin, 1893.
- ¹⁷ Busolt G. 1) Griechische Staatskunde. Bd. 1. 3. Aufl. // HKA. Bd. 4. Abt. 1. Hlf. 1. 1920; 2) Busolt G. Griechische Staatskunde. Bd 2 / Bearbeitet von H. Swoboda // HA. Bd. 1. Abt. 4. Tl. 1. 1926.
- ¹⁸ Kahrstedt U. Studien zum öffentlichen Recht Athens. Tl. 1: Staatsgebiet und Staatsangehörige in Athen. Stuttgart; Berlin, 1934.
- ¹⁹ Gabrielsen V. The Naukrariai and the Athenian Navy // C&M. Vol. 36. 1985. P. 21–51.

²⁰ См. работы исследовательницы в прилагающемся списке литературы.

²¹ *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей. Ч. 1–2. 2-е изд. СПб., 1897–1899.

²² *Бузольт Г.* Очерк государственных и правовых греческих древностей / Пер. с нем. Харьков, 1894.

²³ См. работы Л.М. Глускиной в прилагающемся списке литературы.

²⁴ В настоящем обзоре представлены сведения относительно источников и исследований, касающихся афинских литургий и финансов в целом. Дополнительные работы и источники, относящиеся к отдельным видам литургий, будут рассмотрены в начале соответствующих глав.

²⁵ См., например: *Строгецкий В. М.* Морская программа Фемистокла и возникновение триерархии // *Античный мир: проблемы истории и культуры.* СПб., 1998. С. 69–83.

Глава I

ХОРЕГИЯ

1.1. Предварительные замечания

Самая крупная из ординарных литургий — хорегия (χορηγία), исполнитель которой — хорег (χορηγός; χοραγός), как явствует уже из этимологии (χορός — хор и ἡγέομαι — идти впереди, предшествовать), должен был осуществлять некое руководство хором.

Сущность института хорегии достаточно хорошо освещается в источниках. И конечно, основные сведения предлагает нам материал эпиграфический: те официальные записи, которые оставлены в связи с драматическими и дифирамбическими состязаниями, представляя собой род отчетов о прошедшем агоне. Классификацию таких надписей провел крупный отечественный эпиграфист П. В. Никитин, отметив те черты, которые отличают каждую отдельную группу документов.

Среди официальных архонтских записей по богатству сообщаемого историко-литературного материала первое место занимают памятники, получившие название дидаскалии (διδασκαλία). Это — записи, хронологически передающие трагические и комические агоны (по отдельным сводам), где указываются не только победители, но все поэты, участвовавшие в состязании, также название их пьес и протагонист. Обозначаются пьесы-победители, также актеры-победители¹.

Среди перечисления трудов Аристотеля у Диогена Лаэртского называются и «Дидаскалии» (Διδασκαλία) (*Diog. Laert.*, V, 26), а у Гесихия говорится о труде «о дидаскалиях» (περὶ διδασκαλιῶν)². Фрагменты этого труда известны и собраны в ряде изданий Аристотеля, например, в Берлинском издании³ и в Лейпцигском (Тойбнера)⁴. В том, что действительно Аристотель был автором этого опуса, исследователи не видят оснований для сомнения⁵; кроме указанных свидетельств об авторстве Аристотеля говорят и другие источники (*Harp. s. v. διδάσκαλος; Schol. Plat. apol.*, 330 Bekk.; *Schol. Aristoph. Av.*, 281. 1379; *Phot., Suid. s. v. ὄνου σκιά*). Вероятно, и Эратосфен (*Argum. III Aristoph. Pac.*) и Каллимах (*Schol. Aristoph. Nub.*, 552), ссылаясь на материалы дидаскалий, пользовались именно записями Аристотеля.

Второй разряд надписей отличается следующими признаками. Эти записи, относящиеся к целому ряду годов, расположены в хронологическом порядке и сообщают о сценических и дифирамбических состязаниях на Дионисиях. В них перечислены только победители. По аналогии с древними хронологическими списками олимпийских и пифийских победителей, называвшимися олимпионики (ὀλυμπιονίκαι) и пифионики (πυθιονίκαι), П. В. Никитин предложил и этот эпитафический хронологический список обозначить термином дионисионики (διονυσιονίκαι)⁶. Зарубежная (прежде всего немецкая) историография не проводит особых различий между этим и предыдущим сводом эпитафических документов, объединяя их под одним названием — дидаскалии⁷.

Структура третьего разряда эпитафических свидетельств весьма проста: здесь называются имена драматических поэтов, а рядом с каждым именем стоит цифра. С. Куманудес первым высказал догадку, что эти цифры — количество одержанных побед⁸. Последующие исследователи, обработав другой эпитафический материал, подтвердили эту догадку⁹. Эти статистические таблицы побед, одержанных в Афинах драматическими поэтами, в источниковедении греческой драмы получили название νίκαι Διονυσιακαί. Большая часть эпитафических документов этого рода была в свое время собрана С. Куманудесом¹⁰ и У. Кёлером¹¹.

Среди недошедших работ Аристотеля, наряду с «Дидаскалиями», Диоген Лаэртский называет нам и другую работу Νίκαί Διονυσιακαί, которая у Гесихия имеет более полное название: Νικῶν Διονυσιακῶν ἄστικῶν καὶ Ἀηναϊκῶν α'. Анализ характера написания этих эпитафических документов, проведенный У. Кёлером¹², позволяет заключить, что эти таблицы были составлены во второй половине IV в., что в свою очередь дало австрийскому ученому, автору многих ценных исследований по проблемам истории античного театра, Э. Рейшу возможность предположить, что эти эпитафические списки были составлены на основе труда Аристотеля¹³.

Однако эти эпитафические свидетельства вступают порой в противоречие с теми свидетельствами о количестве побед того или иного драматурга, которые имеются у античных авторов. Разрешение этого противоречия предложил А. Вильгельм. Дело в том, что в нашем распоряжении имеются дидаскалические надписи, которые не содержат имени автора пьесы, а называют только дидаскала в качестве победителя. Эти надписи должны отражать случаи, когда постановка пьесы передавалась автором доверенному лицу. Так, например, известно, что комик Платон был вынужден продавать свои произведения, чтобы на эти деньги жить. И именно из-за этого положения вещей в античной

историографии сложились две противоречащие друг другу традиции относительно количества побед драматургов: официальная, отраженная в эпиграфических документах, и неофициальная, отраженная у историков¹⁴. Необходимость провести в надписях разграничения между лицами, ответственными за постановку, появилась, по мнению исследователей этого вопроса, около 380 г. След этого можно найти в выражении $\nu\kappa\alpha\upsilon\ \delta\iota\alpha\ \tau\omicron\upsilon\ \delta\epsilon\iota\upsilon\alpha$, которое употреблялось в текстах дидаскалий, найденных в Риме и являющихся копиями официальных афинских документов¹⁵. Официальное повторение античных трагедий вне соревнования на Великих Дионисиях, вероятно, отражают дальнейшее развитие этого института.

На основании проведенного анализа эпиграфических сводов, П. В. Никитин приходит к выводу, что как дидаскалии, так и дионисионики относятся только к Великим Дионисиям¹⁶. Э. Рейш же полагает, что эти надписи отражали также драматические агоны на Ленеях¹⁷. Однако это утверждение никак не может быть справедливым для дионисионик, поскольку на Ленеях не проводились дифирамбические состязания (см. ниже). Опираясь на анализ этих документов, проведенный П. В. Никитиным, можно утверждать правоту его заключений и относительно дидаскалий. И лишь третий, описанный выше, разряд надписей должен был относиться к обоим «драматическим» праздникам, о чем свидетельствует в первую очередь название труда Аристотеля.

Особый разряд надписей представляют те, что были оставлены хорегам в память об одержанной ими победе. От официальных эти записи отличаются тем, что результаты состязаний изображаются здесь с точки зрения победившего хорегга, а в случае дифирамбического агона, также с точки зрения филы. Весьма полный для своего времени перечень этих надписей дал Б. Кейль в своей статье¹⁸. Это — неофициальные записи, не имеющие связи с архонтскими актами; в постановке этих надписей было заинтересовано не государство, а хорег или фила. Поэтому нельзя придавать этим надписям того значения, которое выражено, например, у Г. Бернгарди¹⁹, где эти надписи представляются источником литературных дидаскалий. Однако для нашего вопроса именно этот разряд надписей и представляет наибольший интерес²⁰.

Что касается литературных источников, то, кроме тех произведений, что имеют значение для освещения института афинских литургий вообще, в связи с настоящей конкретной проблемой интерес представляет аттический оратор Антифонт, а именно, его VI речь «О хоревте», из которой мы имеем возможность почерпнуть ряд ценных сведений о комплектации дифирамбического хора.

Целый ряд ценных сведений предлагают два других произведения. Одно из них дает сведения относительно греческой драмы. Это «Поэтика» Аристотеля. Этот трактат, написанный между 336 и 322 гг.,²¹ о намерении создать который Аристотель заявляет еще в «Политике» (*Arist. pol.*, VIII, 7, 1341 b), состоял из двух частей, из которых сохранилась лишь одна, посвященная общим вопросам и подробному разбору трагедии и эпоса. Вторая, по предположениям филологов, включала в себя аналогичный разбор комедии и ямбической лирики²². По мнению некоторых исследователей, это произведение просто не было закончено²³. Однако и Диоген Лаэртский говорит о том, что «Поэтика» состояла из двух-трех книг (*Diog. Laert.*, V, 1, 24). Трудно переоценить значение этого, практически единственного, полнокровного трактата по истории и структуре греческой драмы. С. Радлов назвал «Поэтику» «опасной» книгой для историка, «ибо цель ее теоретическая, а не практическая», и предназначена эта книга не для зрителя, а для читателя драмы²⁴. Однако с этим мнением трудно согласиться, поскольку все же этот трактат был написан греком (хоть и времени поздней классики), который едва ли мог мыслить отдельно драму написанную и поставленную на сцене.

Другое произведение освещает историю греческого музыкального искусства. Речь идет о трактате, дошедшем до нас под именем Плутарха и носящем название «О музыке». Хотя ряд исследователей склонны считать автором этого произведения самого знаменитого Плутарха из Херонеи, имеются и такие, кто сомневается в этом и предпочитает называть автора Псевдоплутархом²⁵. Кроме того, что этот опус предлагает большое количество ценных сведений относительно интересующего нас вопроса, большое значение этого произведения состоит также и в том, что оно доносит до нас свидетельства из недошедших произведений. Среди прочего, выдержки из труда Гераклида Понтийского, автора IV в., написавшего труд о музыке (ср. *Athen.*, XIV, 624 a). Это — наиболее значимые литературные источники, посвященные целиком вопросам, сопряженным с интересующей нас темой.

Что касается разработки этого вопроса в научных трудах современных исследователей, то мы располагаем целым рядом ценных работ, написанных в основном в конце XIX – начале XX столетия. Ниже мы остановимся лишь на общих работах, рассматривающих комплексные вопросы относительно проблемы института хорегии или же посвященных в целом истории драматических и дифирамбических состязаний. Специальные статьи, посвященные отдельным вопросам, здесь рассматриваться не будут: о них пойдет речь подробно в соответствующих местах главы.

Одной из первых работ, посвященных вопросам греческого театра, является книга Готтлиба Карла Вильгельма Шнейдера «Аттический театр», вышедшая в Веймаре в 1835 г.²⁶ Это — весьма ценная работа, освещающая среди прочих театральные реалии и сущность хорегии. Г. Шнейдер написал эту работу, будучи преподавателем гимназии в Веймаре. Как мы узнаем из подзаголовка, сделанного автором к его труду, работа эта предназначена для лучшего понимания греческих драматургов. Она построена интересным образом: представляет собой 19 страниц текста (стр. 1–18) и 240 страниц примечаний (стр. 19–258). Таким образом, читатель сразу имеет возможность ознакомиться с основными выводами автора в тексте работы, а доводы почерпнуть из текста примечаний. Собственно, примечания представляют собой сплошное и обильное цитирование самых разнообразных, в основном литературных, источников, подтверждающих тот или иной тезис автора.

Одним из первых исследователей, обратившихся к обработке эпиграфического материала, стал Ульрих Кёлер, который заложил основу этого направления в изучении хорегического материала в своих статьях в *Mitteilungen des deutschen archäologischen Instituts in Athen*²⁷ и первым сделал многие выводы, подтвержденные впоследствии в новейших исследованиях.

В 1886 г. были опубликованы два исследования, значение которых трудно переоценить. Речь идет о диссертации Адольфа Бринка «Греческие надписи, относящиеся к хорегии»²⁸ и книге Альберта Мюллера «Учебник греческих сценических древностей»²⁹, которая, среди прочих, содержит главу, посвященную театральной хорегии, из которой, однако, можно почерпнуть сведения и о хорегии дифирамбической. Большая ценность этих двух работ состоит не только в том, что в них рассматривается подробно институт хорегии, но главным образом в том, что в этих работах самым широким образом освещен источниковый материал: как литературный, так и эпиграфический. Авторы этих работ предлагают свои способы разрешения целого ряда проблем, возникающих при изучении нашего вопроса.

Подобного рода работа была опубликована также в научной серии, издававшейся Иваном фон Мюллером, *Handbuch der klassischen Altertumswissenschaften*. Речь идет о работе Густава Эмихена «Театр греков и римлян»³⁰, представляющей собой сжатый конспект классических театральных древностей. Для исследователей этот труд может представлять интерес неординарностью освещения некоторых вопросов. Ценна эта работа и указаниями на источники, главные из которых приводятся текстуально, и на специальную литературу. В 1894 г. в Москве вышел

русский перевод этой работы, выполненный И. Семёновым³¹. Этот перевод стал досадным фактом отечественной историографии. Наряду с тем, что отечественная историография не отличается богатством исследований по театральной теме, которые можно было бы сравнить с немецкими, перевод этой достаточно интересной работы сделан удивительно небрежно: кроме того, что переводчиком упускаются ссылки на источники и научную литературу, в самом переводе встречаются ошибки, искажающие смысл. Эти последние факты позволили В. Грингмуту, давшему рецензию на перевод, обозначить его термином *Verballhornung*³², применяющимся немцами по отношению к небрежному изданию, какой термин происходит от имени одного такого неаккуратного издателя XVI в. из Любека — Бальхорна.

Автором весьма ценных и разнообразных исследований о музыкальных состязаниях греков и вопросах, связанных с проблемой хорегии, является упоминавшийся уже выше австрийский исследователь Эмиль Рейш. Ранней его работой, посвященной истории музыкальных состязаний, явилась докторская диссертация, защищенная им в 1885 г. в 22-летнем возрасте³³. Далее последовал целый ряд исследований, связанных с вопросами греческого хорового (дифирамбического и драматического) искусства, наиболее ценными из которых являются статьи этого исследователя в Реальной энциклопедии классических древностей³⁴. Не будем более останавливаться на характеристике работ этого ученого, поскольку его выводы и их обоснования достаточно широко приведены в работе в соответствующих местах. Отметим только, что это наиболее полнокровные и ценные исследования по настоящему вопросу.

Другое весомое имя среди исследователей по интересующей нас тематике — Адольф Вильгельм, среди работ которого наиболее ценным трудом является книга «Известия о драматических представлениях в Афинах», вышедшая в свет в Вене в 1906 г.³⁵ Эта работа представляет собой исчерпывающие комментарии к ряду надписей, относящихся к истории афинских драматических состязаний. Ряд вопросов по этой теме получил в этом исследовании новое освещение. На настоящий момент это последнее глобальное исследование театральных реалий, основанное главным образом на обработке эпиграфического материала.

Из немецкоязычных ученых XX в. хотелось бы отметить немецкую исследовательницу Маргариту Бибер, ученицу Георга Лешке — автора искусствоведческих исследований. М. Бибер имеет ряд трудов, посвященных истории античного театра. И хотя наиболее ценные ее исследования относятся к области сценического оформления театрального представления, тем не менее вопросы организации этих агонов также

получили освещение в трудах этой исследовательницы. Прежде всего, речь идет о большой книге «Памятники, относящиеся к театру в древности»³⁶ и последовавшем затем издании на английском языке «История греческого и римского театра»³⁷.

Среди англоязычных исследователей в первую очередь следует отметить крупного английского ученого начала века Артура Веллеса Пикарда-Кембриджа. В 1907 г. этот исследователь предпринял переиздание с частичным изменением текста ценной работы его предшественника А. Хейга, посвященной античному театру³⁸. А в 1927 г. издал собственную книгу «Дифирамб, трагедия и комедия», явившуюся глобальным трудом по истории и теории музыкального и сценического искусства. Наряду с тем, что свое исследование автор основывает на многочисленных источниках, выводы этого ученого осторожны и обоснованны. В 1962 г. Т. Вебстер предпринял переиздание этого ценного труда, внося свои дополнения³⁹. В своем исследовании А. В. Пикард-Кембридж опирался главным образом на литературные источники. Т. Вебстер же добавил данные изобразительного искусства, что явилось новым подходом, ставшим популярным при изучении сценических вопросов с начала XX в.; им широко представлены издания, публикующие произведения античного изобразительного искусства. Это один из самых крупных трудов по истории музыкального искусства Греции. Другой большой труд А. В. Пикарда-Кембриджа, сопряженный с нашей темой, носит название «Драматические праздники в Афинах»⁴⁰.

Среди французских исследователей хотелось бы отметить, прежде всего, Поля Франсуа Фукара, занимавшегося среди прочего вопросами культа Диониса в Аттике и опубликовавшего в связи с этим ряд исследований, представляющих интерес в связи с нашей темой⁴¹. К сожалению, статья о хорегии в словаре Ш. Даремберга и Э. Сальо⁴³ не представляет особого интереса, поскольку касается далеко не всех важных проблем в этом вопросе и не содержит особо ценных выводов.

Отечественная историография не может похвалиться обилием работ по проблеме хорегии. Едва ли не единственным крупным исследованием по интересующим нас вопросам явилась работа петербургского эпиграфиста конца прошлого столетия П. В. Никитина «К истории афинских драматических состязаний», вышедшая в 1882 г.⁴⁴ Этот труд основан главным образом на анализе эпиграфических памятников, однако автор привлекает и анализирует также многочисленные литературные источники. Эта работа написана в полемике с предшествующими исследователями-эпиграфистами, и по ряду вопросов автор выразил революционные взгляды, нашедшие поддержку в работах последующих ученых.

Наиболее крупным отечественным исследователем в области античного театр стал Б. В. Варнеке. Им был опубликован ряд работ, посвященных главным образом актерскому искусству. Для нас представляет интерес его общий труд, носящий название «История античного театра»⁴⁵, где среди прочего освещается тема организации театральных представлений.

Другие отечественные работы относятся к истории театрального искусства и представляют собой труды общего характера, посвященные истории античного театра. Речь идет о книгах Дмитрия Павловича Каллистова⁴⁶ и Владимира Владимировича Головни⁴⁷. Определенный интерес представляет собой и глава, посвященная театру Диониса в книге Ксении Михайловны Колобовой «Древний город Афины и его памятники»⁴⁸.

В связи с нашей проблемой также имеет значение опубликованное не так давно исследование Е. В. Герцмана⁴⁹. Эта книга содержит большое количество информативного материала с некоторой представленностью источников. Судя по списку источников и литературы, помещенному в конце труда, работа имеет весьма солидную источниковую и литературную базу. К сожалению, автор практически никогда не приводит доводов своих заключений, многие из которых являются между тем весьма спорными. Все же эта книга представляет интерес как крупное отечественное исследование последнего времени по истории греческого музыкального искусства⁵⁰.

В настоящей главе попытаемся представить возможно полную картину, отражающую сущность института хорегии и сферу деятельности исполнителя этой литургии. Ряд основных проблем уже получили разрешение в работах предшествующих исследователей, однако в некоторых вопросах точка до сих пор не поставлена.

1.2. Хоровое искусство Греции

Хорегия — самая крупная из ординарных литургий, которая обязывала исполнителя поставить хор для государственного праздника на собственные средства.

Исполнитель этой литургии назывался хорегом, что буквально значит «предводитель, руководитель хора». Изначально это слово употреблялось именно в таком значении⁵¹. Так, в «Лисистрате» Аристофана Елена в хоре спартанских женщин выступает именно как χορηγός

(*Aristoph. Lys.*, 1314). Можно вспомнить и о десяти хорегах для женского хора эгинцев в честь Дамии и Авксезии у Геродота (*Herod.*, V, 83). Этот руководитель, который стоит во главе хора, ответственен и за его организацию, и за обучение (*Plut. mor.*, 219 e)⁵².

Со временем права и обязанности хорега расширились, соответственно изменилось и значение этого слова. И хотя в Афинах классического времени это слово употреблялось еще в прежнем значении (как употреблялось оно у Софокла (*Soph. Ant.*, 1146)), но появилось и новое его значение. Хорегом стало называться лицо, исполняющее литургию — хорегию. А вместо слова хорег для обозначения руководителя хора появились другие названия этого лица: гегемон хора (ἡγέμων χοροῦ) или корифей (κορυφαῖος)⁵³. Так, Демосфен говорит уже о гегемоне, отмечая, что на него опирается остальной хор (*Dem.*, XXI, 60). «Суда» называет руководителя хора корифеем (*Suid. s. v.* κορυφαῖος); Гесихий называет его также χοροστάτης (*Hesych. s. v.*) или опять же χοραγός (*Hesych. s. v.*).

Так, хорег теперь не отвечает за руководство хором, но является организатором и финансистом хора, то есть становится исключительно лицом, «содержащим» хор (ср. τοὺς μισθοῦμένους τοὺς χοροῦς; *Athen.*, XIV, 633 a), в то время как обучение хора переходит к людям искусства. Также существовал и специальный хоровой учитель — дидаскал (διδάσκαλος). Слово дидаскал буквально значит «учитель» (διδάσκω — обучать) и подразумевает под собой лицо, обучающее чему-либо.

В классическое время дидаскалом назывался зачастую и поэт, создавший то или иное произведение для постановки (*Herod.*, I, 23; VI, 21; *Aristoph. Vesp.*, 1029; *Ach.*, 628; *Paх.*, 738; *Plut.*, 797; *Plut. Themist.*, 5 etc.)⁵⁴. Такое словоупотребление указывает, вероятно, на то, что в классическое время поэт сам участвовал в обучении хора, а фигура специального, профессионального учителя появилась в более позднее время. В классическое же время дидаскал был особым человеком лишь в исключительных случаях (*Philostr. Ty. Apoll.* 6, 11; *Vit. Aischyl.*). Наряду с простым обозначением — δίδασκαλος, имелись в древности и «специальные» названия: διθυραμφο-, куκλιο-, хоро-, κομφο-, τραγωδοδιδάσκαλος. Рядом с фигурой дидаскала появляется и его помощник — гиподидаскал (ὑποδιδάσκαλος) (*Phot. s. v.*).

Изначально слово хор (χορός) обозначало ограниченное пространство, предназначенное для хороводов⁵⁵, которое в позднейшее время стало называться оркестра (ὄρχήστρα)⁵⁶. Такое употребление слова «хор» встречается еще у Гомера: ἐς χορὸν ἔρχεσθαι (II, III, 393), λειαίνειν χορὸν (*Od.*, VII, 260) и т. д. Но уже у того же Гомера термин «хор» переносится на группу людей, участвующих в хороводе: ἐν ξορῷ Ἀρτέμιδος

μετὰ μελλομένησιν (II, XVI, 183). С другой стороны, это название переносится и на саму песню-танец как поэтическое произведение. Так, у Платона χορεία, χορεύειν относится к связанному с пением танцу, исполняемому большим числом людей (*Plat. leg.*, II, 654 b). Таким образом, в классическую эпоху имелись эти два последних значения слова «хор»: поэтическое произведение и группа людей, исполняющая это произведение.

Упоминания об исполнении музыкальных произведений уходят корнями в глубь греческой истории. Однако эпоха расцвета этого искусства начинается с архаического времени⁵⁷. Засвидетельствование первого хора есть у Афиня, который рассказывает о хоре, состоящем из мужчин и мальчиков (а если верить приведенным в издании Г. Кайбеля возможным исправлениям текста, то и из старцев)⁵⁸. Этот хор был снаряжен на спартанскую гимнастику (летние торжества в Спарте в память павших героев, сопровождавшиеся пляской и пением молодых людей)⁵⁹ и исполнял среди прочих произведения Талета (*Athen.*, XV, 678 c). Это событие возможно датировать временем около 665 г.⁶⁰

Начиная с этого момента, мы знаем несколько имен авторов хоровых произведений⁶¹, в том числе поэта Алкмана, практически завершившего эволюцию хорового произведения, разделив его на строфы и антистрофы (во второй половине VII в.)⁶². Алкман более всего был известен своими парфениями — хорами для девушек⁶³, один пример которых сохранился на папирусе, хотя и в очень поврежденном виде (fr. 1). Далее нам известен целый ряд имен авторов хоровых произведений⁶⁴.

Поэт для исполнения хоровых произведений сам набирал себе хор, обучал его, становился его запевалой, руководителем (то есть хорегом в изначальном смысле слова). Но уже ко времени Алкмана, как установил У. Ф. Виламовиц на основании изучения текста его хора для девушек⁶⁵, кроме поэта, из числа хореэтов выделился «солист», который и стал первоначальным хорегом⁶⁶. К классическому времени эволюция хора закончилась тем, о чем уже говорилось выше. То есть, появилось несколько лиц, участвующих в подготовке хора к выступлению: кроме хореэтов-исполнителей, из среды которых выделилась фигура корифея, имелся также поэт, который изначально брал на себя функции учителя хора, а позднее передал их специальному лицу — «профессионалу» — дидаскалу; а также возникла новая фигура хорега, являющегося чем-то подобным современному импресарио.

В интересующий нас период греческой истории эволюция хора привела к возникновению трех основных родов хора: культового, лирического и драматического. Культовый хор сопровождал религиозные це-

ремони и состав его мог быть различным: существовали женские хоры (из молодых девушек), хоры мальчиков, мужчин. Есть свидетельства даже о смешанном хоре (стариков, мужчин и мальчиков) — *трихорία*, который был введен Тиртеем среди спартанцев (*Plut. Lыk.*, 21; *Poll.*, IV, 107). Культовые хоры по своему существу, конечно, не принимали участия в состязаниях, здесь нет фигуры хорега⁶⁷, потому эти хоры для нас интереса не представляют. Другие же два рода хоров были как раз теми, среди которых устраивались состязания и для снаряжения которых существовал институт хорегии.

1.3. Лирическая хорегия

Второй род греческого хора — лирический хор. Другое название — киклический (*κύκλος*, *κικλίκος*; от *κύκλος* — круг). У. ф. Вилаговиц-Мёллендорф считал, что киклическим хор был назван потому, что занимал место в круге оркестры и был «круговым» танцем⁶⁸. А. В. Пикард-Кембридж, опираясь на слова Афиняя, который противопоставляет квадратный и полукруглый хор (*Athen.*, V, 181 с), полагал, что киклическим хор назван в противовес драматическому, который стоял по прямой линии⁶⁹. Специальные исследования доказали, что дифирамбический хор был действительно круглой формы и выстраивался вокруг алтаря⁷⁰. Однако представление о прямоугольном (или вытянутым в одну линию) построении драматического хора не совсем верно, в каковое заблуждение впадают и некоторые другие исследователи⁷¹. Если позднейший драматический хор действительно выстраивался в виде четырехугольника (*Poll.*, IV, 108–109), то ранний строился также по кругу (*Lыc. Anarch.*, 23)⁷², что является демонстрацией родства между этими двумя видами хоров.

Еще одно название этого вида хора — дифирамбический (*διφύραμβικός*; *διφύραμβώδης*), поскольку именно исполнение дифирамбов стало со временем преобладающим в хоровых состязаниях, вытеснив исполнение других хоровых произведений — пеанов, гипорхемат, гимнов. Жанр дифирамба весьма древний⁷³. Изначально дифирамб исполнялся в честь Диониса. Затем в качестве сюжетов дифирамба стали избираться приключения и других богов и героев. Согласно Геродоту, первым композитором дифирамба был Арион (*Herod.*, I, 23 sq.)⁷⁴. «Суда» также сообщает, что Арион представил сатиров, пение которых было метрическим (*Suid. s. v. Ἀρίων*)⁷⁵. Однако впервые дифирамб встречается у Архилоха

(вторая половина VII в.)⁷⁶, отрывок из него уцелел у Афиная (*Athen.*, XIV, 628 a-b; пер. Е. В. Герцмана): «Я знаю, как вести дифирамб, прекрасную песнь богу Дионису, когда мой разум оглушен вином». Здесь же мы можем найти и фразу из несохранившейся комедии Эпихарма (VI–V в.) «Филоктет»: «Дифирамба нет, если ты пьешь воду». Единственный же сохранившийся пример этого жанра — отрывок из песни Тесею Вакхилида (XVII)⁷⁷. Этот дифирамб написан в диалогической форме⁷⁸, предполагает мимическую игру и, таким образом, содержит элемент драматического действия⁷⁹. Однако не надо забывать, что этот образец принадлежит концу 70-х гг. V в., то есть времени, когда в Афинах уже выступали именитые трагики, и потому не следует исключать возможности, на что обратил внимание С. И. Радциг, что этот дифирамб сам может носить влияние трагедии⁸⁰.

Вакхилид, а также Пиндар были последними крупными представителями этого жанра. Однако и после них хоровая лирика не сошла со сцены и пережила второй расцвет во второй половине V в., что было связано с появлением «нового дифирамба»⁸¹; представители этого жанра (Филоксен и Тимофей) оставались популярными и в эллинистическое время⁸².

Лирические хоры были только мужские, различающиеся по возрасту хоровцов: хоры мальчиков и хоры мужчин. Мужские и юношеские хоры состязались в отдельных соревнованиях. Если культовый хор мог иметь произвольное число хоровцов (известны хоры с числом исполнителей от семи до пятидесяти, а Геродот сообщает об отправленном в Дельфы хоре из 100 юношей (*Herod.*, VI, 27)), то количество хоровцов для афинского лирического хора было строго определенным: лирический хор состоял из 50 человек (*Simonid.*, 147 b).

Лирический хор состоял только из граждан и при этом из членов одной филы. Если кто-то из хоровцов без особой на то причины пытался избежать своего участия в хоровом состязании, то к нему могли применяться определенные меры принуждения (*Antiph.*, VI, 11). В связи с этим хотелось бы опровергнуть достаточно распространенное мнение о пренебрежительном отношении греков к актерам. В более поздние времена, во времена существования дионисийских артелей, когда труд актера стал профессиональным, отношение к актерскому ремеслу действительно стало иным. Однако во времена классической драмы, в то время, когда театральные представления воспринимались как акт священнодействия, и отношение к актеру ничем не отличалось от отношения к любому другому члену гражданского коллектива, выполняющему свой гражданский долг. Лирический и драматический хоры были

просто разными родами хоров, но одного качества. И участие в том и другом хоре (а драматический актер в классические времена был еще практически членом хора, исполнявшим сольные партии) должно было считаться долгом и честью для гражданина.

К какому времени восходит начало состязаний хоров, нельзя сказать с достоверностью. Мы очень рано слышим об исполнении гимнов Аполлону под аккомпанемент кифары в Дельфах, и состязания эти были, по мнению древних, самыми первыми музыкальными состязаниями (*Strab.*, IX, 421; *Paus.*, X, 7, 2. 3)⁸³.

Однако о состязании хоров мы можем говорить для более позднего времени⁸⁴. Об агонистическом характере постановок произведений Алкмана свидетельств нет⁸⁵. Сообщение о первых состязаниях мужских хоров дает Паросский Мрамор (*Marm. par.*, 46) и относит эти состязания к 509/8 г.⁸⁶, когда победил при архонте Лисагоре со своим дифирамбом халкидянин Гипподик. Это первая официальная дата начала лирического агона. Кроме того, традиция доносит, что примерно в это же время Агафокл и Аполлодор обучали афинские киклические хоры⁸⁷. Также Паросский мрамор упоминает и победу Симонида в четвертый год 72-й Олимпиады (*Marm. par.*, 49). Далее мы имеем уже большое количество сведений относительно состязаний киклических хоров. Для V–IV вв. в качестве победителей в таких состязаниях называются Тимофей, Филоксен, Меланиппид, Телест, Кинесий⁸⁸.

При том что любой греческий праздник сопровождался непременно хоровыми (культовыми) песнопениями и зачастую торжественными процессиями (πομπή), не на каждом празднике проводились лирические агоны. В Аттике такие агоны засвидетельствованы на трех праздниках.

В первый месяц аттического года, гекатомбеон, совершался один из важнейших аттических праздников в честь богини-покровительницы города — Панафинеи (Παναθήναια). Раз в четыре года он проводился с особой пышностью и назывался Великие Панафинеи (τὰ Παναθήναια τὰ μέγαλα), ежегодный же праздник имел название Малые Панафинеи (Παναθήναια τὰ μικρά или Παναθήναια τὰ κατ' ἐνιαυτόν)⁸⁹. На этом празднике наряду с другими состязаниями проводились и лирические агоны.

Засвидетельствованы такие агоны на дионисийском празднике — Великих Дионисиях, праздновавшихся в девятом месяце года — элафоболионе. Плутарх в биографии Перикла сообщает о строительстве по инициативе этого политика Одеона — музыкального зала⁹⁰, где стали проводиться музыкальные состязания (изначально они, судя по всему, проводились в театре) (*Plut. Per.*, 13). Одеон был построен к востоку от оркестры театра в 446–442 гг.⁹¹

В одиннадцатом месяце, который назывался таргелион, совершался праздник в честь Аполлона и Артемиды — Таргелии (Θαργήλια), проходившие 6 и 7-го числа (которые считались днем рождения Артемиды и Аполлона соответственно)⁹². Здесь также проводились лирические состязания⁹³.

Ко времени Пелопоннесской войны, по сообщению Псевдоксенофонта, кроме трех упомянутых праздников, были также агоны и на Гефестиях (Ἡφαιστία) и Прометиях (Προμήθια) ([Хен.] de rep. Ath., III, 4). Гефестии были отмечены лампадефорией, то есть бегом с факелами. Существование во время этого праздника лирических агонов признается не всеми исследователями. Кроме сообщения Псевдоксенофонта, имеется еще два упоминания об агонах на этих праздниках. Так, фила Пандионида в своем постановлении о записях победоносных хорегий говорит о юношеских и мужских состязаниях на Дионисиях, Таргелиях, Прометиях и Гефестиях (IG, II², 1138). А с другой стороны, Лисий называет Гефестии и Прометии «факельными» праздниками (Lys., II, 188). Надпись же не уточняет, какие именно состязания имеются в виду под словами «состязания мальчиков и мужчин», и под ними можно подразумевать как спортивные (бег с факелами), так и музыкальные. Поэтому А. Бёк утверждал, что на Прометиях и Гефестиях была не хорегия, а гимнасиархия⁹⁴. А. Моммзен, отмечая двусмысленность упомянутой надписи, все же склонялся в сторону хорегии на этих праздниках⁹⁵. Не вызывает сомнения существование лирического агона на этих «факельных» праздниках у П. Никитина, который вполне склонен доверять сообщению Псевдоксенофонта⁹⁶. В общем, поскольку нет свидетельств, говорящих определенно против существования лирического агона на Гефестиях и Прометиях, то кажется вполне возможным принять сообщение автора «Афинской политики» и признать существование лирического агона на эти двух праздниках, как это делает целый ряд позднейших исследователей⁹⁷.

У. Кёлер определил лирический агон для Леней на основе так называемого закона Эвегора⁹⁸. Вот что приводит Демосфен: «Эвегор предложил, чтобы в те дни... когда готовится шествие в Ленеи с выступлениями членов трагического и комического хора и когда празднуются Городские Дионисии с торжественным шествием, выступлением детей, комоса, членов трагического и комического хора», были введены некоторые льготы должникам (Dem., XXI, 10; пер. И. Г. Боруховича). На основе этого текста У. Кёлер заявил о существовании лирических хоров на Ленеях. Однако такое мнение кажется заблуждением, поскольку в части закона, относящейся к Ленеям, нет упоминания о хорах, а есть лишь по

отношению к Великим Дионисиям. Другие исследователи не включают Ленеи в число праздников, отмеченных лирическим агонем, но только драматическим⁹⁹.

Не имеем мы и сведений относительно постановки дифирамбов на другом дионисийском празднике — Анфестериях (Ἀνθεστήρια). Однако профессор К. Ф. Йохансен настаивал на том, что на этом празднике исполнялись дифирамбы, и основывал свое мнение на комбинации анализа фрагмента дифирамба Пиндара и одного вазового изображения¹⁰⁰.

Фрагмент дифирамба Пиндара, переданный Дионисием Галикарнасским (*Dion. Hal. de comp. V b, 22*), содержит в себе просьбу к богам — послать их благословение хору, отмечая особо при этом украшение агоры; а происходили эти события в то время, когда цветут фиалки и благоухающая весна сходит на нектарные цветы. Естественный вывод, который делает К. Ф. Йохансен по этому поводу (и к нему присоединяется Т. Вебстер), что хор обращался к богам на агоре (К. Ф. Йохансен полагает, что это был алтарь двенадцати богов). Время же года больше напоминает конец февраля (время Анфестерий), чем конец марта (время Великих Дионисий).

Что касается вазового изображения, то на нем хор выступает перед подобием майского шеста, увитого плющом. К. Ф. Йохансен сравнивает это изображение с другими известными нам изображениями Анфестерий, и приходит к справедливому заключению, что он ассоциируется со свадебной колесницей Диониса и базилины (βασιλίνα) (жены архонта-басилевса), каковая ритуальная процессия происходила на второй день Анфестерий¹⁰¹. Такую интерпретацию этих двух фактов предложил К. Ф. Йохансен; взгляд этого исследователя был поддержан и Т. Вебстером¹⁰².

Дионису был посвящен еще один афинский праздник — Осхофории (Ὀσχοφόρια), учрежденные в честь Диониса и Афины Скирады в благодарность за дарованную людям жатву винограда и маслин (этот праздник получил свое название от виноградных ветвей с гроздьями — ὄσχος). Праздновался он седьмого числа месяца пианопсиона¹⁰³. Однако этот праздник упускают из вида практически все исследователи.

В нашем распоряжении имеется сообщение Аристодема, который говорит о состязаниях в хорах и беге на Скире (или Скирофориях — празднике в честь Афины). Однако совершенно точно доказано, что Аристодем перепутал Скирофории с Осхофориями¹⁰⁴. Таким образом, мы имеем свидетельство о хоровых состязаниях на Осхофориях, где хоры также были организованы по филам¹⁰⁵. Однако свидетельств о литургической опеке над этими состязаниями нет, и Дж. К. Девис, от-

стаивающий тот факт, что хоры на этом празднике состязались, признать назначение для них хорегов остерегается¹⁰⁶.

Следовательно, достоверно, что праздника, на которых проводились состязания лирических хоров, было три: Великие Дионисии, Панафинеи, Таргелии. Также с полным правом можно предполагать существование лирического агона на Гефестиях и Прометиях, а также Анфестериях и Осхофории¹⁰⁷. Именно для этих праздников назначались лирические хореги (за исключением последних двух праздников, относительно которых мы не располагаем такими сведениями).

Официально засвидетельствованные впервые в 508/7 г., лирические состязания могут восходить еще ко времени Писистратидов. О состязаниях в дифирамбах в это время свидетельствует Аристофан, рассказывая о том, что Симонид предложил состязания в дифирамбах Ласу (*Aristoph. Vesp.*, 1410). Идентификация имен позволяет датировать это возможное событие именно эпохой Писистратидов (что предложил еще Г. Розенкранц¹⁰⁸), хотя это событие могло принадлежать более позднему времени — началу V в.¹⁰⁹

Устойчивая же организация хоровых состязаний относится ко времени Клисфена¹¹⁰. При этом в основе хоровых состязаний лежало деление на филы, и поэтому соревнующихся хоров было столько же, сколько и фил — десять. Вероятно, тот факт, что лирические состязания были состязаниями фил, подтверждает официальную дату фиксирования лирического агона. Именно реформа Клисфена, установившая и зафиксировавшая новое официальное территориальное деление Аттики, дала возможность упорядочить лирические состязания и придала им строгость. Безусловно, лирические агоны в известной позднее форме и способе проведения должны восходить именно ко времени Клисфена, когда новое деление на филы определило и способ проведения лирического агона.

Лирические состязания были не столько состязанием хоров, сколько соревнованием фил. Хор был олицетворением филы и ее представителем на празднике. Хоревты все были членами этой филы, и хорег — руководитель хора — был также членом этой филы (*Antiph.*, VI, 11–13). То, что лирический хорег выбирался по филам, — факт бесспорный. В этом едины все исследователи, занимавшиеся этой проблемой. Об этом же говорят нам все источники, например Демосфен (*Dem.*, XX, 130; XXI, 13; XXXIX, 7). В эпиграфических памятниках имя лирического хорега стоит всегда в связи с именем филы. Обычная формула для такого обозначения такова: «Такая-то фила победила с хором мальчиков (мужчин)».

Существует, кроме того, бесспорное соответствие между числом фил и числом хоров на праздниках. На Великих Дионисиях состязались де-

сять хоров (мужчин и мальчиков) (*Schol. Aeschin.*, I, 10). Э. Рейш, вслед за мнением А. Бринка¹¹¹, полагает, что было по пять хоров мужчин и мальчиков. А какая фила какой хор поставляет, определялось с помощью жребия¹¹². Такое заключение базируется на аргументации Исея, что четвертое место в состязании хоров было одним из последних (*Is.*, V, 36). Однако эпиграфический материал дает нам сведения другого рода. Так, одна аттическая надпись (*IG*, II², 2318, 320 f.) сообщает о филе, поставившей и хор мальчиков, и хор мужчин¹¹³. А. Бринк и Э. Рейш отвергают подобные факты как случайность¹¹⁴, А. В. Пикард-Кембридж вовсе отказывается от комментариев этого факта¹¹⁵.

Кроме того, как заметил И. Кирхнер, такое же событие произошло и в тот год, о котором сообщает также другая надпись (*IG*, II², 3061). Первая надпись датируется по А. Вильгельму 336/5 г.¹¹⁶, по Д. М. Льюису — 333/2 г.¹¹⁷, но в любом случае эта надпись относится к IV в. Таким образом, как справедливо замечает Дж. К. Девис, затронувший эту проблему в своей статье, мы должны предположить, что в IV в. состязались по десять хоров мужчин и мальчиков¹¹⁸.

Однако нет оснований отвергать существование такого обычая и для V в. и базироваться на неоднозначном заявлении Исея о четвертом месте как одном из последних. Ведь даже если в состязании участвует десять хоров, то четвертое место и здесь не может являться почетным. К тому же, как кажется, тот факт, что каждая фила выставяла обязательный хор для отдельного состязания (а хоры мальчиков и мужчин были именно различными хорами, разными видами исполнительского искусства), более соответствовал требованиям и традициям, да и самому смыслу агона как соревнования фил¹¹⁹.

На Таргелиях, по сообщению Антифонта, состязались всего пять хоров. Каждый хор набирался из двух фил и назначался один хорег из какой-то одной филы (*Antiph.*, VI, 11). Прямо о таком обычае говорит Ульпиан в схолиях к Демосфену (*Ulpian. ad Dem.*, XX, 28): «На Таргелиях от двух фил назначался один единственный хорег, а на Великих Дионисиях — один хорег от каждой филы».

Такие надписи, где называется один хорег и две филы, опубликованы С. Куманудесом¹²⁰. При этом он предположил, что каждая фила имела все-таки своего хорегу и что каждый из двух хорегов в случае победы делал свою надпись, а имя архонта, поставленное в надписи одного, могло опускаться в другой надписи, поскольку встречаются надписи, имя архонта не содержащие¹²¹. Но, как доказал У. Кёлер, наименование архонта в хорегических надписях не является закономерностью, хотя и встречается часто¹²². То есть опущение имени архонта в опубликован-

ных С. Куманудесом надписях не является доказательством его предположения.

П. В. Никитин опровергал мнение С. Куманудеса и доказывал существование одного хорема от двух фил, опираясь на факты, выставленные в речи Антифонта¹²³. Так, хорегу, принадлежащему филе Эрехтеиде, которого обязали к постановке хора двух фил (Эрехтеиды и Кекропиды), помогают в устройстве хора два «эксперта» из одной и другой филы. О втором хореге из филы Кекропиды ничего не говорится.

Только лишь К. Д. Бак высказал некоторое сомнение относительно справедливости этой теории. Сомнительным ему показался тот факт, что одна подобного рода надпись была найдена на южном склоне акрополя и, следовательно, по мнению этого исследователя, не может принадлежать Таргелиям, проведение которых с акрополем связано не было¹²⁴, поскольку этому исследователю показалось невозможным предположить, чтобы надпись была перенесена сюда из другого места¹²⁵. Однако это, судя по всему, единственный повод подвергнуть сомнению факт, что один хорег от двух фил назначался именно для Таргелий, поскольку все прочие надписи были найдены в окрестности Пифиона, где и совершались таргелийские посвящения¹²⁶. А названная надпись, вопреки сомнениям К. Д. Бака, действительно могла быть перенесена на акрополь по каким-либо причинам в более позднее время¹²⁷.

Упомянутая надпись филы Пандиониды (*IG, II², 1138*), дающая сведения о хорегии на Гефестиях и Прометиях, также содержит указания на филы. О том, что хоры на этих праздниках являлись представителями фил, говорит и Псевдоксенофонт (*[Xen.] de ger. Athen., III, 4*).

О панафинейских хоровых состязаниях мы знаем чрезвычайно мало. Например, тот, для кого была написана XXI речь Лисия, говорит, что он устраивал киклический хор для Малых Панафиней (*Lys., 21, 2*)¹²⁸. Демосфен также исполнял хорегии на Панафинях (*Dem., 21, 156*); хорегии на Панафинях упоминаются также у Псевдоксенофонта (*[Xen.] Ath. pol., III, 4*). Однако о количестве состязующихся хоров на Панафинях достоверных сведений нет. Панафинейские музыкальные состязания засвидетельствованы с весьма древнего времени¹²⁹. Но, судя по всему, при Перикле было проведено какое-то преобразование в порядке состязаний (*Plut. Per., 13*).

Так, хорегии лирического агона выбирались из граждан филы, поставившей хор. Хорег должен был быть непременно гражданином. Он назначался задолго до начала праздника (*Dem., IV, 36*)¹³⁰. И, как следует из слов Аристотеля (*Arist. Ath. pol., 56*), архонт мог непосредственно после вступления в должность «испытать» выбранного им хорема.

Кроме того, существовало ограничение для хорега хора мальчиков. По словам Эсхина (*Aeschin.*, I, 11) и Аристотеля (*Arist. Ath. pol.*, 56), такой хорег должен был быть не моложе 40 лет¹³¹. Хотя афинянин, для которого была написана XXI речь Лисия, исполнял хорегию хора мальчиков, будучи в возрасте восемнадцати лет (*Lys.*, XXI, 1–5).

Чем объясняется такое несоответствие, нельзя сказать достоверно: то ли рекомендательным характером такого ограничения, то ли появлением этого обычая в IV в. (а Аристотель перенес современные сведения на древность). К тому же для IV в. известно, что некий Аполлодор был хорегом хора мальчиков в 352/1 г. (*IG*, II², 3039), при этом нам известен год рождения этого человека — 393 г.¹³² Таким образом, во время исполнения хорегии ему было более 40 лет¹³³.

Обязанностью лирического хорега было организовать хор, обеспечить его всем необходимым для обучения и снабдить праздничной одеждой для выступления (*Antiph.*, VI, 11–13). Кроме того, хорег должен был найти дидаскала для хора, который, по мнению Э. Рейша, назначался так: хорегам по жребию определялась последовательность, в которой они будут выбирать себе дидаскала из предложенных кандидатур (*Antiph.*, VI, 11; *Aristoph. Av.*, 1404): то есть чем дальше была очередь хорега, тем меньше кандидатур для выбора у него оставалось¹³⁴. Дидаскал же со своей стороны должен был подыскать для хора флейтиста (*Plut. de mus.*, 30). В те времена, когда дидаскалом был сам поэт, флейтист нанимался самим поэтом и из-за своей важности был на втором месте после него (*Plut. de mus.*, 30; *Pratin.*, fr. 1). И, как сообщает схолиаст Эсхина, «в киклическом хоре флейтист стоял в центре» (*Schol. Aeschin.*, I, 10). За свою работу дидаскал получал от государства определенную плату (*Xen. Hier.*, IX, 4).

В IV в. ситуация могла измениться. В речи Демосфена против Мидия есть указание на то, что флейтист определяется хорегом, а дидаскал оказывается в подчиненном положении (*Dem.*, XXI, 13. 59). Э. Рейш предположил, что в это время именно флейтист мог осуществлять обучение хора, переданного ему поэтом, с одобрения архонта и получать за это плату от государства¹³⁵.

Но и сам хорег должен был принимать участие в репетициях, поскольку был заинтересован в победе. Есть свидетельство о том, что хорег однажды занял место флейтиста для сопровождения выступления хора. Аристотель говорит, что в V в. игра на флейте была распространена, и упоминает надпись, где хорег комического хора Экфантиды занес свое имя в качестве флейтиста (*Arist. pol.*, VIII, 6, 5, 1341 а).

В лирическом агоне известен факт, аналогичный драматическому агону (см. дальше), а именно — возобновление исполнения старых хоров.

Так, одна хорегическая надпись, подробнее о которой речь пойдет ниже, говорит об исполнении дифирамба Тимофея «Элленор» (IG, II², 3055). Надпись принадлежит 319 г. У. Кёлер установил, что это — дифирамб милетянина Тимофея, жившего в Афинах и умершего в 360 г.¹³⁶ Таким образом, вероятно, и в лирическом агоне был закон о постановках старых хоров, как это было в агоне драматическом относительно старых пьес.

Как представитель филы хорег объявляется в решении судей о победе (Lys., IV, 3; Isocr., XVII, 33). Как сообщает Ксенофонт, он от имени филы принимает из рук архонта венки победителя и государственную награду — треножник¹³⁷ (Xen. Hier., IX, 4). Хорегу поручается при этом установить треножник, что совершалось или на склоне скалы над рядами театральных сидений, который назывался кататома (κατατομή) (Harp. s. v.; Suid. s. v.), или на улице Треножников (Paus., I, 20, 1; Athen., XII, 543 a; XIII, 591 b)¹³⁸. Эта улица начиналась от Пританея на северном склоне акрополя и, обогнув восточный и южный склоны холма, заканчивалась у входа в священный участок Диониса Элевтерия и была из-за обилия выставленных на ней произведений искусства любимым местом прогулок афинян (Athen., XII, 542 f). Треножники, полученные на Таргелиях, устанавливались в Пифионе — храме Аполлона¹³⁹.

Эти треножники выставлялись на специально сооружаемые постаменты¹⁴⁰, что также входило в расходы хорега. На базисах треножников хорегам надлежало оставить посвятельную надпись, сообщающую о победе соответствующей филы. До нас дошло большое их число, которые принадлежат к тому разряду надписей, которые и получили название «хорегические»¹⁴¹.

Более древние из таких надписей называют филу-победительницу (часто без пояснения, что это был за хор — мальчиков или мужчин), имя хорега, дидаскала и архонта. Вот типичный пример такой надписи: «Оинеида победила в хорах мальчиков, хорегом был Эвримен, сын Мелетеона, дидаскалом — Никострат» (IG, I², 769).

Надписи IV в. называют также регулярно флейтиста, имя которого в конце концов встает на место дидаскала¹⁴². Надпись 328/7 г. выглядит уже таким образом: «Фила Эгеида победила в мужских хорах, хорегом был Эвагид сын Ктесия из дема Филеда, флейтистом Лисимахид, сын Эпидамния, дидаскалом Харилай, сын Локра, архонтом Эвтикрит» (IG, II², 3052).

Формула надписей на базисах треножников, полученных на Таргелиях, выглядит, соответственно, иначе: «Счастливый Сфетгий, сын Мнесибула, будучи хорегом, победил с хором мальчиков фил Акамантиды и Пандиониды, дидаскалом был Эвкл, флейтистом Эвдамиск, архонтом Хион» (IG, II², 3065).

Хореги позднеклассического и эллинистического времени зачастую не ограничивались простыми посвятельными надписями на базисе треножника, но воздвигали богато украшенные постаменты, а порой настоящие постройки, на которых и занимали свое место треножники¹⁴³.

Примечательна надпись, сделанная на монументе Никия: «Никий из дема Ксипета, сын Никодима, удостоился [этой] чести, победив, будучи хорегом хора мальчиков филы Кекропиды. Панталеон Сикионец был флейтистом, песня «Элпенор» Тимофея. Неэзм был архонтом» (IG, II², 3055). Согласно этой надписи, чести победы и посвящения удостоился хорег Никий, а не его фила¹⁴⁴.

К. Д. Бак в упоминавшейся статье предпринял попытку классификации хорегических надписей, доказывая, что существовало два вида таких надписей: официальные (то есть поставленные «от имени филы») и личные (то есть, поставленные по инициативе хорегга). Свою теорию он основывал на анализе клише, употребляемых в этих свидетельствах. Так, он заметил, что ряд надписей с упоминанием имени хорегга содержит слово «посвятил» (ἀνέθηκε), а другие не содержат упоминания о посвящении, но лишь сообщают о победе соответствующего хора. Из этого исследователь сделал вывод, что во втором случае речь идет об официальных, в его понимании, надписях и оставлены они были на базисах, на которых устанавливались треножники. Те же надписи, которые содержат упоминание о посвящении, оставлены, по мнению К. Д. Бака, по инициативе хорегга, и предметом посвящения является не треножник, но какой-либо другой предмет, например статуя¹⁴⁵.

Явно опровергают это мнение свидетельства известных уже надписей на монументах Фрасилла и Никия, которые, будучи поставленными для того, чтобы отметить прежде всего победу соответствующей филы, содержат глагол ἀνέθηκε. К. Д. Бак попытался объяснить это тем, что надписи принадлежат более позднему времени — кануну отмены хорегии, — и потому их клише могли измениться. Однако, несмотря на оригинальность, эта теория не кажется убедительной. Едва ли следует предполагать какие-то дополнительные посвящения от лица хореггов и постановку дополнительной надписи. В надписях, поставленных от имени филы, непременно указывался хорег, снарядивший хор, потому едва ли была необходимость для хорегга оставлять дополнительное свидетельство своей победы. А если хорег желал особо отметить себя, свое участие и свою состоятельность, то он мог это сделать путем сооружения таких пышных построек, которые были только что описаны. А формула посвящения, формула памятной надписи была, скорее всего, делом вкуса и традиций соответствующей эпохи.

Итак, если свое начало общественное исполнение дифирамба берет в дорийских областях, то своего совершенства достигает все же в Афинах: сначала при тирании, когда особенно активен был Лас, а затем при демократии¹⁴⁶, когда во времена Клисфена завершается оформление дифирамбического агона.

Лирическая хорегия выступает в непосредственной связи с филами. Лирические состязания были состязаниями фил и изначально лирическая хорегия выступала как институт, предназначенный для выражения интересов гражданских коллективов отдельных фил. Хорег являлся «олицетворением» филы на празднике и нес на себе не только бремя личной ответственности, но и бремя ответственности за свою филу.

Дошедшее до нас число надписей лирических хорегов непропорционально велико по сравнению с надписями хорегов драматических¹⁴⁷. И это может объясняться именно тем, что в устройстве соответствующих надписей заинтересован был именно коллектив филы, честолюбие которого не мог не удовлетворить хорег, не навлекая на себя обвинения в равнодушии к чести своей филы. Именно это должно было заставить хорегу, сверх расходов по исполнению самой литургии, подвергнуть себя расходам по устройству соответствующего памятника.

С изменением ситуации в Афинах в конце IV в. изменилось, судя по всему, и отношение к хорегии¹⁴⁸. Хорегические надписи конца IV в. отражают увеличение претензий хорегов и трансформацию представления о выполняемых ими функциях. Теперь хорегии воспринимают выполняемые ими обязанности как дело личное, и дошедшие до нашего времени надписи хорегов демонстрируют изменившиеся настроения: последние называют себя победителями, в то время как хор той или иной филы выступает в качестве инструмента, с помощью которого эта победа завоевана. Сооружаемые монументы воздвигаются не для прославления филы, но для демонстрации личных средств и, быть может, эстетического вкуса. Так, лирические агоны, родившись как состязания фил, превращаются в состязания между отдельными хорегами.

1.4. Дионисийские праздники в Афинах

Следующий вид хорегии — драматическая хорегия, и связана она с постановкой третьего вида греческого хора — драматического, то есть хора, принимавшего участие в сценическом представлении греческой драмы.

Вопросу о происхождении греческой драмы посвящено огромное количество специальных исследований. И хотя исследователи до сих пор не пришли к единому мнению в деталях, в общих чертах это становление видится достаточно определенно. Как известно, зарождение драмы (трех основных ее жанров: трагедии, сатировской драмы и комедии) как театрализованного представления происходит в рамках культа Диониса (о чем говорят и сами древние (*Arist. poet.*, 4)¹⁴⁹), отмечавшегося торжественными процессиями, сопровождавшимися ритуальными танцами и известными уже дифирамбами. Такие истоки греческой драмы определили ее специфику: драмы зародились как музыкальные произведения, где основная роль принадлежала хору. Таковыми они оставались на протяжении греческой истории.

Первые известные нам драматурги: Фриних, Феспид, Кратин, — были одновременно поэтами и исполнителями. Первое упоминание о постановке трагедии — 534 г.¹⁵⁰ Из слов Аристотеля (*Arist. poet.*, 1449 b) и Свида (*Suid. s. v. Χιονίδης*) заключают, что комедия на Дионисиях ставилась уже в 487/6 г. Однако П. Гирон-Бистань полагает, что и до этого времени нельзя исключать постановку комедии, которая проводилась в форме древних комосов¹⁵¹.

Относительно сатировой драмы мы имеем сообщение Свида (*Suid. s. v. Πρατίνας*), где говорится, что Пратин был автором первой сатировой драмы. Когда в Сикионе местный тиран Клисфен учредил культ Диониса взамен аристократического культа героя Адраста, то Пратин был там организатором сатиловских зрелищ. После свержения тирании в Сикионе Пратин прибыл в Афины, где мог ввести сатиловские драмы¹⁵².

Археологический материал может подтвердить, что сатиловская драма существовала уже в начале V в.: именно к этому времени относится аттическая краснофигурная чаша, которая изображает человека в сценическом костюме сатира¹⁵³. А. В. Пикард-Кембридж считает, что трагедия и сатиловская драма должны были возникнуть примерно одно время¹⁵⁴.

Изначально хоровым партиям отводилась значительная роль в разыгрывании сюжета. Э. Бете определил театральные состязания именно как состязания хоров. «Не поэт, не хорег, не актеры были во время агон борцами за победу, но хор»¹⁵⁵. Во многом это верно, а если речь идет о ранней драме, то это — безусловно.

Как и в случае дифирамбического хора, число хоревтов драматического было постоянным и строго фиксированным¹⁵⁶. «Суда», говоря о Софокле, сообщает о количестве членов трагического хора: «Сначала хор состоял из пятнадцати человек, до этого — из двенадцати» (*Suid. s. v.*

Σοφοκλῆς). То есть, вероятно, во время Эсхила число хоревтов было увеличено с двенадцати до пятнадцати человек¹⁵⁷.

А. Мюллер следующим образом объяснил указанное число членов хора. Как известно, дифирамбический хор состоял из пятидесяти человек. После того, как каждый поэт должен был представлять тетралогии (трагики классического времени состязались именно тетралогиями; три трагедии, написанные на один сюжет, и сатировская драма), этот хор из пятидесяти человек разделили на четыре пьесы. Так получилось число двенадцать, которое включало в себя одиннадцать хоревтов и руководителя хора, который, помимо того, что «вел» хор, сам являлся хоревтом. Эсхил же выделил руководителя хора, дав ему двух помощников — руководителей полухоров. Так получилось число пятнадцать¹⁵⁸. Так ли это могло быть в действительности или же это предположение совершенно надуманно — в этом не видится существенной проблемы. По крайней мере, сохранилось число пятнадцать. Поллукс говорит уже о пятнадцати хоревтах (*Poll.*, IV, 109). То же число хоревтов, что и в трагедии, было в сатирической драме.

«Комедийный хор, — говорит Поллукс, — состоял из 24 хоревтов» (*Poll.*, IV, 109). То есть комедийный хор составлял половину дифирамбического. Со временем количество хоревтов комического хора сократилось¹⁵⁹, вероятно в связи с переменами, происшедшими в греческой драме, которые вызвали уменьшение роли хора.

Хоревты были исключительно гражданами ([*Andoc.*], IV, 20; *Dem.* XXI, 56. 60; *Schol. Aristoph. Plut.*, 953)¹⁶⁰. Поскольку хор был священным, то хоревты (как и в случае дифирамбического хора) были освобождены от военной службы (*Dem.*, XXI, 16. 31. 34. 51. 54. 56), каковая привилегия распространялась и на хорега¹⁶¹, что само собой разумеется, поскольку обязанности хорега требовали его непременно присутствия в городе.

Будучи связанными с культом Диониса, театральные представления проводились исключительно на Дионисийских праздниках. Их было в Аттике четыре: Сельские или Малые Дионисии, или Θεοῖνια (со времен А. Бёка прочно выделены в отдельный праздник, в отличие от мнения предшествующих исследователей, пытавшихся идентифицировать этот праздник либо с Ленеями, либо с Анфестериями)¹⁶²; Ленеи (Λήναια); Анфестерии (Ἀνθεστήρια). В месяце элафоболионе проходил главный праздник Диониса: Великие, или Городские (в отличие от Сельских), Дионисии (Διονύσια τὰ μεγάλα, τὰ ἐν ἄστει).

Ленеи были первым государственным праздником из Дионисийских. Именно здесь засвидетельствованы первые драматические состязания

(*Marm. par.*, 43). Здесь в 534 г. выступил со своей пьесой и победил Феспид. При этом в записи о победе Феспида праздник не поименован, так как, кроме как на Ленеях, театральные представления нигде больше не давались. Великие Дионисии в это время либо еще не были установлены, либо справлялись лишь торжественной процессией. Достоверно известно лишь, что примерно с 500 г. ежегодно ставились трагедии, с 472 г. — комедии. Ряд исследователей предполагает, что комедии на Ленеях всегда имели большее значение¹⁶³. Как предполагает М. Бибер, на представлениях на Ленеях присутствовали лишь жители Аттики, поскольку Ленеи приходились на зимнее время и море было закрыто для плавания¹⁶⁴.

Однако в классическое время большее значение приобрели Великие Дионисии, где с этого же 472 г. проводятся трагические и комические игры. И до последнего времени игры проводились в оба праздника. Надписи демонстрируют регулярность проведения состязаний на Великих Дионисиях и для императорского времени. С III в. н. э. игры становятся не ежегодными.

Для ряда вопросов, связанных с хорегией, представляется большой важностью рассмотрение «программы» Великих Дионисий. Этот вопрос получил вокруг себя бурную дискуссию, в которую включились многочисленные и именитые исследователи. Наиболее важный для нашей темы вопрос: сколько комедий и трагедий ставилось на Дионисиях. Ниже попытаемся предложить решение этой проблемы, сделав краткий обзор истории этой дискуссии¹⁶⁵.

Из дидаскалических надписей, открытых в Риме (надписи фрагментарны: IG, XIV, 1097. 1098. 1098 а; представляют собой запись афинской комедии и содержат имена поэтов, заглавия их пьес, место, присужденное каждой пьесе, а также название праздника, на котором эти пьесы были представлены¹⁶⁶), известно, что в V в. ставились три комедии¹⁶⁷. Те же дидаскалии демонстрируют, что накануне Пелопоннесской войны на Великих Дионисиях (и Ленеях) стало представляться пять комедий¹⁶⁸. Однако где-то в начале Пелопоннесской войны число комедий на каждом празднике было вновь уменьшено с пяти до трех. Этот факт предположил Э. Петерсен еще в 1885 г.¹⁶⁹ Интерпретации этого исследователя были переняты, в том числе, И. Липсиусом¹⁷⁰. Однако этот вывод был довольно шаток, пока в 1923 г. не опубликовал свое основательное исследование В. А. Диттмер¹⁷¹, получив благосклонные рецензии¹⁷² и признание в работах последующих исследователей¹⁷³. Точная дата этого события неизвестна, однако оно должно падать на отрезок времени между 429 г., когда Каллиас занял четвертое место со своими «Лягушками» (IG, XIV, 1097, 6), и 425 г. — датой аристофановых «Ахарнян». Однако

во время написания «Афинской политики» ставилось еще пять комедий (*Arist. Ath. pol.*, 56).

Вновь обычай постановки пяти комических пьес возобновился после войны. Отечественный исследователь П. В. Никитин не знал о введении такого порядка до Пелопоннесской войны, но обращался лишь ко второму факту, когда вновь появляются сведения относительно пяти представляемых комических пьес. И это событие П. В. Никитин справедливо поместил в отрезок времени между 405 г., когда состязались еще три комика, и 388 г., когда при постановке Аристофаном переработанной комедии «Плутос» (переработанные пьесы приравнивались к новым) с ним состязалось еще четыре поэта¹⁷⁴. То есть, вероятно, возобновление традиции постановки пяти комедий следует отнести ко времени окончания войны, как это делает Дж. Т. Аллен¹⁷⁵.

Кроме того, у греков рано появился обычай постановки старых драм (*παλαιαί*). Существование такого обычая зафиксировано уже у Геродота (*Herod.*, VI, 21; ср.: *Aristoph. Ach.*, 10), а в IV в. возобновление пьес трагиков V в. стало постоянной принадлежностью трагических агонов (*Athenaion*, IV, 476; ср.: [*Plut.*] *vita X orat.*, 841 d). Один эпиграфический памятник (*Athenaion*, IV, 476) сообщает, что в IV в. начали играть и старые сатирические драмы. А, по крайней мере, со второй половины III в. в прочный обычай вошла постановка старых комедий.

О Сельских Дионисиях мы знаем мало. Однако еще Г. Шнейдер отметил, что на этом празднике проводились театральные агоны под наблюдением демарха¹⁷⁶. А. Моммзен считал, что именно на них прежде всех были сценические игры¹⁷⁷. Известно, что в Пирее игрались комедии и трагедии. Элиан сообщает, что в Пирее ставились пьесы Еврипида (*Aelian. hist. var.*, II, 13). О театральных представлениях в Пирее сообщает еще ряд источников (*IG*, I², 172; *Aeschin.*, I, 22). Однако относительно Сельских Дионисий имеется очень малое число свидетельств. Нельзя даже утверждать о состязательном характере представления. Неизвестно число поэтов и пьес ни для какой местности.

Достоверно, что для постановок в демах также назначались хорегии по образцу государственного установления Афин. Информация по поводу Сельских Дионисий, по вопросу хорегии на этом празднике собрана у Б. Хосульера¹⁷⁸. В IV в. хорегии регулярно назначаются демархами, на Саламине — архонтом Саламина (*Arist. Ath. pol.*, 54). Кроме Пирея, праздники на котором сопоставлялись с городскими и об их организации заботились городские власти (*Arist. Ath. pol.*, 54; см. также закон Эвегора: *Dem.*, XXI, 10), есть свидетельства о комической и трагической хорегии в демах (*IG*, II², 3096. 3101. 3108).

Б. Хосульер, исследуя собранный им материал, задал вопрос: имели ли место состязания между хорами и хорегами на этом празднике? И ответил на него отрицательно¹⁷⁹. И хотя, как предполагает большинство исследователей, в демах были лишь возобновления постановок старых пьес, поскольку издержки на такие драмы были меньше и, следовательно, соответствовали средствам, которыми располагали демы¹⁸⁰, тем не менее в некоторых надписях хореги названы победителями (IG, II², 3096. 3101)¹⁸¹. Потому, по крайней мере, состязания между хорегами при постановке драматических хоров признаются исследователями, обращавшимися к этой теме¹⁸².

Исследовательница П. Гирон-Бистань справедливо отмечает, что хорегия на Сельских Дионисиях имела все же иной характер, была скромнее и зачастую распределялась между двумя гражданами: большинство относящихся к Сельским Дионисиям посвящений упоминают двух хорегов. По мнению той же исследовательницы, демы останавливались лишь на сценических представлениях, поскольку на них требовались меньшие затраты, чем на дифирамбические¹⁸³.

Лишь по поводу постановок пьес в Анфестерии можно сомневаться. Приведем по порядку свидетельства, которые могут указывать на проведение театральных представлений на Анфестериях.

Диоген Лаэртский говорит, что трагики состязались четырьмя драмами на праздниках Дионисийских, Ленейских, Панафинеийских, Хитрийских (Хитры — праздничный день в рамках Анфестерий) (*Diog. Laer.*, III, 56). Настораживающим кажется сравнение четырех пьес тетралогии и четырех праздников. К тому же, как известно, на Панафинеях театральных представлений не было. Псевдоплатарх сообщает о законе Ликурга, относящемся ко дню Хитр. По этому закону, если комик получал награду в этот день, то мог стать обладателем неперменного допущения к выступлению на комедиях в Великие Дионисии (*[Plut.] vita X orat.*, 841 d). Аристофан в «Лягушках» словами хора говорит Дионису, что споем тому в болотах, хотя и не находится на празднике Хитр (*Aristoph. Ran.*, 18). Схолиаст к другому месту «Лягушек» также говорит о существовании хитрийских агонов (*Schol. Aristoph. Ran.*, 220). Афиней также указывает на представления на Хитрах, которые были у афинян (*Athen.*, IV, 244 a)¹⁸⁴.

Таким образом, сведений относительно существования связи между драматическими представлениями и Анфестериями вполне достаточно, и большинство исследователей делают вывод, что обычай постановки пьес на Анфестериях существовал, хотя, как полагает В. В. Латышев, в более позднее время мог быть оставлен¹⁸⁵. Против представления театральных пьес на Анфестериях в каком бы то ни было виде высказалась

М. Бибер, объявляя этот праздник «неподходящим для драматических представлений»¹⁸⁶.

Другую точку зрения высказал еще Г. Шнейдер (и многие его подержали): на Анфестериях проводились не собственно игры, а чтения (быть может, предварительные) пьес самими авторами или актерами¹⁸⁷. Это предположение Г. Шнейдера основано главным образом на сообщении биографа Софокла, который говорит о чтениях «Антигоны» (τὴν Ἀντιγόνην ἀναγινώσκοντα) и упоминает ниже Χόας. Других сведений, указывающих именно на чтения, кажется, нет. Сам обычай предварительных чтений был широко распространен у римлян (*Horat. sat.*, I, 10. 37 sq.; *Suet. vit. Terent.*, 2). Было ли это обычным явлением у эллинов классического времени, нельзя сказать с уверенностью. Время проведения этого праздника могло, конечно, стать поводом для такого предположения, так как Анфестерии предшествовали Великим Дионисиям приблизительно на четыре недели. Так что такое устройство может показаться, по крайней мере, целесообразным.

Таковы четыре праздника в Аттике, на которых и проводились драматические состязания. Как справедливо заметил К. Гепперт: «На деле в Афинах не было ни одного Дионисийского праздника, о котором с определенностью можно сказать, что на нем не проводились театральные представления»¹⁸⁸. В Ленеи и Великие Дионисии были особенно пышные представления, которые организовывались государством.

1.5. Драматическая хорегия

Хотя первые драматические состязания зафиксированы для 534 г., однако этот факт ничего не разъясняет в вопросе о времени появления драматических хорегов. Список дионисийских победителей называет первого хорега для 500 г. (*IG*, II², 2318) (или 502/1 г., по датировке А. Вильгельма¹⁸⁹).

Это то, что касается Великих Дионисий. Что касается Леней, то появление первой хорегии неизвестно. Сохранившиеся надписи называют лишь хорегов κομφοῶν и τραυφοῶν без указания праздника, на котором они ставились. Но тем не менее есть свидетельства, подтверждающие существование хорегии на Ленеях. Это Аристофан (*Aristoph. Ach.*, 1150) и его схолиаст (*Schol. Aristoph. Plut.*, 953). «Все время, пока государство руководило сценическими агонами на Ленеях, — писал Э. Рейш, — оно должно было также назначать хорегов для них»¹⁹⁰.

Однако вопрос относительно времени появления института хорегии остается не ясен. Кроме упомянутых свидетельств Паросского мрамора и надписи, мы практически не имеем более или менее ясных сведений по этому вопросу. Потому и исследователи, если вовсе не избегают этой темы, то могут лишь предполагать то или иное устройство. Так, Э. Рейш выразил такое мнение по этому поводу: «Хотя представления хоров в Афинах, как и в остальной Греции, происходили уже во времена тиранов, во время которых, вероятно, отдельные граждане осуществляли постановку хоров¹⁹¹, однако об официальном оформлении хорегии речь может идти лишь со времени Клисфена»¹⁹².

Иначе это устройство представлял А. Мюллер, который говорил, что до реформ Клисфена «дом Писистратидов покрывал расходы на представления. Более точно нельзя ничего сказать»¹⁹³. Также К. Шнейдер не делал никаких конкретных предположений относительно существования хорегии до 500 г.¹⁹⁴ И. Элер предполагал институт литургии весьма древним устройством и основывал свой взгляд на свидетельстве псевдоаристотелевской «Экономики» ([*Arist.*] *оec.*, II, 2, 1347 а 11), где литургии относятся еще ко времени Гиппия¹⁹⁵, в то время как Демосфен (*Dem.*, XLII, 1) говорит о существовании антидосиса еще во времена Солона¹⁹⁶, однако комплекс вопросов все же остается неясным. Осторожный в выводах исследователь А. В. Пикард-Кембридж в качестве комментария к свидетельству Паросского мрамора заметил, что о способе организации представлений Феспиды мы ничего не знаем, а поэта Ласа из Гермiona он склонен считать предшественником Гиподика Халкидского, победу которого при архонте Лисагоре принято считать официальным началом лирического агона в Афинах¹⁹⁷. Однако в другой своей работе А. В. Пикард-Кембридж посчитал возможным отнести установление хорегии (драматической) к 534 г.¹⁹⁸

Специальное исследование относительно времени введения хорегии было предпринято М. Тройем¹⁹⁹, который обратил внимание на свидетельство, не упоминаемое у предшествующих исследователей. Речь идет о трактате Псевдоксенофонта о государственном устройстве Афин, о том его месте, где говорится не только о настоящем устройстве афинского государства, но и о прошлом, и которое звучит так: «А занимавшихся здесь (в Афинах — Л. Б.) гимнастическими упражнениями и музыкой (пением), народ ликвидировал, считая это устройство непригодным, посчитав, что не может этим заниматься. В отношении хорегий, гимнасиархий и триерархий снова считают, что хорегию исполняют богатые, а народ пожинает плоды хорегии, что гимнасиархию исполняют богатые и триерархию, народ же получает выгоды от триерархий и гимнасиархий» ([*Xen.*] *Ath. pol.*, I, 13)²⁰⁰.

Это — достаточно сложное место и трактовалось оно по-разному. Ясно одно, что демос ликвидировал (*κατάλελυκεν*) прошлое устройство и установил новые порядки. Еще Э. Калинка²⁰¹ предложил связать *κατάλυσις* с введением литургий (с чем согласен и М. Трой²⁰²), то есть по *communis opinio* с реформами Клисфена²⁰³.

Свою интерпретацию этого места предложил У. ф. Виламовиц-Мёллендорф²⁰⁴. Он понимал *κατάλυσις* как упразднение спортивных и хоровых гильдий и парафразировал: «Демос считал гильдии негодными, так как он сознавал, что это следует осуществлять в форме хорегии, которая была близка его сердцу из-за выгоды». Таким образом У. ф. Виламовиц, а вслед за ним и Э. Калинка предположили существование профессиональных объединений в доклисфеново время.

Однако М. Трой предложил понять это место совсем иначе. В связи с наличием во втором предложении этого фрагмента слова «опять, снова» (*αὖ*), М. Трой предположил некую идентичность в этих институтах до и после времени «упразднения»²⁰⁵, то есть это предполагает существование хорегии и гимнасиархии в доклисфеново время, однако в иной форме, по выражению этого исследователя, в форме квазихорегии и квазигимнасиархии. А каковой была форма этих литургий, поясняет первое предложение: это были литургии народа, то есть государства. И следовательно, те порядки, которые позднее установит Деметрий Фалерский (см. ниже), не были им придуманы, а были реконструированы древние обычаи²⁰⁶, когда расходы на хорегические, например, нужды брало на себя государство, то есть дом Писистратидов.

Так понял это место М. Трой. Хочется согласиться, а с другой стороны, не согласиться с этим исследователем. Вызывает согласие его интерпретация первого предложения, что речь не идет о профессиональных обществах, как хотят представить некоторые исследователи²⁰⁷. Вполне возможно принять предложение М. Троя и предположить, что были сделаны попытки создания института, который был идентичен позднему институту агонифесии (см. ниже), тем более что в этом месте речь идет о музыкальных и спортивных занятиях, каковая сфера деятельности и была у позднейших агонифетов в первую очередь²⁰⁸.

Однако вторую фразу предлагается понять иначе, отлично от М. Троя, а именно: связать *αὖ* с глаголом *γυνώσκουσιν* (как это сделано в переводе выше) и соответственно с этим интерпретировать это предложение следующим образом — народ, отказавшись на какое-то время от хорегий и гимнасиархий, вновь понял преимущество такого устройства, когда проведение состязаний обеспечивают наиболее богатые сограждане. Такая интерпретация является поддержкой мнения тех, кто полагает, что,

пользуясь терминологией М. Троя, квазилитургии исполняли граждане по доброй воле, о чем свидетельствуют и наши источники (*Arist. poet.*, 5; ср. *Athen.*, XIV, 621 sq; *Hesych.* s. v. ἑθελοντάς). Кроме того, порядки, когда для демонстрации собственной состоятельности богатые люди жертвовали деньги своим соплеменникам, известны нам и за пределами Греции²⁰⁹. Однако нельзя исключать, что в отдельных случаях издержки, переложенные позднее на состоятельных граждан в форме литургий, покрывались домом Писистратидов.

В. В. Латышев вслед за другими исследователями предположил, что каждому поэту (трагическому) назначался один хорег для постановки всех пьес, а не для каждой пьесы²¹⁰. То есть, число хорегов для одного состязания было равно числу поэтов. Как кажется, так и должно было быть на самом деле. Ведь хорег был своего рода участником состязания, соперничал с коллегами в роскоши постановки пьес (*Dem.*, XXI, 16; *Arist. eth. Nic.*, IV, 5; *Plut. Nic.*, 3; *Themist.*, 5)²¹¹. После представления драматический хорег посвящал богам одежды, как лирический хорег треножник. Имя хорегга, чей поэт одержал победу, также объявлялось в качестве хорегга-победителя, и эта честь победы была единственной его наградой. Кроме того, он имел право сделать надпись в память о своей победе²¹².

Но не менее важной наградой был для хорегга факт прославления среди граждан, что способствовало карьере. Так, Плутарх в биографии Никия сообщает с гордостью за этого мужа, что «будучи хореггом, Никий многократно оказывался победителем, а побежден не был ни разу» (*Plut. Nic.*, 17; пер. Т. А. Миллер). «Мужами, как Фемистокл, Перикл, Алкивиад, — заметил Э. Бете, — определенно были предприняты такие действия не без политических намерений»²¹³.

Победа же хорегга зависела от драматурга. А трагические драматурги состязались изначально не пьесами, но тетралогиями. Победа присуждалась не отдельной пьесе, а всему их комплексу. То есть каждый поэт должен был быть связан с одним хореггом.

Кроме того, спаянность содержания пьес предполагала одного постановщика и, скорее всего, даже одних актеров и хор. Таким образом, все рассуждения, как кажется, подтверждают ту мысль, что число поэтов и хорегов было одинаковым.

Той же точки зрения придерживался и Г. Эмихен, утверждая, что во всех трагедиях одного поэта должен был играть один хор²¹⁴. Хотя источники ничего конкретно об этом не говорят, но Г. Эмихен делает такое заключение исходя из известных нам затрат на хор. Так, в анонимной речи Лисия есть сообщение об «отчете» одного хорегга: «Ставши хореггом трагического хора, я истратил на него 30 мин... Будучи хореггом

мужского хора на Дионисиях... я одержал победу и истратил на это, считая с посвящением треножника, 5 тысяч драхм...» (*Lys.*, XXI, 1–2; пер. С.И. Соболевского). То есть, издержки на лирический хор были больше, чем на драматический. Лирический хор состоял из 50 человек. И если бы трагический хорег должен был дать по 12–15 человек для каждой пьесы, то общее число приблизилось бы примерно к количеству хоревтов лирического хора. Поскольку трагический хор стоил дороже (а это, действительно, так), следовательно, драматические расходы превысили бы лирические. И это свидетельство Лисия служит подтверждением той мысли, что хор был одним и тем же во всех пьесах, а каждый драматург имел по одному хорегу²¹⁵.

Мы мало знаем о способе и времени выборов хорегов на каждый сезон. В связи с этим встает вопрос, имели ли драматические хорегии какое-либо отношение к филам, как то имело в случае хорегии лирической. На протяжении времени в рассуждениях о хорегии общепринятым обычаем было переносить несомненную связь лирических хорегов с филами на хорегов драматических. Не делали различия между ними и такие корифеи и авторы ценных исследований, как У. Кёлер, Т. Бергк и А. Мюллер²¹⁶.

Первым, кто обратился к этой проблеме был, как кажется, П. В. Никитин, который развенчал общепринятую точку зрения. Позднее (первым среди западных исследователей) А. Бринк высказал предположение²¹⁷, а вслед за ним английский исследователь К. Бак попытался доказать (независимо от русского исследователя), что должна существовать какая-то разница между лирическими и драматическим хорами²¹⁸. Оба исследователя (П. В. Никитин и К. Бак) отстаивали точку зрения, что при выборе драматических хорегов не принималась во внимание их принадлежность филе. Свои исследования эти два автора проводили разными путями: П. В. Никитин опирался в основном на эпиграфический материал, К. Бак же уделил большее внимание литературным свидетельствам. Приведенная ниже аргументация в поддержку высказанного тезиса будет включать в себя также и аргументы обоих исследователей.

Если полагать верным, что существовала зависимость драматических хорегов от фил, то должно существовать, прежде всего, соответствие в числе фил и поэтов, которые участвовали в состязании. Если фил было десять²¹⁹, то и поэтов должно было быть столько же. Какое же число драм ставилось на каждом празднике, сколько драматургов участвовало в состязании? Бесспорно, прежде всего, должен интересовать вопрос о Великих Дионисиях и Ленеях, поскольку об Анфестериях дан-

ных нет, а постановка на Сельских Дионисиях — частное дело, которое, естественно, плохо поддается контролю.

Как мы установили выше, на Великих Дионисиях в V в. состязались три трагика, представлявших тетралогию, и три комика, ставивших по одной пьесе. А до и после Пелопоннесской войны появился обычай допускать на состязание пять комедий.

Для Леней достоверных сведений нет. Знаем только, что в ранние времена комиков было тоже три: «Суда» сообщает нам о состязаниях в 70-ю Олимпиаду, когда обрушились подмостки. Тогда в соревновании участвовало три поэта (*Suid. s. v. Πρατίνας*). О числе состязающихся трагиков данных нет, если только оно не было тем же, что и на Великих Дионисиях²²⁰.

Таким образом, мы имеем для Великих Дионисий V в. шесть поэтов. И в IV в. число поэтов тоже не было равно десяти. Даже если принять во внимание тот факт, что в IV в. число пьес могло равняться десяти (когда ставились три тетралогии, пять комедий и какие-нибудь две старые драмы, как это предполагает Б. В. Варнеке²²¹), то и это — не доказательство опровергаемого нами мнения. Ибо трудно себе представить, что связь хорегов с филами появилась в IV в., а изначально таковой не было. Изменения такого рода противоречат тем законам развития, которые существовали в Греции.

Во-вторых, как справедливо отметил П. В. Никитин, нельзя не придавать значения тому обстоятельству, что опущение имени филы составляет постоянный признак эпиграфических отчетов о хорегиях драматических, точно так же, как обозначение имени филы составляет постоянный признак официальных известий о хорегиях лирических. Плутарх в биографии Фемистокла передал нам древнюю надпись сценического хорега: «Фемистокл Фреариец был хорегом, Фриних — автором пьесы, Адимант — архонтом» (*Plut. Them.*, 5; пер. С. И. Соболевского). Имени филы здесь нет.

На помощь в утверждении этого положения приходят официальные списки. До нас дошло несколько документов, которые сообщают вместе о лирических и драматических победах. Именно от таких документов, как справедливо заметил П. В. Никитин, следует ожидать полное тождество формул в обозначении результатов того и другого агона, если тождественна была сущность устройства этих агонов²²².

Ф. Лео, издавая одну из таких надписей в 1878 г., был поражен той ее особенностью, что в ней, по его мнению, без достаточного основания обозначение филы, сделанное в одном случае, отсутствует в связи с упоминанием комедии и трагедии. После слова τραγῳδῶν следует имя хорега,

и после слова κομφῶδον имя филы также не поставляется. И такое различие Ф. Лео смог объяснить только случайностью²²³. Т. Бергк же просто предположил, что постановка и трагедии, и комедии принадлежит той самой филе, имя которой названо вначале рядом с лирическим хором²²⁴.

Надписи такого рода были изданы и У. Кёлером, и им же сделаны все дополнения. Так, в одной надписи, которую У. Кёлер использовал для определения очередности проводимых агонов, также имеются упоминания о мужских хорах фил Эантиды, Пандиониды и о хоре мальчиков филы Гиппотонтиды. Имя же филы при сообщении о комедии не подставляется²²⁵. В этой же статье был издан и дополнен ряд подобных надписей, но, тем не менее, У. Кёлер не придал должного внимания факту опущения имени филы при упоминании о драматическом агоне и не сделал вывод относительно того, что этот агон с филами связан не был.

П. Никитин заверил, что подобные дополнения, безусловно, верны и другие, кроме сделанных, невозможны²²⁶. Таким образом, такие данные не являются случайностью, и драматические хорегии, действительно, не имели отношения к филам.

Теперь от данных эпиграфического материала следует перейти также к данным литературных источников. Что говорят авторы о назначении хорегов? Свидетельства Демосфена о назначении хорегов (*Dem.*, XIV, 36) и Плутарха (*Plut. quest. conviv.*, I, 10, 1) поверхностны и не дают представления, к какому виду хора они относятся. Пассаж Ульпиана (*Ulpian. ad Dem.*, XX, 28) говорит в общем о выборе хорегов по филам. В речи против Мидия (*Dem.*, XXI, 156) Демосфен говорит о добровольной хорегии для своей филы, но уточняет, что был хорегом лирического хора, противопоставляя его драматическому. Произносивший VI речь Антифонта также исполнял хорегии для двух фил, но это была хорегия на Таргелиях, следовательно, хорегия лирическая. Если может показаться сомнительным свидетельство Либания, предваряющее XXI речь Демосфена, то это не так, и здесь нет сведений о том, что хорегии для драматического хора выбирались по филам. К. Бак в принципе отмечает разный характер этих двух хорегий и справедливо замечает, что на основании данных источников мы едва ли можем найти подтверждение тому, что хорегии драматического хора выбирались по филам²²⁷.

В последующее время (особенно после появления работы А. Вильгельма²²⁸) мнение о том, что драматические хорегии по филам не выбирались, как кажется, не оспаривалось.

Те хоры, победы которых присваивались филами, набирались, как говорилось выше, из граждан своей филы. Известия же о драматических хорах указывают на совсем иной порядок. Так, Аристокл у Афиня,

восхваляя мастерство пляски хоревта Телеста, называет его «танцором Эсхила» (ο Αἰσχύλου ὀρχηστής) (*Athen.*, I, 22 d). Отсюда справедливо, как кажется, заключить, что Телест в различных пьесах постоянно служил Эсхилу, точно так же, как у Эсхила были постоянные актеры²²⁹. Г. Шрадер, проанализировав сообщение безымянного биографа Софокла, пришел к заключению, что Софокл задолго до постановки своих пьес мог знать, какими хоревтами они будут исполняемы²³⁰. Каркину его сыновья служили, по-видимому, как Телест Эсхилу (*Aristoph. Pax*, 781).

Такое положение вещей, которое рисуют наши источники, не могло бы быть, если бы драматические хоры составлялись сызнова для каждого агона или получались бы по жребию, как это было при лирических состязаниях (*Antiph.*, VI, 11).

Источники сообщают о процедуре получения поэтом разрешения на постановку своего драматического произведения. Так, поэт, когда желал выступить на состязании со своей драмой, шел к архонту, чтобы «попросить хор» — χορὸν αἰτεῖν (*Cratin.*, fr. 15 K.). Подвергнув пьесу определенному испытанию, архонт давал согласие — χορὸν δίδοναι (*Cratin.*, fr. 15 K.; ср: *Plat. rep.*, II, 353 c; *leg.*, VII, 817 d). Если пьеса была допущена к постановке, то по отношению к поэту это обозначалось «получить хор» — χορὸν λαβεῖν (*Cratin.*, fr. 15 K.) или «иметь хор» — χορὸν ἔχειν (*Cratin.*, fr. 15 K.; ср: *Aristoph. Pax*, 800). П. В. Никитин заключил, что выражение, что архонт «давал хор», имеет тот смысл, что архонт давал средства «на наем и содержание хора», то есть давал хорега²³¹. Хорег должен был считаться с мнением поэта при подборе исполнителей для своей пьесы для успеха своей хорегии.

Таким образом, филы не участвовали в выборе хорегов. И вербовка хоревтов для драматического хора, в отличие от дифирамбического, происходила по свободному желанию хорегов и поэтов с единственной лишь оговоркой, что хоревты должны быть непременно гражданами. В 1965 г. Митсосом была опубликована одна надпись, найденная на фундаменте хорегического посвящения, которая свидетельствует, что все хоревты, набранные хорегом Сократом были из одного дема (*EA*, 1965, 167). Издатель демонстрирует, что речь идет о трагических состязаниях на Великих Дионисиях. И это дало повод исследовательнице П. Гирон-Бистань предположить, что обычно хоревты набирались из одного дема²³².

Как именно происходил выбор драматических хорегов, нельзя сказать с определенностью. Есть сообщение Аристотеля, который говорит, что архонт ежегодно из определенного круга граждан назначал трех хорегов для трагедий и раньше — пятерых для комедий, в то время

комические хорегии выбирались филлами (*Arist. Ath. pol.*, 56). В первую очередь из сообщения Аристотеля видно, что выбор хорегов исходил от архонта. Г. Эмихен предположил, что архонт не участвовал в выборе хорегии, но только распределял хорегов по поэтам; избирались же они государственными органами (Советом или Народным собранием)²³³. Такое предположение нельзя отвергать.

Интересно свидетельство Аристотеля, что комические хорегии в его время выбирались филлами. Хотя независимость сценических хорегов от филл едва ли теперь может быть оспариваема, а доказательств справедливости высказанного Аристотелем замечания, как кажется, нет, все же не хотелось бы упрекать Аристотеля в некомпетентности или фальсификации фактов. Вероятно, можно предположить, что ко времени написания «Афинской политики», то есть к концу IV в., мог появиться такой обычай при постановке комедий. С изменением отношения граждан к хорегии, с изменениями, происшедшими в самом театре, могли случиться определенные изменения и в организации самого представления. И если трагедия все еще оставалась государственной заботой как жанр более весомый, несущий в себе определенную мораль, то комические постановки могли перейти в ведение отдельных филл и состязание комедий могло стать состязанием филл. Тем более что комических пьес в IV в. было пять. Конечно, сказанного выше не достаточно для аргументации справедливости свидетельства Аристотеля, но все же достаточно, как кажется, для того, чтобы не отказываться окончательно от этого сообщения как от ошибочного.

Так, мы не знаем, участвовал ли архонт непосредственно в выборе хорегии. Но архонты, как предполагает П. В. Никитин, в качестве верховных распорядителей праздника должны были вести своего рода протоколы состязаний, среди прочего для того, чтобы удостовериться, что лицо, несущее на себе бремя хорегии, выполнило эту обязанность²³⁴.

Принимались ли во внимание при назначении хорегии симпатии хорегов к каким-либо драматургам, и наоборот? Этого вопроса неоднократно касался в своих работах отечественный исследователь И. Е. Суриков, отметивший в ряде случаев наличие определенной близости между поэтом и драматургом. Так, в 476 г. до н. э. хорегом при постановке трагедии Фриниха «Финикиянки» был Фемистокл (*Plut. Them.* 5), и И. Е. Сурикову кажется не простой случайностью тот факт, что написанная на немифологический сюжет трагедия Фриниха «Взятие Милета», так ярко напомнившая афинянам живые еще в памяти события (*Herod.* VI, 21), была поставлена в архонтат того же Фемистокла (492 г.), политика «выраженной антиперсидской ориентации»²³⁵. Другой, приводит-

мый этим исследователем пример, — это личная связь Эсхила и Перикла. Еще в 472 г. Перикл выполнял хорегию при постановке тетралогии Эсхила, в состав которой входили «Персы». Изначально хорегия была возложена на отца Перикла — Ксантиппа, но, как считает И. Е. Суриков, в связи со смертью последнего, исполнить ее пришлось сыну²³⁶. И эта хорегия не кажется случайной, учитывая, во-первых, близость Эсхила с Ксантиппом²³⁷ и, соответственно, с Перклом, а во-вторых, определенную симпатию Эсхила к политической линии и мероприятиям Перикла, что нашло свое отражение и поддержку в сюжетных линиях Эсхилевых трагедий²³⁸.

Вероятно, есть смысл предполагать наличие личных связей между разными участниками театрального действия, и это могли быть не только хореги и драматурги. При той уникальной роли, которую играл театр в жизни классического афинского полиса, с одной стороны, являясь институтом с ярко выраженной сакральной направленностью²³⁹, а с другой — будучи пронизанным аллюзиями на конкретные события политической жизни полиса²⁴⁰, организационные процедуры театральных зрелищ и отношения между их участниками не могли не иметь политического смысла. Драма в классических Афинах звучала исключительно актуально, придавая вместе с тем сакральный тон отдельным политическим действиям.

Самая главная обязанность хорега — постановка хора и его обучение (*Aristoph. Nub.*, 338 et *Schol.*; *Ach.*, 1155). Хорег должен был набрать хор (*Antiph.*, VI, 11; *Xen. Hier.*, 9, 4; *id. mem. Socr.*, III, 4, 4) и предоставить ему плату ([*Xen.*] *de rep. Ath.*, I, 13; *Athen.*, XIV, 617 b). Кроме выплаты гонорара, хорег должен был предоставить содержание хоревтам во все время их обучения (*Plut. de glor. Athen.*, 6; *Schol. Aristoph. Nub.*, 338; *Schol. Aristoph. Ach.*, 1154). Особое внимание при этом следовало уделить снабжению хора той пищей, которая усиливала голос (*Hypothes. Antiph.*, VI; *Plut. de glor. Athen.*, 6; *Plut. Cato Min.*, 46; *Ulpian. ad Dem.*, XX, 26). О том, что хоревтам при выходе на оркестру и при сходе с нее полагалось вино, сообщает Филохор у Афиная (*Athen.*, XI, 464 e). Средства на это изыскивались у хорегов, как и на возможные дары зрителям, о чем, кроме Филохора, сообщают нам и надписи (*IG*, II², 657–284 г.; *Athenaion*, VII, 93), где в обоих случаях идет речь о раздаче (δῶσιν)²⁴¹. После окончания праздника хорег давал праздничный пир (*Aristoph. Ach.*, 1155; *Schol. Aristoph. Nub.*, 339)²⁴².

Кроме того, хорегу вменялось в обязанность снабжение хора подобающими одеждами и украшениями (венки, маски и т. п.) (*Dem.*, XXI, 16; *Ulpian. ad Dem.*, XX, 26; *Poll.*, VII, 78; *Athen.*, III, 103 f)²⁴³. И эту одежду

он посвящал богам (*Lys.*, XXI, 4), как лирический хорег свою награду — треножник. И сам хорег во время праздника появлялся в дорогом одеянии с венком на голове (*Dem.* XXI, 22. 55. 64; *Athen.*, XII, 534 с).

На средства хорегата производились репетиции хора. Для репетиций поэт нанимал специальное помещение — хорегийон (χορηγεῖον) (*Bekk. anecd.* 72, 17; *Poll.*, IV, 106). Хорегийон использовался еще Эпихармом (греческий поэт (550–460 гг.), живший в Сиракузах) (*Poll.*, IX, 41). Существование такого хорегийона на Кеосе во времена Симонида (556–468 гг.) предполагает Афиной (*Athen.*, X, 456 f). Это место для обучения хора называлось греками также διδασκαλεῖον (*Antiph.*, VI, 11; *Poll.*, IX, 41; ср. *Hesychn.* s. v. χοραγεῖον) С. Соболевский считал, что хорег мог производить репетиции и у себя дома²⁴⁴.

Однако от слова χορηγεῖον следует, по мнению Э. Рейша²⁴⁵, отделять слово χορήγιον, которое означает совокупность вещей, необходимых для снаряжения хоров и поставляемых хорегом (*Polyb.*, I, 18, 5; неоднозначным может быть понимание этого слова у *Dem.*, IX, 200)²⁴⁶, то есть имеющее тот же смысл, что латинское *choragium*²⁴⁷.

Хорегии должны были также выплачивать штрафы, например, когда в хорах, где запрещалось участие иностранцев, таковые оказывались (*Plut. Phoc.*, 30). А над тем, как хорегии выполняют свои обязанности, был особы надзор (*Xen. Hier.*, IX, 4).

Затраты хорегата — хорегема (χορήγημα) — были весьма велики²⁴⁸; хорег прилагал большие усилия (*Aeschin.*, I, 35; *Xen. de magist. equit. offic.*, I, 26).

Но, как кажется, не стоит сводить деятельность хорегата только к заботе о хоре. Ведь в позднейшей драме, когда хор теряет свою былую роль в представлении, а то и вовсе превращается в лирический, главные функции представления переходят к актерам. Именно они становятся героями спектакля, и им уделяется основное внимание (как со стороны драматурга, так и зрителей), в то время как хор начинает представлять собой лишь музыкальное сопровождение представления. Хорегия же в это время продолжает существовать. А следовательно, главной заботой хорегата в это время должно было стать попечение об актерам. Так, скорее всего и в ранние времена, когда хор был собирательным героем, а актеры еще чем-то вроде запевал хора, обязанности, которые определяются для хорегата по отношению к хору, следует перенести и на актеров драмы²⁴⁹.

Актеров в греческой трагедии после нововведений Софокла всегда оставалось трое²⁵⁰. Однако если троих актеров для спектакля все же не хватало, то хорег должен был добавить четвертого на собственные средства, каковые расходы определялись термином «парахорегема» (параχορήγημα) — сверххорегия²⁵¹.

Так, Плутарх рассказывает о некоей сценке, разыгранной в театре. Один амбициозный трагический актер, игравший в драме роль царицы, перед самым выходом на сцену потребовал от хорега ни более ни менее как целую свиту богато наряженных прислужниц (*Plut. Phoc.*, 19). Это свидетельство говорит не только о том, что хорегу могли предъявляться подобного рода требования, но и что театральные представления становились со временем более пышными, что ложилось дополнительным бременем на плечи хорега. Также были иногда нужны на сцене дети и животные, особенно у Еврипида²⁵².

Безусловно, что от щедрости и вкуса хорега зависел успех или провал драмы. Стоит вспомнить о «страшном» сне Демосфена, приснившемся ему об Архии, который пересказал Плутарх. Состязаясь с последним в трагической игре и осознавая прекрасное исполнение драмы, когда весь театр был на стороне Демосфена, он все же не получил награды из-за «скудности и бедности постановки» (*Plut. Dem.*, 29). Так, состязались не только авторы пьес и исполнители своим творчеством, но и хореги своими средствами (*Is.*, V, 36).

Не последней заботой было для хорега воздание благодарения богам за свой успех. Только совершал он его по личному усмотрению и тем способом, который казался ему подходящим. Кроме посвящения одежд и масок (о котором сообщают литературные источники и сохранившиеся произведения искусства), было обычным, как кажется, в Афинах посвящение в храм Диониса пинаков (*Arist. pol.*, VIII, 6), картин или рельефов с изображением соответствующего представления и надписью. Э. Рейш предположил, что надписи драматических хорегов не дошли до нас именно по той причине, что были сделаны на этих посвященных дарах²⁵³.

Однако некоторые примеры посвященных даров для более позднего времени нам известны. И это должны быть дары именно драматических хорегов, на какую мысль наводит сам предмет посвящения. Так, нам известна посвященная эпиграмма (*IG*, II², 3089), которая была оставлена на мраморном базисе статуи²⁵⁴. Сама статуя представляла собой изображение Ники и находилась в театре Диониса²⁵⁵. Статуя датируется первой половиной II в.²⁵⁶

Другой пример — скульптурное изображение головы актера в комической маске в натуральную величину²⁵⁷. Из римского времени дошел обломок рельефа с женскими масками в натуральную величину, который тоже являлся посвященным даром²⁵⁸.

Старания хорега воздавались ему оказанием некоторых почестей во время праздника. Так, хорег появляется во главе своего хора во время праздничной процессии и во время проагона²⁵⁹ в венке и пурпурной

одежде (*Dem.*, XXI, 22; *Athen.*, XII, 534 с). А какое-либо насилие над человеком, надевшим венок и исполняющим «божественную» литургию (*Dem.*, XXI, 56), должно вызывать негодование (*Dem.*, XXI, 16).

Если лирическую хорегию в Аттике могли исполнять только граждане, то относительно драматической есть свидетельства о литургии метеков. Во-первых, Демосфен прямо говорит о возможности исполнения литургии метеками, без указания на конкретную литургию (*Dem.*, XX, 20; ср.: *Lys.*, XII, 20). В другом месте он указывает на существование запрета для участия в состязаниях иностранцев (*Dem.*, XXI, 56), хотя не указан праздник и остается непонятным, было ли такое распоряжение сделано для одного праздника или же существовало постоянное установление.

Прямое указание на хорегию метеков дает Аристофанов схолиаст, сообщая, что на Ленеях и метеки могли выполнять эту функцию, тогда как в городе (на городских Дионисиях) — только граждане (*Schol. Aristoph. Plut.*, 953). На основании этих сведений можно сделать правомерный вывод о том, что метеки точно допускались до хорегии во время Леней²⁶⁰, однако нельзя предположить дозволение метекам исполнять хорегию вообще, как то предположил А. Бёк²⁶¹.

Кроме того, Э. Рейш предположил, что хорегия метеков могла иметь место в демах²⁶². Однако согласно одной надписи из Элевсина в демах метеки могли допускаться до участия в праздниках, но не в состязаниях (*IG*, II², 1186). Таким образом, мы не можем говорить о хорегии метеков в демах.

В любом случае, хорегия метеков имела место в Аттике. Это допускалось для Леней, но, вероятно, не разрешалось для других праздников. Хотя, если понадобилось специальное постановление для запрещения хорегии метеков уже в IV в., вероятно, были случаи, противоречащие этому установлению, в контексте с чем может стоять и свидетельство Демосфена.

1.6. Синхорегия

К Пелопоннесской войне произошли изменения, которые были направлены на облегчение бремени драматической хорегии. Так схолиаст Аристофана передает слова Аристотеля, что в архонтство Каллия были введены два хорегга для трагедий и комедий на Дионисиях — σύνδυο χορηγεῖν (*Schol. Aristoph. Ran.*, 404 sq.) (а позднее и вовсе была отменена хорегия — время не указано)²⁶³. И хотя далее схолиаст, приводящий

это сообщение Аристотеля для объяснения соответствующего места из Аристофана, говорит о Ленеях, не следует из этого обязательно относить и первое сообщение только к этому празднику, как это сделал К. Дж. Майдмент²⁶⁴. Все это сообщение носит характер своего рода справки об эволюции института хорегии вообще: сначала поэтам просто назначались хорегии, затем во времена Каллия для трагедий и комедий стали назначать двух хорегов, а потом этот институт и вовсе был отменен. Конкретный праздник особым образом никак не отмечается.

Эпиграфический материал также предоставляет сведения о двух хорегях у одного поэта, о так называемой синхорегии (*συνχορηγία*). Одна такая надпись называет две пары хорегов для двух поэтов — неких Диогена и Арифрона²⁶⁵ (*IG, Π², 3092*)²⁶⁶. Есть свидетельства и о синхорегии в демах (*IG, Π², 3101*), хотя эти сведения едва ли можно применить к Городским Дионисиям.

Литературные источники ничего более не говорят об этом обычае. Так, ораторы V в. (и позднейшие) в своих рассуждениях о хорегях не упоминают хорегии двух лиц (*Lys., XIX, 29. 42; XXI, 1. 4; Is., V, 36*). Но даже и при таком состоянии источников исследователи не сомневаются в введении синхорегии в конце V в.²⁶⁷

Дату введения синхорегии можно установить лишь на основе названной надписи *IG, Π², 3092*. Мы знаем двух архонтов по имени Каллий — 412/11 и 406/5 гг.²⁶⁸ На основе палеографического анализа эта надпись датируется концом V в., так что ее можно соотносить с архонтством Каллия и того, и другого года²⁶⁹. Какому конкретно архонту принадлежит это нововведение?

Ответ на этот вопрос попытался дать К. Дж. Майдмент, посвятивший этой проблеме специальное исследование²⁷⁰. Он обратился к сведениям относительно затрат на снаряжение хоров, имеющимся в речах Лисия разного времени. Проанализировав эти свидетельства (*Lys., XIX, 29. 42; XXI, 1. 4*), К. Дж. Майдмент подытожил информацию следующим образом: в архонтство Феопомпа (410 г.) трагический хор стоил 30 мин; в архонтство Эвклида (402 г.) комический хор стоил 16 мин, включая расходы на посвящение; в промежуток времени между 394 и 388 г. два трагических хора стоили 50 мин, то есть один хор стоил в среднем 25 мин.

То есть трагический хор 410 г. стоил почти вдвое больше, чем комический 402 г. При этом трагический хор снаряжался для игры четырех пьес (по крайней мере, до 342 г., когда трагик Астидамант представил три трагедии (*IG, Π², 2320*)), а комический — одной. Однако комический хор включал в себя 24 члена, а трагический — 15. И костюмы комического

хора, как справедливо отметил этот исследователь, были порой значительно экстравагантнее, чем трагического. Потому комический хор не мог стоять значительно меньше трагического. И столь значительную разницу в расходах можно объяснить тем, что исполнитель этой литургии нес лишь половину расходов, и значит, новые порядки были введены между 410 и 402 г., то есть при архонтстве Каллия 406/5 г.²⁷¹

Все же, несмотря на то, что рассуждения К. Дж. Майдмента звучат убедительно, нельзя совершенно согласиться с его выводами. Судя по всему, первое свидетельство действительно относится ко времени синхорегии и речь здесь идет о расходах одного из двух хорегов, а в первом свидетельстве — о расходах одного хорегга. Однако нельзя делать категорического вывода о том, что в то время (в 410 г.) синхорегия еще не была введена. Ведь даже при существовании этого нововведения должны были сохраняться и старые порядки, и наряду с синхореггами должны были оставаться и наиболее платежеспособные исполнители единоличной хорегии, как то было в случае с синтриерархией (см. соответствующую главу). Именно сохранением единоличной хорегии наряду с синхореггией справедливо объяснил Э. Рейш тот факт, что упоминания о парах хорегов столь малочисленны в литературных и эпиграфических источниках²⁷². И тем более возможно существование единоличной хорегии в самом начале введения нового порядка (если синхорегия была введена в 412/11 г.).

В качестве доказательства своей правоты К. Дж. Майдмент привел и другой резон: если синхорегия была введена в 412/11 г., то 30 мин, о которых говорит Лисий, должны быть половиной затрат на трагический хор, который целиком стоил, соответственно, 60 мин, то есть 1 талант, что является невообразимой суммой для снаряжения хора²⁷³. При том что данное мнение автора совершенно справедливо, этот последний довод вызывает то же самое возражение, что и первый: даже в случае введения синхорегии в 412/11 г. могли оставаться единоличные хорегги и сумма в 30 мин была полной стоимостью одного хора. Ведь и следующее свидетельство Лисия относительно того, что два трагических хора стоили в начале IV в. 50 мин, как раз подтверждает эту последнюю мысль: трагический хор начала IV в. у Лисия стоил примерно столько же, что и хор 410 г. (приблизительно 25 мин), то есть единоличная хорегия сохранялась и в начале IV в.

Таким образом, вопрос о том, была ли введена синхорегия при архонтстве Каллия 412/11 или 406/5 г., остается открытым. А. Бёк считал, что примером для этого могло послужить введение синтриерархии в 411/10 г.²⁷⁴, то есть в этом случае мы должны принять предположение

К. Дж. Майдмента. Однако дата введения синтриерархии также точно неизвестна, и не исключено ее введение до 413 г. (см. соответствующую главу), то есть на основании соображения А. Бёка возможно также принятие 412/11 г. как даты введения синхорегии. Возможно, эти процессы шли параллельно. У. Кёлер также принимал за дату введения синхорегии 406 г., не объясняя, однако, причину такого предположения²⁷⁵.

Сколько времени существовала синхорегия? У. Кёлер²⁷⁶, а вслед за ним и Э. Каппс²⁷⁷ на основе надписи IG, II², 3101, в которой, следуя реставрации и интерпретации У. Кёлера²⁷⁸, мы находим двух хорегов, полагали, что этот порядок существовал до третьей четверти IV в., каковым временем датируется эта надпись. Резкое возражение вызывало это мнение у К. Дж. Майдмента, и он попытался доказать, что синхорегия существовала недолгое время²⁷⁹.

В качестве первого аргумента в опровержение вывода У. Кёлера и его последователей К. Дж. Майдмент привел иную реконструкцию этой надписи, сделанную У. ф. Виламовицем-Мёллендорфом²⁸⁰, который предложил предлог *σβι* отнести к хору (то есть победил вместе с хором), а не к другому хорегу, как это делал У. Кёлер²⁸¹.

Далее, по мнению К. Дж. Майдмента, предположение У. Кёлера и Э. Каппса противоречит сообщению Демосфена (*Dem.*, XX, 23), в котором автор, делая предложение о введении синтелии хорегов²⁸², говорит лишь о единоличной хорегии (а эта речь датируется 355/4 г.²⁸³). Также пассаж в XIX речи Лисия, где говорится о том, что два трагических хора стоили 50 мин, то есть один — около 25 (*Lys.*, XIX, 29. 42), К. Дж. Майдмент предложил интерпретировать так, что поскольку эта сумма приблизительно равна стоимости одного трагического хора 410 г., то здесь речь идет о единоличной хорегии, а следовательно, синхорегия прекратила к этому времени (394–388 г.) свое существование.

В качестве дополнительного свидетельства относительно времени окончания синхорегии К. Дж. Майдмент привел данные той же XIX речи Лисия. Из этой речи мы узнаем, что Аристофан был хорегом дважды в течение «пяти или четырех лет» (*Lys.*, XIX, 29): первый раз от имени своего отца, который был в это время в военном походе, а второй — от своего имени. Здесь речь идет о единоличной хорегии, и первую из них К. Дж. Майдмент отнес предположительно к 393–392 гг. Назначение же на эту хорегию произошло, соответственно, в 394–393 гг., каковой момент К. Дж. Майдмент и предложил считать временем отмены синхорегии.

Изложенные выше рассуждения этого исследователя весьма убедительны и в целом имеют свой резон. Однако автор допустил ту же самую ошибку, что и раньше, ошибку, повторяющуюся на протяжении всей ста-

ть: автор упорно не желает признавать вполне резонный факт возможности сосуществования коллективной и единоличной хорегии, что делает несостоятельными все его выводы. Все же хочется склониться к предположению У. Кёлера о существовании синхорегии до третьей четверти IV в. Источники не дают нам оснований предполагать отмену института синхорегии. Упомянутое место из схолий к Аристофану (*Schol. Aristoph. Ran.*, 404) также не дает основания для этого: после сообщения о введении синхорегии при Каллии в качестве следующего реформаторского шага в институте хорегии схолиаст называет отмену этого института вообще. Относительно того, что синхорегия существовала недолгое время и была вновь заменена единоличной литургией, автор ничего не говорит.

Косвенным подтверждением существования синхорегии на протяжении IV в. могут служить данные надписей аттических демов. Так, К. Д. Бак в 1888 г. опубликовал надпись из Икарии, относящуюся к концу IV в., которая содержит упоминание о двух хорехах, которые, судя по всему, были исполнителями синхорегии²⁸⁴.

Так, синхорегия, введенная в конце V в. (412/11 или 406/5 гг.) для облегчения бремени хорегии, просуществовала, судя по всему, вплоть до отмены института хорегии, сочетаясь при этом с существованием единоличного исполнения этой литургии. Синхорегов для лирических хоров не засвидетельствовано, несмотря на то, что лирическая хорегия была более дорогой, а следовательно, и более обременительной. Быть может, здесь играло роль различие в характере той и другой хорегии. Так, подобные мероприятия проводятся и в отношении другой крупной литургии — триерархии, не связанной с интересами какого-либо коллектива и предназначенной непосредственно для устройства государственных дел.

Объяснением для введения синхорегии служит тяжесть этого бремени для многих лиц на фоне общей финансовой нестабильности. С другой же стороны, возрастает роскошь представляемых пьес, когда увеличивался и актерский состав за счет привлечения многочисленных статистов, и богатство декораций, и роскошь театрального костюма.

Так, драматическая хорегия на протяжении всего времени своего существования была особым видом хорегии, отличным от обязанности по организации дифирамбических хоров. При идентичной сущности этих двух хорегий, проявляющейся в обязанностях по организации хоров (лирического и драматического), которые в свою очередь демонстрируют родство по происхождению и своему существу, организация этих литургий была совершенно отличной.

Если лирическая хорегия родилась изначально как хорегия фил, то в театральных состязаниях все было по-другому. Как сам театр возник в

качестве государственного учреждения и оставался таковым всегда, был одним из звеньев государственной жизни Афин, так и драматическая хорегия была хорегией государственной. Хорег назначался государственными органами и был перед ними отчетен. Драматический хорег стоял в «служебных» отношениях только с государственными властями и поэтом, так как от взаимного старания зависела их общая победа.

Потому именно к драматической хорегии могли допускаться метеки, которые никак не могли принимать участие в агоне лирическом, поскольку не были занесены в гражданские списки фил и не могли являться представителями фил на празднике.

Открытым остается вопрос о выборе комических хорегов в конце V в. филами. Трудно не доверять словам Аристотеля. Число представляемых на Дионисиях комедий было доведено к IV в. до пяти, что пропорционально числу фил. К тому же свидетельство Аристотеля, что комический хор долго ставился добровольцами, указывает на некоторую обособленность комического представления. Также комедия проявила со временем тенденцию отхода от трагедии по своей постановочной технике, обособляясь в особый вид искусства. Ведь именно из комедии родился особый жанр — мимический танец. Это обособление могло привести и к преобразованию комического агона. Ничего конкретного по этому поводу сейчас сказать нельзя. Во всяком случае, заявление Аристотеля не кажется невозможным, и, вероятно, существует какое-то объяснение его слов.

Изменения в театре в IV в. выразились в кризисе института хорегии. Демосфен (*Dem.*, XXI, 13) говорит о трудностях, которые возникают при вербовке хора и его снаряжении. Без сомнения, эта трудность должна быть отнесена, прежде всего, к финансовым затруднениям, которые весьма часто при этом возникали. Но здесь есть и нечто другое: хорегия была, идет ли речь о хореге или хоревтах, честью и гражданской обязанностью. Следует предположить, что в середине IV в. стали равнодушны к чести и стали противиться обязанности так, что иногда приходилось даже прибегать к принуждению при помощи закона, чтобы собрать необходимое число хоревтов (*Antiph.*, VI, 13).

1.7. Другие виды хорегии

Кроме того, как сообщает Лисий (*Lys.*, XXI, 1. 4), на Панафинеях проводились состязания пиррических хоров (πυρρική — военная песня-пляска с оружием: *Aristoph.* Nub., 988; *Strabo*, X, 480), для которых также

назначался хорег, что подтверждает эпиграфический материал (IG, II², 3025). Как видим из указанного места Лисия, эти состязания проводились как на Великих, так и на Малых Панафинейх, причем затраты хорегу у Лисия на Великих Панафинейх составили 800 драм, а на Малых — 7 мин (Lys., XXI, 1. 4).

Этот агон принадлежит к древнейшим обычаям Панафиней, так как пирриха была тесно связана с мифом о победе богини в гигантомахии (Dion. Hal., VII, 72), каковой миф играл в свою очередь большую роль на этом празднике.

Пиррические хоры распадались по возрасту на три группы: παιδες, ἀγένοιοι, ἄνδρες (мальчики, безбородые, мужчины), — как предлагает одна надпись (Syll., 1055). Это разделение существовало уже около 400 г., что видно из указанного места Лисия. Однако раньше, как это вывел Л. Циен, были лишь две подгруппы: мальчики и мужчины²⁸⁵, как и в дифирамбических хорах.

Что касается способа организации и проведения этого агона, то здесь нет определенной ясности. На акрополе недалеко от Пропилей был найден рельеф, изображающий молодых людей, разделенных на два полухора. Они обнажены, на головах у них шлемы, в руках — щиты. Стоят они в одинаковых позах. По предположению Э. Каена, это хор безбородых пиррихистов²⁸⁶. Этот рельеф связан с интересной надписью, состоящей из двух частей (эта надпись была издана А. Михаелисом²⁸⁷), в которой говорится о победе некоего Атарба с киклическим хором и пиррическим при архонте Кефисодоре. Следует ли понимать, что речь идет об одном празднике одного года, как это сделал Э. Рейш²⁸⁸, неизвестно. Однако эта надпись дает почву для предположения, что и пиррические хоры организовывались по филам, каковой вывод и сделал А. Моммзен.

Однако иную точку зрения, что принадлежность к филе при этих состязаниях роли не играла, высказал П. В. Никитин, приводя справедливый аргумент, что в упомянутом сообщении Исея говорится о состязании фил на Дионисиях, при сообщении же о состязании трагедий и пиррических хоров упоминания о филе нет. П. В. Никитин, ссылаясь на скудность сообщений об этой хорегии, заявил, что доказать достоверно непричастность фил к пиррическим агонам весьма трудно; но те сведения, которые есть, «по крайней мере не противоречат выставленному положению»²⁸⁹.

Опереться на сообщение надписи с акрополя мы также не можем с уверенностью, поскольку конкретного свидетельства о принадлежности победившего пиррического хора филе мы здесь не находим (надежного свидетельства в этой надписи не видят даже сторонники первой теории²⁹⁰).

Более того, Дж. К. Девис, проанализировав надписи с указанием пиррических победителей и списком призов, пришел к заключению, что здесь нет указания на то, что победившие команды принадлежат какой-то одной филе²⁹¹.

Кроме Панафиней, мы имеем указания на состязания пиррихистов и для Анфестерий. Мы располагаем вазовым изображением молодого человека, танцующего пирриху²⁹², однако ничего конкретного об этих состязаниях заключить не можем. На вазе даже не представлена группа пиррихистов, потому вполне вероятно, что исполнение этих произведений могло носить на Анфестериях отличный характер.

Существование этих трех видов хорегии было установлено со времени А. Бринка, который доказал неправоту предшествующих исследователей (А. Бёка²⁹³ и И. Брилла²⁹⁴; эту точку зрения поддержал и В. Тумзер), утверждавших, что существовало семь видов хорегий: в комическом агоне, трагическом, в состязании хоров мужчин, мальчиков, пиррихистов, киклических хоров, авлетов-мужчин. А. Бринк доказал, что в случае хоров мужчин, мальчиков, киклических и авлетов речь идет об одном и том же виде хора, который назван нами лирическим или киклическим²⁹⁵. Таким образом, А. Бринк обозначил четыре вида хорегии (А. Бринк проводил различия между трагической и комической хорегией²⁹⁶, имея, как кажется, на это некоторое право. Ведь хотя организация комического и трагического агона была практически идентичной, комические состязания все же несколько отличались от трагических, как было показано выше).

Аристотель сообщает нам об еще одном виде хорегии: афиняне назначали хорегов для священных хоров, посылаемых на Делос (*Arist. Ath. pol.*, 56, 3)²⁹⁷, где раз в четыре года проводились всеионийские празднества. Однако, поскольку больше ничего о такой хорегии мы не слышим, есть основания предполагать, что в данном случае речь идет о так называемой архетеории (см. главу II), относившейся к кругу литургий.

1.8. Агонофесия

Начальную хорегию заменила впоследствии агонофесия (ἀγωνοθεσία: ἀγών — состязание; τιθεῖν — устраивать), установленная при Деметрии Фалерском (316–301 гг.). У. Кёлер определил точный год ее установления — 309 г.²⁹⁸ Э. Рейш предположил введение этого института только на Великих Дионисиях, в то время как хорегия на Гефестиях, Прометиях и

Ленях просто исчезла в конце IV в.²⁹⁹ Агонофету (ἀγωνοθέτης) надлежало теперь исполнять все то, что раньше было обязанностью хорега.

Из надписей, сообщающих об этом новом устройстве, узнаем, что агонофет выбирался народом на год (*Athenaion*, VII, 93) и что в его функции входила организация всего необходимого для музыкальных агонов, а также поставка определенных вещей для жертвоприношения (*IG*, II², 780). Он отвечал за поставку призовых треножников (*Athenaion*, VII, 93) и должен был совершать определенные жертвоприношения (*IG*, II², 834). По окончании срока своих полномочий агонофет предоставлял отчет (*IG*, II², 657).

Получал ли агонофет помощь от государства? У. Кёлер и Г. Эмихен отвечали на этот вопрос отрицательно³⁰⁰. А. Мюллер также не считал, что агонофет получал поддержку от государства, хотя ему и знакомо свидетельство о предоставлении агонофетом отчета о своих действиях³⁰¹.

Однако еще Г. Шнейдер на основе ряда литературных свидетельств (*Hypoth. II ad Dem.* XXI; *Bekk. anecsd.*, 746, 30) предположил, что таковая помощь имела место³⁰². П. В. Никитин же был твердо убежден в том, что агонофет получал деньги из государственной казны³⁰³. Последнее мнение кажется более правдоподобным и соответствующим настоящему положению дел: едва ли в конце IV в., при том, что доходы тщательно скрывались, нашлись бы люди, жертвовавшие на театральные представления огромные суммы, которые, вероятно, еще увеличились к этому времени (ср. *Plut. Phoc.*, 19). В качестве довода тому является и тот факт, что по истечении срока полномочия агонофет должен был давать отчет о своих тратах³⁰⁴. Однако можно предположить, что от агонофета все же ожидалось, что он возьмет на себя часть расходов³⁰⁵. Безусловно, агонофет выбирался среди знатнейших граждан, и он едва ли упустил случай предоставить и собственные средства для демонстрации своей состоятельности³⁰⁶.

Во времена хорегии народа меняются и формулы надписей, поставленных в честь победившего хора. Вот типичный пример такой надписи: «Хорегию исполнял народ, Пифарат был архонтом, Фрасикл, сын Фрасилла Декелеец был агонофетом; Гиппотонтида победила в состязаниях хоров мальчиков, Феон фиванец был авлетом (флейтистом), Пронном фиванец дидаскалом» (*IG*, II², 3083).

Из этого времени также сохранились монументы, оставленные агонофетами в память о победе того или иного хора (средства на эти монументы должны были, вероятно, изыскиваться как раз из личных денег агонофета). Так, сохранился базис посвященного дара агонофета в форме треугольной призмы³⁰⁷.

Еще три посвячительных дара агонифета связаны, вероятно, с именем одного и того же афинянина — Ксенокла, известного многочисленными дарами и посвящениями (в том числе и в качестве триерарха)³⁰⁸. Один монумент с посвящением Ксенокла-агонифета за его победу с драмой стоял, вероятно, в западном паркаде театра Диониса и являлся большой постройкой с ионическим перекрытием³⁰⁹.

Сохранившиеся остатки от второго его дара — это два куса рельефно-го базиса с сообщением о победе с хором пиррихистов³¹⁰. Также Э. Проинер предложил видеть дар Ксенокла в еще одном монументе из театра Диониса³¹¹. Этот мраморный памятник имеет ту же форму, что и первый³¹². Вероятно, на нем был рельеф, который, однако, не сохранился³¹³.

Однако, хотя агонифесия и называлась хорегией народа, участие народа в организации становилось на деле все более ничтожным: музыкальные и драматические представления становились делом рук профессионалов. Великие Дионисии середины III в. организуются, как свидетельствует одна надпись с агоры³¹⁴, иным образом.

Агонифесия существовала еще в III в. Сведений о хорегии для II–I вв. мы не имеем³¹⁵. В надписях императорской эпохи вновь появляется хорег (*IG, II², 3112–3115. 3118. 3119*), но рядом с ним и агонифет (*IG, II², 3112*; один агонифет — *IG, II², 1069. 1077. 1996. 3015. 3270. 3580. 3968. 4174*). Это, вероятно, возвращение к старым традициям³¹⁶.

Так, агонифесия была распространена с конца IV в. Но у Демосфена в речи «О венке», в помещенных там документах, встречается упоминание об агонифете на Дионисиях (*Dem., XVIII, 84*). П. В. Никитин не считал эти слова случайными и говорил, что звание агонифета, вероятно, существовало издавна, «но только его роль до 309 г. была не финансовая, а чисто административная»³¹⁷. П. В. Никитин предполагал также, что это могли быть те эпимелеты-помощники, о которых сообщает Поллукс (*Poll., VIII, 90*)³¹⁸.

Может быть, под агонифетом нужно подразумевать афлофета (*ἀφλοθέτης: ἄθλον* — награда; *τίθημι* — устраивать)³¹⁹, о котором сообщает Аристотель (*Arist. Ath. pol., 60*). Эти афлофеты, по его словам, избирались в количестве десяти человек (по одному от каждой филы) и имели обязанностью устройство процессий, музыкальных, гимнастических состязаний (*ἄθλον ἐπιμελητής: Poll., III, 140*) и т. д. В Афинах это было официальное название для руководителей Панафиней; афлофеты образовывали коллегия из десяти мужчин, по одному от каждой филы, среди которых один был председателем (*IG, I², 302. 304*). Они организовывали процессию, руководили музыкальными, спортивными и другими состязаниями, занимались распределением призов (*Arist. Ath. pol., 60*). На расходы аф-

лофеты получали деньги из казны; так, в 410 г. до н. э. афлофет получил из казны 5 талантов и 100 драхм (IG, I², 304).

Эта схожесть обязанностей афлофетов и литургов дала основание У. ф. Виламовицу-Мёллендорфу предположить даже, что афлофет был изначально литургом, обязанностью которого было выдавать призы на собственные средства³²⁰. Однако очевидно, что эта теория не имеет под собой достаточного основания. Э. Рейшу казался этот взгляд неубедительным также исходя из этимологии этого слова³²¹.

Таким образом, функции агонифета и афлофета были весьма близки, и позднейшая агонифесия могла соединить в себе обязанности, принадлежавшие ранее афлофетам и литургам³²².

Итак, сущность института хорегии весьма широко представлена в источниках, и наше знание о ней может быть вполне определенным. Появление хорегии как институализированной литургической магистратуры следует, скорее всего, отнести ко времени Клисфена, когда спонтанная хорегическая деятельность отдельных лиц или правящего дома Писистратидов получила официальное, юридическое оформление. На смену, быть может, добровольным действиям наиболее состоятельных граждан, носящим, вероятно, характер меценатства, направленным на помощь в организации того или иного зрелища, приходит узаконенная форма финансирования того или иного праздничного акта. При этом лицо, отказывающееся от предоставления своих средств на нужды коллектива, могло подвергнуться определенному принуждению.

Основных видов хорегии мы знаем три: лирическая, драматическая и пиррическая. Однако при видимой идентичности дифирамбического и драматического хора: по происхождению, тематике и характеру исполняемых произведений, — это были все же хоры, разнящиеся по качеству. Отсюда и столь разительное отличие в способе назначения лирических и драматических хорегов (при том, что обязанности тех и других в общих чертах оставались схожими): первые выбираются гражданами одной филы из ее среды для представления на празднике ее хора, а вторые — государственными магистратами, независимо от принадлежности к тому или иному гражданскому коллективу. В этом выражается та роль, что отводилась древними театру: театр был государственным учреждением, несшим на себе эстетические, а также воспитательные, идеологические функции, служил объединению гражданского коллектива.

Допущение (или недопущение) метеков для исполнения этой литургии также демонстрирует различия в характере той и другой хорегии.

Так, в случае дифирамбического агона метеки до хорегии не допускались, поскольку не могли явиться представителями гражданского коллектива филы. Однако обязанности по организации театрального состязания могли доверяться и метеку, который в этом случае представлял не коллектив филы, но одного лишь драматурга с его хором.

Особняком стоит хорегия пиррическая: эти хоры не оказываются связанными с культом Диониса. К тому же не совсем понятен вопрос, выбирались или нет пиррические хореги по филам. Весьма вероятно предположить, что связь с филами в случае этих хоров существовала. Дело в том, что эти состязания обозначаются как состязания хоров (как в случае выступлений с дифирамбами), а не отдельных поэтов (как в драматическом агоне). Таким образом, пиррический хор должен был иметь некую однородность, то есть вполне вероятно, что состоял из граждан одной филы, а это значит, что пиррическая хорегия была скорее всего хорегией фил. Однако известные нам факты не позволяют прийти к такому заключению, хотя, с другой стороны, нельзя пока утверждать и обратное.

В Афинах было несколько праздников, попавших под дионисийское влияние и поэтому отмеченных хоровыми состязаниями, которые собственно принадлежали культу Диониса, а позднее нашли свое место в программе иных праздников. Мы увидели, что все дионисийские праздники были отмечены хоровыми (дифирамбическими или драматическими) агонами, но также хоровой агон вошел и в ряд других празднеств.

В своем классическом виде (при введении в конце V в. синхорегии) институт хорегии просуществовал до конца IV в., когда при Деметрии Фалерском был заменен агонифесией — государственной магистратурой, имеющей характер архэ³²³.

Примечания

¹ Никитин П. В. К истории афинских драматических состязаний. СПб., 1882. С. 28 сл.

² Ср.: Bergk T. Verzeichnis der Siege Dramatischer Dichter in Athen // RhM. Bd. 43. 1888. S. 332.

³ *Aristotelis opera cum scholiis* / Ed. I. Bekker. Vol. 5. Berlin, 1870. Frg. 575–587.

⁴ *Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta* / Ed. V. Rose. Leipzig, 1886. Frg. 618–630.

⁵ Reisch E. Didaskaliai // RE. Bd. 5. Tl. 1. 1903. Sp. 396.

⁶ Никитин П. В. К истории... С. 34 сл.

⁷ Reisch E. Didaskaliai. Sp. 394 f.

⁸ *Katanudes S.A.* Ἐπιγραφαὶ Ἑλληνικαὶ ἀνέκδοτοι // Philistor. Vol. 1. 1861. P. 331.

⁹ Köhler U. Dokumente zur Geschichte des Athenischen Theaters // AM. Bd. 3. 1878. S. 104 f.; Bergk T. Verzeichnis der Siege... S. 292 f.

П. В. Никитин справедливо отметил, что статистика этого рода была перенята из конных, спортивных и музыкальных агонов. См.: Никитин П. В. К истории... С. 53, прим. 60.

¹⁰ Athenaion. Vol. 7. 1878. P. 80 sq.; 291 sq.

¹¹ Köhler U. Dokumente... S. 242 f.; Köhler U. Die von Herrn Bohn auf der Akropolis gefundenen Inschriften // AM. Bd. 5. 1880. S. 325.

¹² Köhler U. Dokumente... S. 111.

¹³ Reisch E. Didaskaliai... Sp. 398.

¹⁴ Wilhelm A. Urkunden dramatischer Aufführungen in Athen (mit einem Beitrage von Georg Kaibel). Wien, 1906. S. 114 f.

¹⁵ Moretti L. Inscriptiones Urbis Romae. Roma, 1968. No 218; Ghiron-Bistagne P. Die Kriese des Theaters in der griechischen Welt im 4 Jhd. v. u. Z. // HP. Bd. 3. S. 1343.

¹⁶ Никитин П. В. К истории... С. 28 сл.

¹⁷ Reisch E. Didaskaliai. Sp. 395.

¹⁸ Keil K. Epigraphische Beiträge // MGR. T. 2. 1866. P. 65–92.

¹⁹ Bernhardt G. Grundriss der griechischen Literatur; mit einem vergleichenden Überblick der römischen. 2. Aufl. Bd. 2. Tl. 2. Halle, 1859. S. 141.

²⁰ Кроме указанных выше работ по обработке эпиграфического материала см. также: Petersen E. Scaenica // WS. Bd. 7. 1885. S. 175–189; Lipsius J. H. 1) Bemerkungen über die dramatische Choregie // BLGW. Bd. 37. 1885. S. 411–420; 2) Nachtrag zu den Bemerkungen über die dramatische Choregie // BLGW. Bd. 39. 1887. S. 278–282; Oehmichen G. Über die Anfänge der dramatischen Wettkämpfe // SMAW. Jhg. 2. 1889. S. 103–168; Kaibel G. Die Prolegomena περί κωμωδίας. Berlin, 1898; Capps E. 1) The Catalogues of Victors at the Dionysia and Lenaea, CIA II 977 // AJPh. Vol. 20. 1899. P. 388–405; 2) The Dating of Some Didaskalic Inscriptions //

AJA. Vol. 4. 1900. P. 74–91; *Bodensteiner E.* Bericht über das antike Bühnenwesen, 1885–1895 // JFA. Jhg. 28. 1900. Bd. 106. S. 113–167; *Wilhelm A.* Urkunden dramatischer Aufführungen...

²¹ *Новосадский Н.* Введение // Аристотель. Поэтика / Пер. Н. Новосадского. Л., 1927. С. 7.

²² См. комментарии в издании: *Аристотель.* Сочинения в 4-х тт. Т. 4. М., 1983. С. 779.

²³ *Новосадский Н.* Введение... С. 7.

²⁴ *Радлов С. Э.* О технике греческого актера // Сборник историко-театральной секции. Т. 1. Пг., 1918. С. 2.

²⁵ *Герцман Е. В.* Музыка Древней Греции и Рима. СПб., 1995.

²⁶ *Schneider G.C.W.* Das attische Theaterwesen. Zum besseren Verstehen der griechischen Dramatiker. Weimar, 1835.

²⁷ См. статьи У. Кёлера в прилагающемся списке литературы.

²⁸ *Brinck A.* Inscriptiones graecae ad choregiam pertinentes // Dissertationes philologicae Halenses. Vol. 7. Halis saxonum. P. 73–182.

Позже вышла вторая работа А. Бринка, посвященная этой же проблеме: *Brinck A.* De choregia quaestiones epigraphicae. Kiel, 1906.

²⁹ *Müller A.* Lehrbuch der griechischen Bühnenaltertümer. Freiburg, 1886.

См. также: *Müller A.* Das attische Bühnenwesen, kurz abgestellt. Gütersloh, 1902.

³⁰ *Oehmichen G.* Das Bühnenwesen der Griechen und Römer // НКА. Bd. 5. Abt. 3. 1890. S. 181–304.

³¹ *Эмихен Г.* Греческий и римский театр / Пер. И. Семёнова. М., 1894.

³² *Грингмут В.* Рец. на кн.: Г. Эмихен. Греческий и римский театр / Пер. И. Семёнова. М., 1894 // ФО. Т. 7. 1894. С. 26.

³³ *Reisch E.* De musicis graecorum certaminibus capita quattor. Vindobonae, 1885.

³⁴ См. статьи Э. Рейша в прилагающемся списке литературы.

³⁵ *Wilhelm A.* Urkunden dramatischer Aufführungen...

³⁶ *Bieber M.* Denkmäler zum Theaterwesen im Altertum. Berlin, 1920.

³⁷ *Bieber M.* The History of the Greek and Roman Theater. Princeton, 1939.

³⁸ *Haigh A.* The Attic Theatre. 3d edition revised and in part rewritted by A. W. Picard-Cambridge. Oxford, 1907.

³⁹ *Pickard-Cambridge A. W.* Dithyramb, Tragedy & Comedy. 2d edition revised by T. V. L. Webster. Oxford, 1962.

⁴⁰ *Pickard-Cambridge A. W.* The Dramatic Festivals of Athens. Oxford, 1953.

⁴¹ См. работы П.Ф. Фукара в прилагающемся списке литературы.

⁴³ *Krebs A.* Choregia // DA. Vol. 1. P. 2. 1887. P. 1117–1119.

⁴⁴ *Никитин П. В.* К истории...

⁴⁵ Варнеке Б. В. История античного театра. М.; Л., 1940.

⁴⁶ Каллистов Д. П. Античный театр. Л., 1970.

⁴⁷ Головня В. В. История античного театра. М., 1972.

⁴⁸ Колобова К. М. Древний город Афины и его памятники. Л., 1961.

⁴⁹ Герцман Е. В. Музыка Древней Греции... СПб., 1995.

⁵⁰ Разумеется, определенный интерес в контексте нашего вопроса представляет также работа А. Ф. Лосева, представляющая собой звено в цикле работ по различным аспектам античной эстетики: Лосев А. Ф. Античная музыкальная эстетика. М., 1960.

⁵¹ TLG. Vol. 8. 1865. С. 1590–1591. S. v. χορηγός.

⁵² Ср.: Arnold B. Choregie // DKA. Bd. 1. S. 392.

⁵³ См.: Warnecke B. Koryphaios // RE. Bd. 11. Tl. 2. 1922. Sp. 1461–1462.

⁵⁴ TLG. Vol. 2. 1833. С. 1413. S. v. διδάσκαλος.

⁵⁵ TLG. Vol. 8. 1865. С. 1596–1600. S. v. χορός.

⁵⁶ Fensterbusch C. Orchestra // RE. Bd. 18. Tl. 2. 1939. Sp. 883–885.

⁵⁷ Ср.: Радциг С. И. История древнегреческой литературы. 4-е изд. М., 1977. С. 151; Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции (VII–V вв. до н. э.). Л., 1985.

⁵⁸ См. издание: Athenei Deipnosophistarum libri XV / Ed. G. Keibel. Vol. 3. Leipzig, 1990. P. 499.

⁵⁹ Gärtringen H. v. Gymnopaïdien (Γυμνοπαϊδία) // RE. Bd. 7. 1912. Sp. 2087; Куманецкий К. История культуры Древней Греции и Рима / Пер. В. К. Ронина. М., 1990. С. 68.

⁶⁰ Vetter W. Thaletas // RE. Bd. 5 A. 1934. Sp. 1213.

⁶¹ См.: Reisch E. De musicis graecorum certaminibus... P. 4; Куманецкий К. История культуры... С. 68.

⁶² Reisch E. Chor // RE. Bd. 3. Tl. 2. 1899. Sp. 2377.

⁶³ Радциг С. И. История древнегреческой литературы. С. 151–152; Аннеткова-Шарова Г. Г., Чекалова Е. И. Античная литература. Л., 1989. С. 85.

⁶⁴ См.: Радциг С. И. История древнегреческой литературы. С. 153; Зелинский Ф. Ф. Из жизни идей. 3-е изд. СПб., 1995. С. 53 сл.

⁶⁵ Впервые это произведение с комментариями было опубликовано Г. Дильсом: Diels H. Alkmans Partheneion // Hermes. Bd. 31. 1896. S. 339–374.

⁶⁶ Wilamowitz-Möllendorf U. v. Der Chor der Hagesichora // Hermes. Bd. 32. 1897. S. 262.

⁶⁷ Здесь и далее слово «хорег», χορηγός будет употребляться исключительно в классическом значении — исполнитель литургии-хорегии.

⁶⁸ Wilamowitz-Möllendorf U. v. Einleitung in die griechische Tragödie. 2. Aufl. Berlin, 1910. S. 78, 79.

⁶⁹ Pickard-Cambridge A. W. Dithyramb, Tragedy & Comedy. P. 32.

⁷⁰ *Bethe E.* Der Spielplatz des Aischylos // *Hermes*. Bd. 59. 1924. S. 113.

⁷¹ *Müller A.* Lehrbuch... S. 205 f.; *Castets F.* Chorus // *DA*. Vol. 1. P. 2. 1887. P. 1121; *Arnold B.* Chor // *DKA*. Bd. 1. S. 385–387; *Oehmichen G.* Das Bühnenwesen... S. 274–276.

⁷² *Wilamowitz-Möllendorf U.v.* Die Bühne des Aischylos // *Hermes*. Bd. 21. 1886. S. 597 f.

⁷³ *Crusius O.* Dithyrambos // *RE*. Bd. 5. 1905. Sp. 1203 f.

⁷⁴ Ср. исследование Ф. Ф. Зелинского: *Зелинский Ф. Ф.* Арион и трагедия // *Гермес*. 1909. С. 80–83.

⁷⁵ Ср.: *Pickard-Cambridge A. W.* Dithyramb, Tragedy & Comedy. P. 132 f.

В. Иванов на основе проведенного им исследования утверждает, что Арион был не изобретателем, но реформатором дифирамба: *Иванов В.* Дионис и прадиионисийство. 2-е изд. СПб., 1994. С. 234 сл.

⁷⁶ *Иванов В.* Дионис и прадиионисийство. С. 230; *Герцман Е. В.* Музыка Древней Греции... С. 74.

⁷⁷ См. перевод этого дифирамба, сделанный В. Ивановым с сохранением метрики в издании: *Иванов В.* Дионис и прадиионисийство. С. 243 сл.

⁷⁸ *Каллистов Д. П.* Античный театр. Л., 1970. С. 63.

⁷⁹ По словам Аристотеля, именно от дифирамба произошла греческая трагедия; см. об этом дальше.

⁸⁰ *Радциг С. И.* История древнегреческой литературы. С. 165.

⁸¹ *Куманецкий К.* История культуры... С. 70.

⁸² *Crusius O.* Dithyrambos. S. 1226.

Об истории дифирамба см. также: *Schmid W.* Zur Geschichte des Dithyrambos. Tübingen, 1900; *Frei I.* De certaminibus thymelicis. Basel, 1900.

⁸³ Г. Флах считал, что пифийские агоны были установлены лишь после времени Терпандра: *Flach H.* Geschichte der griechischen Lyrik. Tübingen, 1883–1884. S. 88. Т. Бергк полагал, что уже во время Терпандра — до 26-й Олимпиады: *Bergk Th.* Griechische Literaturgeschichte. Bd. 2. Berlin, 1883. S. 148, Anm. 132; ср.: *Westphal R.* Musik der griechischen Altertumes. Leipzig, 1883. S. 52.

⁸⁴ *Reisch E.* De musicis graecorum certaminibus... P. 3.

Никто из исследователей не считает, что агоны проводились с древнейших времен, так как ничто на это не указывает, такое предположение высказал лишь Р. Фолкманн: *Volkmann R.* Geschichte und Kritik der Wolfschen Prolegomena zu Homer. Ein Betrag zur Geschichte der homerischen Frage. Leipzig, 1874. S. 273, 308.

⁸⁵ Существование состязаний между поэтами или даже самими хорами предположил Р. Вестфаль: *Westphal R.* Musik der griechischen Altertumes. S. 116. Однако он был опровергнут Т. Бергком: *Bergk Th.* Griechische Literaturgeschichte. Bd. 2. S. 149, Anm. 136. Это последнее мнение поддерживается в более поздних работах: *Reisch E.* De musicis graecorum certaminibus... P. 4 и т. д.

⁸⁶ А. Вильгельм считал возможным датировать это событие 510/9 г.: *Wilhelm A. Urkunden...* S. 14.

⁸⁷ *Reisch E. De musicis graecorum certaminibus...* P. 13.

⁸⁸ См.: *Reisch E. De musicis graecorum certaminibus...* P. 24.

⁸⁹ *Mommsen A. Feste der Stadt Athen im Altertum.* Leipzig, 1898. S. 41 f.; *Cohen E. Panathenaia* // DA. Vol. 4. P. 1. P. 303; *Ziehen L. Panathenaia* // RE. Bd. 18. Tl. 3. 1949. Sp. 458.

⁹⁰ *Judeich W. Topographie von Athen* // НКА. Bd. 3. Abt. 2. Tl. 2. 1905. S. 306 f.

Активные работы по раскопкам Одеона проводились в начале века греческим археологическим обществом: *Pârvan V. Archeologische Funde im Jahre 1914. Griechenland* // AA. Bd. 30. 1915. Sp. 178 f., Fig. 1; *Karo G. Archeologische Funde im Jahre 1915* // AA. Bd. 31. 1916. Sp. 138 f.; *Schweitzer B. Archeologische Funde in den Jahren 1916–1922. Griechenland* // AA. Bd. 37. 1922. Sp. 252;

⁹¹ *Колобова К. М. Древний город Афины...* С. 266.

⁹² *Gebhard V. Thargelia* // RE. Bd. 5 A. Tl. 2. 1934. Sp. 1287.

⁹³ *Gardner P. Vases Added to the Ashmolean Museum* // JHS. Vol. 24. 1904. P. 313.

⁹⁴ *Böckh A. Die Staatshaushaltung der Athener.* 3. Aufl. von M. Fränkel. Berlin, 1886. S. 344.

⁹⁵ *Mommsen A. Neortologie.* Leipzig, 1864. S. 311.

⁹⁶ *Никитин П. В. К истории...* С. 50.

⁹⁷ *Stengel P. Ἡφαίστια* // RE. Bd. 8. 1913. Sp. 290; *Malten L. Hephaistos* // RE. Bd. 8. 1913. Sp. 362; *Eckhart L. Prometheus* // RE. Bd. 23. Tl. 1. 1957. Sp. 655; *Pickard-Cambridge A. W. Dithyramb, Tragedy & Comedy.* P. 37.

⁹⁸ *Köhler U. Dokumente...* S. 132.

⁹⁹ *Никитин П. В. К истории...; Reisch E. Χορικοί ἄῶνες* // RE. Bd. 3. Tl. 2. 1899. Sp. 2431–2438.

¹⁰⁰ *Johansen K. F. Eine Dithyrambos-Aufführung* // MDV. Bd. 4. № 2. 1959. S. 33 f.

¹⁰¹ *Gärtringen H.v. Anthesteria* // RE. Bd. 1. 1894. Sp. 2373–2374; *Nilsson M. P. Studia de Dionysiis Atticis.* Lundae, 1900. P. 115 f.; *Frickenhaus A. Die Schiffskarren des Dionysos in Athen* // JDAI. Bd. 27. 1912. S. 68 f.; *Bethe E. Programm und Festzug der Großen Dionysien* // Hermes. Bd. 61. 1926. S. 463; *Deubner L. Dionysos und die Anthesterien* // JDAI. Bd. 42. 1927. S. 172.

¹⁰² *Pickard-Cambridge A. W. Dithyramb, Tragedy & Comedy.* P. 38. Значительно раньше предположение о том, что и на Анфестериях проводились лирические агоны, высказал В. Иванов, основывая свои взгляды на сохранившемся отрывке Симонида: *Иванов В. Дионис и прадионисийство.* С. 227.

¹⁰³ *Латышев В. В. Очерк греческих древностей.* 2-е изд. Ч. 2. СПб., 1899. С. 138.

¹⁰⁴ *Deubner L. Attische Feste.* Berlin, 1932. S. 144 f.; *Ferguson W. S. The Salaminioi of Heptaphylai and Sounion* // Hesperia. Vol. 7. 1938. P. 36 f.

¹⁰⁵ См. по этому поводу: *Davies J. K. Demosthenes on Liturgies: A Note* // JHS. Vol. 88. 1967. P. 39.

¹⁰⁶ *Ibid.*

¹⁰⁷ Известно также, что Ликург учредил дифирамбические состязания в Пирее в честь Посейдона, в которых должны были участвовать не менее трех хоров (*Plut. mor.*, 842 а). Однако ничего более об этих состязаниях мы не знаем.

¹⁰⁸ *Rosenkranz H. De choregia et choreutarum numero. Rostochii, 1873. P. 4.*

¹⁰⁹ О датировке времени жизни Симонида и Ласа и идентификации этих имен см.: *Abert. Lasos // RE. Bd. 12. Tl. 1. 1924. Sp. 887; Geffchen J. Simonides // RE. Bd. 3 A. Tl. 1. 1927. Sp. 184.*

¹¹⁰ Ср.: *Wilhelm A. Urkunden... S. 243.*

¹¹¹ *Brinck A. Inscriptiones graecae... P. 86.*

¹¹² *Riesch E. Χορκοί ἀγῶνες. Sp. 2432; см. также: Pickard-Cambridge A. W. Dithyramb, Tragedy & Comedy. P. 36.*

¹¹³ *Wilhelm A. Urkunden... S. 30.*

¹¹⁴ *Brinck A. Inscriptiones graecae... P. 86; Riesch E. Χορκοί ἀγῶνες... Sp. 2432.*

¹¹⁵ *Pickard-Cambridge A. W. Dithyramb, Tragedy & Comedy... P. 36.*

¹¹⁶ *Wilhelm A. Urkunden... S. 30. Ср.: Capps E. The Dramatic Synchoregia at Athens // AJPh. Vol. 17. 1896. P. 325.*

¹¹⁷ *Lewis D. M. Notes on Attic Inscriptions, II // ABSA. Vol. 50. 1955. P. 23.*

¹¹⁸ *Davies J. K. Demosthenes on Liturgies... P. 33.*

¹¹⁹ Ср.: *Lewis D. M. Notes on Attic Inscriptions... P. 23.*

¹²⁰ *Kumanudes S. A. Ἐπιγραφαὶ Ἑλληνικαὶ ἀνέκδοτοι // Athenaeion. Vol. 1. 1872. P. 169.*

¹²¹ *Ibid. P. 171.*

¹²² *Köhler U. Dokumente... S. 231.*

¹²³ *Никитин П.В. К истории... С. 25–26.*

¹²⁴ *Curtius E. Das Pytheon in Athen // Hermes. Bd. 12. 1877. S. 492 f.; Töpffer J. Thargeliengebräuche // RhM. Bd. 43. 1888. S. 142 f.; Deubner L. Attische Feste. S. 179 f.*

¹²⁵ *Buck C.D. The Choregia in Athens & at Icaria // AJA. Vol. 5. 1889. P. 20.*

¹²⁶ *Curtius E. Das Pytheon... S. 492 f.*

¹²⁷ Э. Рейш предположил, что на Таргелиях один хорег для двух фил мог значаться лишь для хоров мальчиков. Это заключение он делает из слов Лисия (*Lys.*, 21, 1 sq.), но главным образом на основе надписи IG, II², 1138, в которой фила Пандионида воздает похвалу Никию, за то что он «хорошо и усердно был хорегом для мальчиков и победил на Дионисиях и Таргелиях с мужским хором». Эта надпись, как кажется Э. Рейшу, указывает на то, что на Таргелиях, как и на Дионисиях, хорег для мужского хора избирался по одному из каждой филы: *Reisch E. De musicis graecorum certaminibus... P. 27, n. 1.*

Против этого мнения выступил К. Д. Бак: *Buck C.D. The Choregia... P. 19; да и сам Э. Рейш, судя по всему, позднее отказался от этого предположения, поскольку в последующих работах этого мнения уже не высказывал.*

¹²⁸ Поскольку при перечислении прочих хорегий, как правило, указывался возраст хоревтов, то Э. Рейш предположил, что на Панафинях мог состязаться лишь какой-то один род киклических хоров: *Reisch E. De musicis graecorum certaminibus...* P. 23, п. 1.

¹²⁹ Прочие музыкальные состязания на Панафинях см.: *Reisch E. De musicis graecorum certaminibus...* P. 15 f.; *Герцман Е. В. Музыка Древней Греции...* С. 158 сл.

¹³⁰ *Brinck A. Inscriptiones graecae...* P. 79.

¹³¹ Г. Шнейдер ошибочно предполагал, что возрастной ценз существовал для всех хорегов: *Schneider G.C.W. Das attische Theaterwesen...* S. 125, Anm. 151.

¹³² *Davies J.K. Athenian Propertied Families, 600–300 B. C. Oxford, 1971.* P. 43 f.

¹³³ Ср.: *Lewis D. M. Notes on Attic Inscriptions...* P. 24.

¹³⁴ Ср.: *Bergk Th. Griechische Literaturgeschichte. Bd. 2. S. 503.*

¹³⁵ *Reisch E. Χορηγία // RE. Bd. 3. Tl. 2. 1899. Sp. 2413.*

¹³⁶ *Köhler U. Die choregische Inschrift des Nikias // AM. Bd. 10. 1885. S. 233.*

¹³⁷ Это была единственная награда победившему хору. Как верно заметил Э. Рейш, поэты и музыканты стремились к победе, не желая при этом ничего получить, кроме одобрительного рукоплескания зрителей (*Plat. leg.*, III, 700 sq.; *Plut. de mus.*, 15, 27): *Reisch E. De musicis graecorum certaminibus...* P. 24. Подробнее о треножниках см.: *Blümner H., Baumeister A. Dreifuß, Dreifußraub // DKA. Bd. 1. S. 461–464.*

¹³⁸ Представление об этой улице можно получить: *Curtius F., Kaupert A. Karten von Attika. Berlin, 1884; Riemann H. Tripodes // RE. Suppl. 8. 1956. Sp. 862–867; Колобова К. М. Древний город Афины...* С. 293 сл.

¹³⁹ *Curtius E. Das Pytheon...* S. 492 f.; *Milchhöfer A. Athen // DKA. Bd. 1. S. 179.*

¹⁴⁰ *Judeich W. Topographie von Athen. S. 274; Welter G. Die Tripodenstraße in Athen // AM. Bd. 47. 1922. S. 72, nr. 1; Riemann H. Tripodes. Sp. 867–968.*

Еще три аналогичных постамента см.: *Welter G. Die Tripodenstraße...* S. 73 f., nr. 2, 4, 5; *Riemann H. Tripodes. Sp. 868–869.*

¹⁴¹ Примеры сохранившихся обломков постаментов с надписями см.: *Riemann H. Tripodes. Sp. 873 f.*

¹⁴² Вероятно, это может служить подтверждением мнения Э. Рейша, что флейтист становится со временем учителем хора, как в драме становится учителем протагонист.

¹⁴³ Более подробные сведения о хорегических памятниках можно найти в следующих работах: *Gurlitt L. Relief aus Athen // AZ. Bd. 39. 1881. S. 57–60; Dörpfeld W. Das choregische Monument des Nikias // AM. Bd. 10. 1885. S. 219–230; Köhler U. Die choregische Inschrift... S. 231–236; Milchhöfer A. Athen. S. 193; Julius L. Lysikratesdenkmal // DKA. Bd. 2. S. 838–840; Reisch E. 1) Χορηγία Sp. 2414; 2) Griechische Weigeschenke // AAES. Bd. 8. 1890. S. 63 f.; Benndorf O. Dreifußbasis in Athen // JEAI. Bd. 2. 1899. S. 255 f.; Bieber M. 1) Die Herkunft des Tragischen*

Kostüms // JDAI. Bd. 32. 1917. S. 32; 2) *Bieber M.* The History... P. 39; *Riemann H.* Tripodes; *Колобова К. М.* Древний город Афины... С. 294.

¹⁴⁴ В. Диттенбергер в примечании к публикации надписи (*Syll.*, 411), сообщающей о победе хорегга двух фил, предполагает, что, если хор состоял из членов одной филы, то победительницей объявлялась именно она, если же из двух фил, то победителем становился хорег. Уже К. Д. Бак опроверг это предположение: *Buck C.D.* The Choregia... P. 19. Действительно, кроме надписи Никия, мы имеем еще достаточное количество надписей позднеклассического времени, где хорег одной филы называется победителем.

¹⁴⁵ *Buck C. D.* The Choregia... P. 21 f.

¹⁴⁶ Ср.: *Pickard-Cambridge A. W.* Dithyramb, Tragedy & Comedy. P. 31.

¹⁴⁷ *Никитин П. В.* К истории... С. 27.

¹⁴⁸ *Каллистов Д. П.* Античный театр. С. 76.

¹⁴⁹ *Иванов В.* Религия Диониса // Вопросы жизни. 1905. N 6. С. 196 сл.

¹⁵⁰ К этой датировке см. исследование: *Lesky A.* Die tragische Dichtung der Hellenen. Göttingen, 1956. S. 32, Anm. 2.

¹⁵¹ *Ghiron-Bistagne P.* Die Kriese des Theaters... S. 1338, Anm. 22.

¹⁵² *Аннеткова-Шарова Г.Г., Чекалова Е.И.* Античная литература. С. 91.

¹⁵³ *Brommer F.* Satyrspiel. Bilder der griechischen Vasen. 2. Aufl. Berlin, 1958. Nr. 11.

¹⁵⁴ *Pickard-Cambridge A. W.* Dithyramb, Tragedy & Comedy. P. 67.

Г. Фликингер предполагал, что создание Пратином сатировской драмы следует объяснить попыткой возродить дионисийский характер праздника: *Flickinger G.* The Greek Theater and Its Drama. 4th ed. Chicago, 1936. P. 23, 24.

¹⁵⁵ *Bethe E.* Prolegomena zur Geschichte des Theaters im Altertum. Leipzig, 1896. S. 18.

¹⁵⁶ Одно из ранних исследований относительно числа хоревтов драматического хора: *Hermann G.* De choro Eumenidum. Leipzig, 1816.

¹⁵⁷ См. по этому поводу подробные рассуждения Б. Арнольда: *Arnold B.* Chor // DKA. Bd. 1. S. 384–385.

¹⁵⁸ *Müller A.* Lehrbuch... S. 204.

¹⁵⁹ *Maidment K.J.* The Later Comic Chorus // CQ. Vol. 29. 1935. P. 13.

¹⁶⁰ Ср.: *Böckh A.* Die Staatshaushaltung... S. 496; *Müller A.* Lehrbuch... S. 331, Anm. 4.

¹⁶¹ *Schultz R.* De chori Graecorum tragici habitu externo. Berlin, 1856. P. 23.

¹⁶² *Böckh A.* Vom Unterschiede der Attischen Lenäen, Anthesterien und Ländlichen Dionysien // *Böckh A.* Gesammelte kleine Schriften. Bd. 5. Leipzig, 1871. S. 65 f.

¹⁶³ *Wilhelm A.* Urkunden... S. 43; *Körte A.* Komödie // RE. Bd. 11. Tl. 2. 1921. Sp. 1228; *Dittmer W.A.* The Fragments of Athenien Comic Didascaliae Found in Rome (IG, XIV, 1097; 1098; 1098 a). Leiden, 1923; *Bieber M.* The History... P. 95.

¹⁶⁴ Bieber M. The History... P. 96.

¹⁶⁵ Историю вопроса до 1898 г. рассмотрел И. Дютуа, однако он проигнорировал при этом английскую и французскую литературу: *Dutoit J. F. G. Zur Festordnung der Großen Dionysien*. Speler, 1898.

¹⁶⁶ Allen J. T. On the Programm of the City Dionysia during the Peloponnesian War // UCP. Vol. 12. N 3. 1938. P. 36, n. 8.

¹⁶⁷ Дж. Т. Аллен предполагает, что на Великих Дионисиях и Ленеях было идентичное число пьес: *Allen J. T. On the Programm of the City Dionysia...* P. 36. Вероятно, так могло быть на самом деле.

¹⁶⁸ Хорошей иллюстрацией является дидаскалическое свидетельство: некто занял четвертое место на Городских Дионисиях в 440 г., четвертое место, по видимому, на Ленеях в 437 г. и снова в 429 г. или позднее, пятое место на Ленеях в 434 г. (IG, XIV, 1097). См.: *Dittmer W. A. The Fragments of Athenien Comic Didascaliae...* P. 39 f.

¹⁶⁹ Petersen E. Scaenica // WS. Bd. 7. 1885. S. 183 f.

¹⁷⁰ Lipsius J. H. Didaskalika // RhM. Bd. 65. 1910. S. 166.

¹⁷¹ Dittmer W. A. The Fragments of Athenien Comic Didascaliae...

¹⁷² Geißler P. // Gnomon. Bd. 1. 1925. S. 175–177.

¹⁷³ Körte A. Komödie. Sp. 1228 f.; Geißler P. Chronologie der altattischen Komödie // PhU. Einzelschrift 30. 1925. S. 17; Pickard-Cambridge A. W. Dithyramb, Tragedy & Comedy. P. 218; Schmid W., Stählin O. Geschichte der Griechischen Litteratur // HA. Abt. 7. Tl. 1. Bd. 2. München, 1934. S. 526; Flickinger G. The Greek Theater... P. 356, n.; 359, n.; Bieber M. The History... P. 97 f.

Не упоминают об этом обстоятельстве Л. Дойбнер и К. Дж. Майдмент: *Deubner L. Attische Feste; Maidment K.J. The Later Comic Chorus*.

¹⁷⁴ Никитин П. В. К истории... С. 94.

¹⁷⁵ Allen J. T. On the Programm of the City Dionysia... P. 36.

¹⁷⁶ Schneider G.C.W. Das attische Theaterwesen... S. 5.

¹⁷⁷ Mommsen A. Feste... S. 350.

¹⁷⁸ Haussoullier B. La vie municipale en Attique; essai sur l'organisation des dèmes au quartrièm siècle. Paris, 1884. P. 169 sq.

¹⁷⁹ Так же и А. Мюллер: *Müller A. Lehrbuch...* S. 327.

¹⁸⁰ Ср. *Schneider G. C. W. Das attische Theaterwesen...* S. 50, Anm. 53; *Reisch E. Χορηγία*. Sp. 2419.

¹⁸¹ Ср.: *Buck C. D. Inscriptions from Ikaria // AJA. Vol. 4. 1888. P. 421–423.*

¹⁸² *Buck C. D. The Choregia...* P. 28 f.; *Reisch E. Χορηγία*. Sp. 2410.

¹⁸³ *Ghiron-Bistagne P. Die Krise des Theaters...* S. 1339.

¹⁸⁴ Однако для наших целей нельзя привлекать свидетельство Алкифрона, что пытаются сделать некоторые исследователи. У Алкифрона (*Alkiphr.*, II, 3 В.) уравниваются произведения, родившиеся на ежегодном «празднике кружек» (Χόες) и на

Ленеях в театре (τῶν κατ' ἔτος Χοῶν καὶ τῶν ἐν τοῖς θεάτροις Ληναίων). Однако известно, что во второй день Анфестерий совершались своеобразные комосы: веселые компании ряженных ходили по городу, заходя к знакомым и устраивая пирушки и даже состязания. Потому, вероятно, слова Алкифрона следует отнести к обычаям второго дня Анфестерий и расценить их как высокую оценку народного творчества.

¹⁸⁵ Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. 2. С. 279.

¹⁸⁶ Bieber M. The History... P. 90.

¹⁸⁷ Schneider G. C. W. Das attische Theaterwesen... S. 6. Ср.: Mommsen A. Heortologie. S. 368; Gärtringen H. v. Anthesteria. Sp. 2375; Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. 2. С. 279.

¹⁸⁸ Geppert C. E. Die altgriechische Bühne. Leipzig, 1843. S. 187.

¹⁸⁹ Wilhelm A. Urkunden... S. 243.

¹⁹⁰ Reisch E. Χορηγία. Sp. 2410.

¹⁹¹ Ср.: Эмихен Г. Греческий и римский театр. С. 45.

¹⁹² Reisch E. Χορηγία. Sp. 2409; 2410.

¹⁹³ Müller A. Lehrbuch... S. 330.

¹⁹⁴ Schneider K. Σκηνηκοὶ ἀγῶνες // RE. Bd. 3 A. Tl. 1. 1927. Sp. 495.

¹⁹⁵ Oehler J. Leiturgie // RE. Bd. 12. Tl. 2. 1925. Sp. 1873.

¹⁹⁶ Ср.: Rosenkranz H. De choregia ... P. 4.

¹⁹⁷ Pickard-Cambridge A. W. The Dramatic Festivals... P. 70; 73.

¹⁹⁸ Pickard-Cambridge A. W. Dithyramb, Tragedy & Comedy. P. 66.

¹⁹⁹ Treu M. Eine Art von Choregie in peisistratischer Zeit // Historia. Bd. 7. 1958. S. 385–391.

²⁰⁰ В связи с определенной сложностью этого места предлагаем эту часть текста в оригинале: τοὺς δὲ γυμναζομένους αὐτόθι καὶ τὴν μουσικὴν ἐπιτηδεύοντας καταλέλυκεν ὁ δῆμος νομίζων τοῦτο οὐ καλῶς εἶναι, γνοὺς ὅτι οὐ δυνατὸς ταῦτά ἐστιν ἐπιτηδεύειν. ἐν ταῖς χορηγίαις αὐτὰ καὶ γυμνασιαρχίαις καὶ τριηραρχίαις γινώσκουσιν ὅτι χορηγοῦσι μὲν οἱ πλούσιοι, χορηγεῖται δὲ ὁ δῆμος, καὶ γυμνασιαρχοῦσιν οἱ πλούσιοι καὶ τριηραρχοῦσιν, ὁ δὲ δῆμος τριηραρχεῖται καὶ γυμνασιαρχεῖται.

²⁰¹ Xenophon Ἀθηναίων πολιτεία / Ed. E. Kalinka. Leipzig; Berlin, 1913. P. 139.

²⁰² Treu M. Eine Art von Choregie... S. 386.

²⁰³ Иные интерпретации этого κατάλυσις предлагают прочие исследователи: К. И. Гельцер предлагает связать это с уменьшением власти ареопага: Gelzer K.I. Die Schrift vom Staate der Athener // Hermes. Einzelschriften. Hf. 3. Berlin, 1937. S. 82. Э. Холь даже с подвержением остракизму Фукидида в 443 г.: Hohl E. Zeit und Zweck der pseuduxenophontischen *Athenaion politeia* // ClPh. Vol. 45. 1950. S. 31. Ф. Бюхелер связывает это время с временем Пелопоннесской войны, вскоре после смерти Перикла: Bücheler F. Οἱ περὶ Δάμωνα // RhM. Bd. 40. 1885. S. 312.

²⁰⁴ Wilamowitz-Möllendorf U.v. Euripudes' Herakles, erklärt. Bd. 1. Berlin, 1889. S. 77; до этого еще: Wilamowitz-Möllendorf U.v. Ein altattischen Epigramm // Her-

mes. Bd. 20. 1885. S. 66; ср.: *Schmid W., Stählin O.* Geschichte der Griechischen Literatur... Bd. 1. S. 546.

²⁰⁵ *Treu M.* Eine Art von Choregie... S. 389.

²⁰⁶ *Ibid.* S. 390.

²⁰⁷ Ср. русский перевод этого места С. И. Радцигом.

²⁰⁸ *Saglio E.* Agonothetes, Athlotheses // DA. Vol. 1. P. 1. 1877. P. 148–150; *Reisch E.* Agonothetes // RE. Bd. 1. 1894. Sp. 870–877.

²⁰⁹ *Хейзинга Й.* Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Пер. с нидерл. В. В. Ошиса, под ред. Г. М. Тавризяна. М., 1992. С. 74 сл.

²¹⁰ Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. 2. С. 229.

²¹¹ Свидетельством существования состязаний между хорегами служит появление слов, обозначающих соперника в исполнении хорегии: ἀντιχορηγός, ἀντιχορηγεῖν (*Dem.*, XXI, 17; [*Andoc.*], IV., 31).

²¹² А. Мюллер, не делая различия между лирической и драматической хорегией, ошибочно полагал, что и драматический хорег получал в качестве награды треножник: *Müller A.* Lehrbuch... S. 336–337. Однако сведений относительно такой награды мы не имеем: *Reisch E.* Griechische Weigeschenke // AAES. Bd. 8. 1890. S. 116 f.

²¹³ *Bethe E.* Prolegomena... S. 335.

²¹⁴ *Эмихен Г.* Греческий и римский театр. С. 48.

²¹⁵ Хотя А. Мюллер сомневался, были ли в попечении хорега лишь 15 хоров, которые выступали во всех четырех пьесах одного драматурга, или же их число было больше и в разных пьесах состав хора был неодинаков: *Müller A.* Lehrbuch... S. 333.

²¹⁶ *Köhler U.* Dokumente... S. 230; *Bergk Th.* Verzeichniss der Siege dramatischer Dichter in Athen // RhM. Bd. 43. 1888. S. 292–333; *Müller A.* Lehrbuch... S. 331–332.

²¹⁷ *Brinck A.* Inscriptiones graecae... P. 73–182.

²¹⁸ *Buck C. D.* The Choregia... P. 22 f.

²¹⁹ Лишь с 307 г. их стало двенадцать: *Dittenberger W.* Attische Archonten zwischen Ol. 122 und 130 // Hermes. Bd. 2. 1867. S. 288

²²⁰ По мнению В. В. Латышева, трагиков было два, однако на чем базируется это предположение — не ясно: *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей. Ч. 2. С. 297.

²²¹ *Варнеке Б. В.* История античного театра. С. 19.

²²² *Никитин П. В.* К истории... С. 12.

²²³ *Leo F.* Ein Sieg des Magnes // RhM. Bd. 33. 1878. S. 142 f.

²²⁴ *Bergk Th.* Verzeichniss der Siege... S. 303.

²²⁵ *Köhler U.* Dokumente... S. 107.

²²⁶ *Никитин П. В.* К истории... С. 18.

²²⁷ *Buck C. D.* The Choregia... P. 26.

²²⁸ *Wilhelm A.* Urkunden...

²²⁹ *Варнеке Б. В.* Актеры Древней Греции. Одесса, 1919. С. 14.

²³⁰ *Schrader H.* De sortitione actorum scaenicorum apud Athenienses // *Liber miscelaneus a societate philologica Boneensi*, 1864. P. 6.

²³¹ *Никитин П. В.* К истории... С. 23.

²³² *Ghiron-Bistagne P.* Die Kriese des Theaters... S. 1339.

²³³ *Эмихен Г.* Греческий и римский театр. С. 47.

²³⁴ *Никитин П. В.* К истории... С. 8.

²³⁵ *Суриков И. Е.* Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения: учебное пособие. М., 2007.

²³⁶ *Суриков И. Е.* 1) Перикл и Алкмеониды // ВДИ. 1997. № 4. С. 23; 2) Ксантипп, отец Перикла: Штрихи к политической биографии // ПИФК. 2000. Вып. 8. С. 106.

²³⁷ И. Е. Суриков в своих работах доказывает, что Эсхил и Ксантипп унаследовали от предков давние связи и, будучи к тому же почти ровесниками, могли состоять в личной дружбе: *Суриков И. Е.* 1) Перикл и Алкмеониды. С. 23; 2) Ксантипп, отец Перикла...

²³⁸ *Суриков И. Е.* 1) Афинский ареопаг в первой половине V в. до н. э. // ВДИ. 1995. № 1. С. 37–40; 2) Ксантипп, отец Перикла...; 3) Трагедия Эсхила «Просительницы» и политическая борьба в Афинах // ВДИ. 2002. № 1.

²³⁹ *Иванов В.* Дионис и прадионисийство. С. 222 сл.

²⁴⁰ Речь идет не только о комедии (о чем не приходится дискутировать), но и о трагедии: *Суриков И. Е.* 1) Афинский ареопаг... С. 37; 2) Аттическая трагедия и политическая борьба в Афинах // *Античный вестник: Сборник научных трудов.* Вып. 4–5. Омск, 1999. С. 188–189; 3) Трагедия Эсхила «Просительницы»... (с литературой по вопросу). Этот факт позволил И. Е. Сурикову одну из особенностей греческого театра охарактеризовать как «актуальность исторического сознания драмы»: *Суриков И. Е.* Кли на подмостках: классическая греческая драма и историческое сознание // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. М., 2005.

²⁴¹ См.: *Dittenberger W.* Attische Archonten... S. 290; *Köhler U.* Dokumente... S. 234.

²⁴² *Cartledge P.* The Greek Religions Festivals // *Greek Religion and Society* / Ed. by P. E. Easterling, J. V. Muir. Cambridge, 1987. P. 125.

²⁴³ По вопросу обязанностей хорега подробнее см.: *Schneider G. C. W.* Das attische Theaterwesen... S. 13.

²⁴⁴ См. комментарии С. И. Соболевского к XXI речи Лисия в издании: *Лисий. Речи* / Пер. С. И. Соболевского. 2-е изд. М., 1994. С. 339. Ср.: *Müller A.* Lehrbuch... S. 334.

²⁴⁵ *Reisch E.* Χορηγεῖον // RE. Bd. 3. Tl. 2. 1899. Sp. 2409.

²⁴⁶ Хотя Г. Стефани (сост. греческого словаря) и его последователи не обнаружили разницы в этих двух понятиях: *TLG.* Vol. 8. 1865. С. 1590. S. v. χορήγιον.

²⁴⁷ *TLL*. Vol. 3. 1912. С. 1016. S. v. choragium.

²⁴⁸ *Wolf F. A.* Prolegomena // Demosthenis oratio adversus Leptinem / Ed. A. Aris-tidis et F. A. Wolfus. Halis saxonum, 1789. P. CXIX; *Böckh A.* Die Staatshaushaltung... Bd. 1. S. 543–544.

²⁴⁹ Есть предположения, что примерно с середины V в. актеры получали плату из государственной казны: *Bieber M.* The History... P. 151; *Каллистов Д. П.* Античный театр. С. 80.

²⁵⁰ *Rees K.* The So-Called Rule of Tree Actors. Chicago, 1908; *Listman G. J. K.* Die Technik des Dreigesprächs in der griechischen Tragödie. Darmstadt, 1910; *Fensterbusch C.* Bericht Über die Literatur zur Geschichte des Theaters der Griechen und Römer aus der Jahren 1896–1926, II // JFA. Jhg. 62. 1936. Bd. 253. S. 36 f.; *Падлов С. Э.* О технике греческого актера // Сборник историко-театральной секции. Т. 1. Пг., 1918.

²⁵¹ *Haigh A.* The Attic Theatre. P. 234 f.; *Rees K.* The Meaning of Parachoregema // ClPh. Vol. 2. 1907. P. 387 f.; *Flickinger G.* The Greek Theater... P. 174 f.; 182, 186.

²⁵² *Bates W. N.* Euripides, A Student of Human Nature. London; Oxford, 1930. S. 42 f.

²⁵³ *Reisch E.* Χορεύια. Sp. 2418 f.

²⁵⁴ Размеры базиса такие: длина — 1,12 м, ширина — 0,58 м, высота — 0,16 м.

²⁵⁵ *Reisch E.* 1) De musicis graecorum certaminibus... P. 87; 2) Griechische Weigeschenke. S. 113 f.; *Benndorf O.* Dreifußbasis in Athen // JEA. Bd. 2. 1899. S. 265 f.; *Judeich W.* Topographie von Athen. S. 274.

²⁵⁶ *Riemann H.* Tripodes. Sp. 877.

²⁵⁷ *Rusopulos A.S.* Η ΕΝ ΤΟΙ ΔΙΟΝΥΣΕΙΑΚΩΙ ΘΕΑΤΡΩΙ ΑΝΑΕΚΑΦΗ // EA. Vol. 2. 1862. P. 137 e; *Reisch E.* Griechische Weigeschenke. S. 120, Anm. 2; 142.

²⁵⁸ *Rusopulos A.S.* Η ΕΝ ΤΟΙ ΔΙΟΝΥΣΕΙΑΚΩΙ ΘΕΑΤΡΩΙ ΑΝΑΕΚΑΦΗ. P. 173 d; *Reisch E.* Griechische Weigeschenke. S. 120, Anm. 2; *Riemann H.* Tripodes. Sp. 880.

²⁵⁹ *Reisch E.* Χορεύια. Sp. 2412.

²⁶⁰ *Schenkl H.* De metoecis atticis // WS. Bd. 2. 1880. S. 190; *Davies J. K.* Demosthenes on Liturgies... P. 34.

²⁶¹ *Böckh A.* Staatshaushaltung... Bd. 1. S. 496.

²⁶² *Reisch E.* Χορεύια. Sp. 2409–2410.

²⁶³ К. Дж. Майдмент предполагает, что сведения подобного рода схолиаст мог брать из известных, но не дошедших трудов Аристотеля Διδασκαλία и Νικαι Διονυσιακά: *Maidment K. J.* The Later Comic Chorus. P. 1, n. 3.

²⁶⁴ *Maidment K. J.* The Later Comic Chorus. P. 1.

²⁶⁵ Об идентификации этих имен см.: *Никитин П. В.* К истории... С. 26.

²⁶⁶ *Köhler U.* Attische Inschriften // Hermes. Bd. 2. 1867. S. 23.

²⁶⁷ *Доватур А. И.* Прим. к «Политике» Аристотеля // Аристотель. Сочинения в 4-х тт. Т. 4. М.; Л., 1989. С. 768 (установление синхорегии относится к кон-

цу Пелопоннесской войны); *Никитин П. В.* К истории... С. 25; *Reisch E.* Χορεύια. Sp. 2415 f.

²⁶⁸ *Бикерман Э.* Хронология древнего мира / Пер. И. М. Стеблина-Каменского. М., 1975. С. 204–205.

²⁶⁹ *Reisch E.* Χορεύια. Sp. 2416.

²⁷⁰ *Maidment K. J.* The Later Comic Chorus. P. 1–24.

²⁷¹ *Ibid.* P. 2.

²⁷² *Reisch E.* Χορεύια. Sp. 2415.

²⁷³ См. также другие доводы этого исследователя, опирающиеся на аналогичное утверждение: *Maidment K. J.* The Later Comic Chorus. P. 2 f.

²⁷⁴ *Böckh A.* Staatshaushaltung... Bd. 2. S. 2110.

²⁷⁵ *Köhler U.* Attische Inschriften. S. 23. Ср.: *Ghiron-Bistagne P.* Die Kriese des Theaters... S. 1339, Anm. 25.

²⁷⁶ *Köhler U.* Attische Choregeninschrift // AM. Bd. 7. 1882. S. 348.

²⁷⁷ *Capps E.* The Chorus in the Later Greek Drama with Reference to the Stage Question // AJA. Vol. 10. 1895. P. 318–319. Ср.: *Haigh A.* The Attic Theatre... P. 54, n. 3.

²⁷⁸ Первую строку надписи, которая звучит следующим образом: ἡδὺγέλωτι χορῶ Διονύσια σ.μ ποτε ἐν..., — У. Кёлер предлагает дополнить σὺμ ποτε ἐνίκων: *Köhler U.* Attische Choregeninschrift... S. 348.

²⁷⁹ *Maidment K. J.* The Later Comic Chorus. P. 3–4.

²⁸⁰ *Wilamowitz-Möllendorff U. v.* Lesefrüchte // Hermes. Bd. 65. 1930. S. 242.

²⁸¹ К тому же есть веские основания датировать эту надпись на основе палеографических доводов приблизительно 350 г.: *Maidment K. J.* The Later Comic Chorus. P. 3, n. 9.

²⁸² В этом предложении, которое скорее всего не было принято, уже А. Шеффер увидел свидетельство того, что существовала нехватка в податных лицах: *Schaefer A.* Demosthenes und seine Zeit. 2. Aufl. Bd. 2. Leipzig, 1885. S. 103 f.; Ср.: *Reisch E.* Χορεύια. Sp. 2412.

²⁸³ См.: Демосфен. Речи / Под ред. Е. С. Голубцовой, Л. П. Маринович, Э. Д. Фролова. Т. 1. М., 1994. С. 519.

²⁸⁴ *Buck C. D.* Inscriptions from Ikaria // AJA. Vol. 4. 1888. P. 421–422.

²⁸⁵ *Ziehen L.* Panathenaia // RE. Bd. 18. Tl. 3. 1949. Sp. 483.

²⁸⁶ *Cahen E.* Panathenaia. P. 303–310.

²⁸⁷ *Michaelis A.* Bemerkungen zur Perigese der Akropolis von Athen // AM. Bd. 1. 1876. S. 295.

²⁸⁸ *Reisch E.* De musicis graecorum certaminibus... P. 23, n. 4.

²⁸⁹ *Никитин П.В.* К истории... С. 19. Ср.: *Reisch E.* Χορεύια. Sp. 2411.

²⁹⁰ *Ziehen L.* Panathenaia. Sp. 483.

²⁹¹ *Davies J. K.* Demosthenes on Liturgies... P. 37.

²⁹² *Hoorn G. v.* L'idole de Dionysos Limnaios // RA. Vol. 25. 1927. P. 107.

- ²⁹³ Böckh A. Die Staatshaushaltung... Bd. 1. S. 539–540.
- ²⁹⁴ Brill I. Quaestiones scaenicae ad choregiam pertinentes. Lugduni Batav., 1867. P. 4.
- ²⁹⁵ Brinck A. Inscriptiones graecae... P. 74 sq.
- ²⁹⁶ Ibid. P. 74.
- ²⁹⁷ Reisch E. Χορεύια. Sp. 2411; Kahrstedt U. Studien zum öffentlichen Recht Athens. Tl. 2: Untersuchungen zur Magistratur in Athen. Stuttgart, 1936. S. 197.
- ²⁹⁸ Köhler U. Dokumente... S. 240.
- ²⁹⁹ Ранние исследователи предполагали, что агонифесия — хорегия народа была введена как временное мероприятие в связи с нехваткой хорегов: Keil K. Epigraphische Beiträge // MGR. T. 2. 1866. P. 76;
- ³⁰⁰ Köhler U. Dokumente... S. 239; Эмихен Г. Греческий и римский театр. С. 53.
- ³⁰¹ Müller A. Lehrbuch... S. 340.
- ³⁰² Schneider G. C. W. Das attische Theaterwesen... S. 122, Anm. 148.
- ³⁰³ Никитин П. В. К истории... С. 6. Ср.: Pickard-Cambridge A. W. The Dramatic Festivals... P. 91–92; Ghiron-Bistagne P. Die Krise des Theaters... S. 1344.
- ³⁰⁴ Варнеке Б. В. История античного театра. С. 18.
- ³⁰⁵ Arnold B. Choregie // ДКА. Bd. 1. S. 394; Reisch E. Χορεύια. Sp. 2412.
- ³⁰⁶ Ghiron-Bistagne P. Die Krise des Theaters... S. 1344.
- ³⁰⁷ Béquignon M. Y. Chronique des fouilles et découvertes archéologiques dans l'Orient hellénique // BCH. Vol. 55. 1931. P. 459; Karo G. Archäologische Funde vom Sommer 1931 bis Mai 1932 // AA. Bd. 47. 1932. S. 123 f.
- ³⁰⁸ Kirchner J. Prosopographia attica. Vol. 2. Berlin, 1903. P. 23 f.; Davies J. K. Athenian Propertied Families... P. 414 f.
- ³⁰⁹ Köhler U. Dokumente... S. 236 f.; Pottier E. Fragments de monuments choragiques à l'est du théâtre de Bacchus // BCH. Vol. 3. 1879. P. 221 sq.; Reisch E. Griechische Weigeschenke... S. 118 f.; Brinck A. De choregia quaestiones... P. 23 sq.; Wilhelm A. Urkunden... S. 209 f.; Preuner E. Aus alten Papieren, II // AM. Bd. 49. 1924. S. 112 f.
- ³¹⁰ Reisch E. Griechische Weigeschenke. S. 149; Mommsen A. Feste... S. 100, Anm. 1; Brinck A. De choregia quaestiones... P. 6; Walter O. Beschreibung der Relief im klassischen Akropolismuseum in Athen. Wien, 1923. Nr. 402, 402 a.
- ³¹¹ Preuner E. Aus alten Papieren... S. 111 f.
- ³¹² Reisch E. Griechische Weigeschenke. S. 118 f.
- ³¹³ Riemann H. Tripodes. Sp. 873.
- ³¹⁴ Meritt B. D. Greek Inscriptions // Hesperia. Vol. 7. 1938. P. 116–117.
- ³¹⁵ Из дидаскалической надписи IG, II², 2323 узнаем, что в первой половине II в. комический агон выпадал из состязаний — эта надпись содержит частое упоминание о том, что агон по какой-то причине не состоялся (ἐπὶ τοῦ δαιμόνος οὐκ ἐγένετο).
- ³¹⁶ Ср.: Müller A. Lehrbuch... S. 341.

³¹⁷ Никитин П. В. К истории... С. 4.

³¹⁸ Там же.

³¹⁹ А. Моммзен и вовсе ставит между ними знак равенства: *Mommsen A. Heortologie*. S. 125.

³²⁰ *Wilamowitz-Möllendorf U.v.* Aristoteles und Athen. Bd. 1. Berlin, 1893. S. 239.

³²¹ *Riesch E.* Ἀθλοθέτης // RE. Bd. 2. 1896. Sp. 2064.

³²² Ср.: *Reisch E.* Ibid.

³²³ *Reisch E.* Agonothetes. Sp. 871.

МАЛЫЕ ОРДИНАРНЫЕ ЛИТУРГИИ

2.1. Гимнасиархия

2.1.1. Предварительные замечания

Наиболее крупная из прочих ординарных литургий — гимнасиархия (γυμνασιαρχία), исполнитель которой назывался, соответственно, гимнасиарх (распространенное написание — γυμνασιάρχος, встречается также и форма γυμνασιάρχης — в ряде надписей, также у Эсхина (*Aeschin.*, I, 12)). Этимология этого слова достаточно прозрачна: γυμνασία, γυμνάζω (упражнения, упражняться) и ἀρχή, ἀρχεύω (начальствование, начальствовать). Следовательно, в соответствии с этимологией, гимнасиарх должен являться неким руководителем какими-то гимнастическими упражнениями. Так вот центральным вопросом в проблеме института гимнасиархии является именно этот: определение сферы деятельности гимнасиарха, сущности этой должности. Постараемся в настоящей главе ответить на этот вопрос, осветив основные источники и исследования в ходе анализа.

Наиболее богатый источниковый материал представляют, конечно, различного рода надписи, оставленные либо самими гимнасиархами, либо декреты-постановления о наградах этим лицам, либо косвенные упоминания о них или их деятельности.

У нас в распоряжении имеется большое количество так называемых «гимнасиархических» надписей, указывающих на гимнасиархию более чем в 200 местах¹. Более ранние из них датируются V в. Надписи сохранили несколько сотен имен гимнасиархов, часть из которых можно идентифицировать с известными нам лицами; надписи называют также ряд женских имен.

Огромное количество надписей дает и самые разнообразные сведения относительно личности гимнасиарха. Гимнасиарх оказывается связан то с организацией спортивных состязаний и поставкой всего необходимого (прежде всего масла), то с гимнасием и обязанностью по

попечению над этим учреждением. И потому центральным вопросом проблемы института гимнасиархии является следующий: «Должностью или литургией была гимнасиархия?» Именно на этот вопрос и постараемся, прежде всего, ответить в ходе дальнейшего анализа, осветите направления, которые сложились в представлении об этом институте. Некоторая трудность в решении этого вопроса заключается еще и в том, что, несмотря на обилие надписей относительно интересующей нас темы, в нашем распоряжении мало таковых для V–IV вв., а основная масса приходится на время, начиная с III в.

В надписях гимнасиархия обозначается то как литургия (*λειτουργία*), то как должность (*ἀρχή*). Так, в одной надписи II в. (*Le Bas*, II, 243 a — Гитий) говорится, что некоему человеку в его деятельности не препятствовал «ни архонт никакой, ни гимнасиарх (*μητε ἄρχοντος μηδενός μητε γυμνασιάρχου κωλύοντος*)». Таким образом, здесь содержится противопоставление между неким должностным лицом (*ἄρχων*) и гимнасиархом. Другая такая надпись (*BCH*, XXVIII, 37, 21 — Панамара) сообщает, что некий гражданин был гимнасиархом, будучи свободным от литургий и податей (*ἀλειτουργησία καὶ ἀτελεία τεταμηνένος*). Одна надпись из Приены также содержит выражение, указывающее на связь гимнасиархии с определенными издержками: «приставленный к расходам гимнасиархии» (*I. Priene*, 114).

Другой разряд надписей III–I вв. определяет гимнасиархию как *ἀρχή* и содержит выражения вроде «на первой должности отличился в гимнасии» (*ἐπὶ τῆς πρώτης ἀρχῆς ἀρίστισε ἐν τῷ γυμνασίῳ*) (*IG*, VII, 2712 — Акрефия), из чего следует понимать, что первой должностью была гимнасиархия. Или такое выражение: «Принял на себя исполнение (*ἀρχὰς*) трех гимнасиархий» (*IGR*, III, 739 — II в.).

Огромное число надписей связывает гимнасиарха с воспитанием эфебов, юношей (*νεοί*)². Эфебами юноши становились по достижении ими 18 лет, то есть когда они достигали гражданского и правового совершеннолетия³ и были задействованы во многих религиозных церемониях⁴.

Такие сведения предоставляют нам источники. На основании их исследователи сформировали разнящиеся представления относительно сущности гимнасиархии. Выделяются четыре основных взгляда на эту проблему.

Первую точку зрения высказали представители более ранней школы — А. Дюмон и Л. Грасбергер, утверждая, что, исходя из этимологии слова, гимнасиарх был руководителем гимнасиев и палестр и осуществлял некую практически-педагогическую деятельность. Начиная со II

в. встречается упоминание гимнасиарха наряду с агонифетом, а также сведения об участии его в состязаниях, о вручении им наград (IG, II², 1009, 6). Из чего делается заключение, что гимнасиархия трансформировалась из обязанности, должности в литургию⁵.

Аналогичного мнения придерживался и французский исследователь В. Шапо, который определял изначальную деятельность гимнасиарха как надзор за воспитанием, потом же он «опустился» до поставщика масла, необходимого для тренировок⁶.

К этому направлению принадлежит и более поздний исследователь И. Элер⁷, который отстаивал такую точку зрения: гимнасиарх являлся выборным должностным лицом государства, на которое возлагалось попечение о гимнасии, об устраиваемых спортивных праздниках, который должен был поставлять необходимое для проведения тренировок и состязаний, на что брал деньги из государственной казны или из каких-то денег учреждения. Однако при плохом финансовом положении государства зачастую оказывалось так, что гимнасиарх был вынужден производить закупки на собственные средства. Так гимнасиарх, по предположению И. Элера, превратился из государственного служащего в добровольного носителя повинностей; гимнасиархия стала означать бесплатность должности гимнасиарха. Таковое мнение этот исследователь высказал о гимнасиархии вне Аттики, строго отделяя ее от гимнасиархии в Афинах.

Автор статьи о гимнасиархии в Оксфордском классическом словаре Дж. Г. Милн однозначно определил гимнасиарха как «управляющего гимнасиями в эллинистическом Египте», что, однако, осуществлялось по греческому образцу⁸. Той же точки зрения придерживался и Ж. Делорм⁹.

Другая точка зрения, выразителями которой явились Ю. Менадиер, В. Либенам, К. Шнейдер, предполагает, что в более ранние времена гимнасиархия была литургией, а позднее стала должностью¹⁰. А английский исследователь Э. Хикс категорически утверждал, что гимнасиархи всегда имели больше финансовые, нежели дисциплинарные задачи¹¹.

Исследователи третьего направления попытались совместить эти два вида деятельности гимнасиарха. Так, Ф. Поланд видел в гимнасиархе государственного служащего и руководителя гимнасия, деятельность которого, однако, в большинстве случаев сводилась лишь к поставке денег¹². По этому поводу следует отметить верное, в сущности, замечание И. Леви о том, что античная литургия содержала в себе два элемента: некоторую деятельность по руководству, управлению и денежные затраты. В связи с этим и гимнасиархия рассматривается как должность,

сопряженная с денежными пожертвованиями¹³. В. Диттенбергер заметил, что γυμνασιαρχεῖν значит приблизительно то же, что ἐλαιοθετεῖν и ἀλείφειν, ἀλείμματα παρέχειν (натирать (маслом))¹⁴.

Есть еще один взгляд на эту проблему. Так, Г. Гильберт полагал, что следует различать гимнасиархию-литургию и гимнасиархию-должность¹⁵. Также и Г. Глотц в своей статье относительно гимнасиархии сделал обзор всему материалу и попытался установить типы гимнасиархии; но ему не удалось четко обозначить эти типы, и более менее ясный вывод таков: в последние три века до н. э. гимнасиархия имела целью руководство молодежью в Греции, на Кикладах и в Сицилии, а с конца II в. и едва ли не исключительно в городах Малой Азии сограждан принуждали исполнять обязанности гимнасиарха на добровольных условиях и на собственные средства¹⁶. Э. Гардинер принял это мнение без спора¹⁷.

Таковы основные взгляды исследователей на сущность гимнасиархии вообще. Не будем здесь давать окончательного ответа на этот вопрос, а обратимся к афинскому материалу и, прежде всего, внимательно рассмотрим сведения, касающиеся интересующего нас периода — V–IV вв.

Что касается Афин, то здесь данные более ясные и, кажется, не должны вызывать недоумений и споров. Афинских гимнасиархических надписей не так много. Наиболее ранняя надпись датируется 421 г. (IG, I², 84), имеется несколько надписей IV в., а большинство — III в. Таким образом, материал небогат, но дополняется большим количеством литературных известий.

Для Афин V–IV вв. литературные источники обозначают гимнасиархию как ординарную литургию (*Andoc.*, I, 132; *Is.*, VI, 60; *Isocr.*, XVI, 35; *Dem.*, XX, 21; *Poll.*, III, 67), а в издании И. Беккера под словом «гимнасиархи» стоит более конкретное пояснение: «руководители лампадедromией» (οἱ ἄρχοντες τῶν λαμπαδοδρομιῶν) (*Bekk. anecd.*, 228).

2.1.2. Лампадархия

Названная лампадедromия — это бег с факелами (λαμπάς — факел, δρόμος — бег). Более распространенная форма написания — λαμπαδηδρομία (*Herod.*, VI, 105; *Plat. ger.*, 328 a). Встречаются и другие многочисленные названия: ἱερὰ λαμπάς (*Plut. Sol.*, 1), λαμπαδοδρομία (*Bekker anecd.*, 228), λαμπαδηφορία (*Herod.*, VIII, 98), λαμπάδος ἄγων (*Hesych. s. v.*; *Schol. Aristoph. Ran.*, 1087), λαμπάδων ἄγων (*Eust.*, 237,

70 Tafel), ἀγών ἐπὶ λαμπάδι (*Poll.*, VIII, 90), θεωρία λαμπάδος (*Aen. Tact. priorc.*, 17, 1), ἑορτὴ λαμπάδος (*Harp. s. v. λαμπάς*), λαμπαδιστῆς ἀγών (*Schol. Aristoph. Ran.*, 131), λαμπαδοῦχος ἀγών (*Schol. Aristoph. Ran.*, 131), λαμπαδοῦχος δρόμος (*Lyc. Alex.*, 734), λαμπαδοδρομικὸς ἀγών (*Schol. Pind. Olymp.*, 13. 56), λαμπαδικὸς ἀγών или δρόμος (*Tz. ad Lyc.*, 734), λαμπαδουχία (*Lyc. Alex.*, 1197), λαμπάδιον (*Suid. s. v.; Phot. s. v.*), часто просто λαμπάς, особенно в надписях (*IG, II²*, 1028, 13).

Описание этого факельного состязания (λαμπάς) дает Павсаний: «В Академии есть жертвенник Прометею и отсюда начинается бег до города с зажженными факелами. Состязание заключается в том, чтобы во время бега сохранить факел горящим; если у прибежавшего первым факел потухнет, то он уже теряет право на победу, которая вместо него переходит ко второму. Если же факел не уцелеет горящим и у этого, то победителем считается третий; если же у всех потухнут факелы, то никто не считается победителем» (*Paus.*, I, 30, 2; пер. С. П. Кондратьева). Отметим, что у Павсания названы лишь три участника.

Имеется другое сообщение, Геродота, о некотором виде факельного состязания эллинов, с которым он сравнивает персидскую курьерную почту. Этот вид состязания, как становится ясно из его слов, состоит в том, что несколько бегунов помещаются на определенном расстоянии друг от друга, и факел, который зажжен первым из них, передают последующим (*Herod.*, VIII, 98).

Собственно, мы располагаем лишь этими свидетельствами, которые позволили бы нам установить сущность лампадедромии. И по этому вопросу сложились две различные точки зрения. Так, ряд исследователей вслед за И. Краузе полагают, что в этих сообщениях речь идет о двух различных видах лампадедромии, которые, по их предположению, существовали в разное время. Более ранним из этих обычаев был тот, что описан у Геродота¹⁸. Этого же мнения придерживался Г. А. Мюллер, приводя в качестве доказательства тот факт, что на известных нам изображениях никогда не представлено более трех участников¹⁹.

Однако еще Н. Веклейн высказал убеждение, что речь идет об одном виде факельного состязания, проведение которого осуществлялось следующим образом: состязание проводилось между цепочками бегунов, внутри которых происходила передача зажженного факела. А когда у Павсания идет речь об «единоличных» бегунах, то следует полагать, что автор говорит о тех членах цепочек, которые завершали эстафету²⁰. Мнение этого исследователя было поддержано последующими учеными, и, как кажется, предположение для Греции лишь одного вида факельного агона больше не оспаривалось. Вероятно, эстафета подразу-

мевалась Павсанием как само собой разумеющееся, главным же для автора было подчеркнуть необходимость донесения до цели горящего факела. О сменяющих друг друга, бегущих «по очереди» (κατὰ διαδοχῆν) факелоносцах в греческих состязаниях говорят также греческие авторы более позднего времени и римские источники (*Plat. rep.*, I, 327a–328 a; *leg.*, 776; *Schol. Dem.*, LVII, 43 — *BCH*, I, 11; *Bekker anecd.*, 228; *Schol. Per.*, VI, 61 (называет троих участников); *Clem. Al.*, 503; *Ph.*, 2, 176; *Varro de re rustica*, III; *Lucret.*, II, 77; *Statius Silv.*, 4. 8. 50).

Так, при факельном забеге каждая команда образовывала свой ряд от старта к финишу, бегуны находились на определенном расстоянии друг от друга. Забег начинался стартом первых членов этой цепочки (ὁ πρῶτος λαμπαδίζωντες — *Schol. Aristoph. Ran.*, 131). Когда бегущий агонист достигал того места, где находился следующий участник эстафеты, происходили передача факела и смена бегуна — διαδοχή. Таким образом, во время этого забега на смену уставшему бегуну приходил товарищ со свежими силами (*Auct. ad Herenn.*, IV, 46: «уставший бегун свежнему факел... передает»), и можно было рассчитывать, что огонь будет доставлен с максимальной скоростью (*Aristoph. Vesp.*, 1203).

Как доказывают надписи, такие забеги проводились среди всех возрастных категорий: мальчики, юноши, мужчины, — но особая обязанность ложилась все же на плечи упражнявшихся в гимназиях эфебов. Сохранилось много изображений этих состязаний: зрелищный факельный агон был одним из любимых сюжетов греческих вазописцев²¹ (одно изображение, представленное в словаре Ш. Даремберга и Э. Салло и отражающее, по мнению автора соответствующей статьи, факельные состязания²², по мнению И. Ютнера, не имеет отношения к спорту, а изображает сцену похорон²³).

В нашем распоряжении имеются надписи, в которых появляются 13–14 победителей факельного агона²⁴, — οἱ νεικήσαντες τὴν λαμπάδα (*IG*, II², 3004). Таким образом, победителем оказывается не какой-либо отдельный участник агона, а вся команда и каждый ее член, стартовал ли он или финишировал (*Aesch. Ag.*, 326: «Победил первый и последний в беге»).

Кроме того, как свидетельствуют надписи, все бегуны одной цепочки принадлежали одной филе²⁵, и лампадедромия являлась, таким образом, состязанием фил. Вместе с победой цепочки побеждала фила. Потому тот, кто первым зажег алтарь, мог считаться победителем лишь относительно, как это мы видим в схолиях к Демосфену: «Первым поджегший <алтарь> победил и его фила». Надписи подтверждают именно такой порядок, называя победительницей лампадедромии филу, на-

пример, IG, I², 219 (338 г.), а также надпись примерно того же времени: «Акамантида победила в факельных состязаниях (λαμπάδι) на Великих Панафинейх при архонте Архии» (IG, II², 3019)²⁶. А мог указываться и гимнасиарх, заботившийся о тренировках спортсменов (IG, II², 2024. 3005)²⁷.

Награды за победу (которые обозначаются то как τὰ νικητήρια, то как ἄθλα)²⁸ называются разные: бык, щит. Дж. Ситлингтон-Стерретт считал, что призом могло быть небольшое денежное вознаграждение²⁹. Стоимость быка А. Бёк определил в 100 драхм³⁰. О вручении в качестве награды гидрии узнаем из одной надписи (*Rangabé*, 960 b). Слово «гидрия» употреблено в единственном числе — ὑδρία, из чего следует предполагать награду в виде единственной гидрии, предназначенной для всей команды филы³¹. Как известно, треножники, вручаемые победившим хорам (один треножник для всего хора), которые назывались тоже ἄθλα, непременно посвящались богу с памятной надписью на них. Как кажется, такое же положение вещей должно было существовать и в случае факельных состязаний³².

Гимнасиарх увековечивал победу своей филы и свое известное содействие этому через посвящение (IG, II², 2980. 2997. 2998. 3006. 3164). Одна надпись особо отмечает командную победу: «Победив в факельном агоне вместе с эфебами, это посвятил...» (IG, II², 3005)³³. Победители делали посвящения Гермесу или Гераклу как охранителям гимнасиев (IG, II², 3164)³⁴. Обычно это сам победивший факел, и даже еще горящий, если посвящен непосредственно после забега (AP, VI, 100).

Факельные состязания засвидетельствованы для Афин, прежде всего, на трех праздниках: на Панафинейх, Гефестиях (Ἡφαιστία) и Прометиях (Προμήθια, Προμήθεια)³⁵. Так сообщает Полемон в своем описании изображений на Пропилеях (*Harp.* s. v. λαμπάς), называя три факельных праздника на Панафинейх, Гефестиях и Прометиях (последний праздник в Керамике, по преданию эллинов, основал сам Прометей: *Hygin. astr.*, II, 15). Другие авторы также упоминают лампадархии на этих трех праздниках (*Andoc.*, I, 132; *Is.*, I, 36; *Phot.* s. v. λαμπάδος; *Suid.* s. v. λαμπάδος; *Bekker anecd.*, 277; *Schol. Aristoph. Ran.*, 131. 1087) и дают представление о больших издержках, которые несли гимнасиархи.

Что касается Панафиней, то спортивные состязания проводились там с очень давних времен. Так, до нас дошло сообщение (*Apollod.*, III, 15, 7; *Diod. Sic.*, IV, 60), согласно которому Андрогей, сын Миноса пришел в Афины и победил там в состязании всех атлетов; то есть в это время существовали уже какие-то атлетические состязания. Об атлетических агонах на Панафинейх сообщает и Евсевий (*Eus. chron.*, 1452),

слова которого относятся к третьему году 53-й Олимпиады³⁶. О древности панафинейских состязаний свидетельствуют и панафинейские амфоры — те, что давались в качестве награды на Панафинейях. На лицевой стороне этих сосудов обычно между двумя колоннами, на которых стоят петухи, изображалась Афина. Вдоль колонн располагались надписи: «награда из Афин» и имя архонта, при котором происходили игры. На обратной стороне амфоры был представлен тот вид соревнований, за победу в котором присужден приз³⁷.

Вероятно, лампадефория могла проводиться лишь на Великих Панафинейях (или Πεντέτηρίς). Это заключение становится возможным благодаря упоминавшейся надписи (IG, I², 84)³⁸, в которой узаконивается, чтобы лампадефория Гефестий проходила так же, как при Πεντέτηρίς. Хотя автор статьи о Гефесте в Реальной энциклопедии Л. Мальтен высказал сомнение относительно такого предположения³⁹, большинство исследователей принимает это ограничение⁴⁰.

В существовании лампадедромии на этих трех праздниках оснований сомневаться нет. Но, кроме того, нам известны и другие «факельные» праздники. Так Геродот сообщает, что афиняне после битвы при Марафоне «воздвигли святилище Пана у подошвы акрополя и с тех пор ежегодно умилостивляют его жертвами и устраивают бег с факелами» (*Herod.*, VI, 105; пер. Г. А. Стратановского) (так называемый грот Пана находится между акрополем и ареопагом⁴¹). Согласуется с этим и свидетельство Фотия, говорящего, что бег с факелами — это агон, совершаемый афинянами в честь Пана и Прометея (*Phot. s. v. λαμπάς*). Б. Вейске предложил считать этот текст неполным и дополнить его названиями праздников: на Панафинейях, Гефестиях и Прометиях, — и исключить, таким образом, особый праздник Пана⁴². В упомянутом месте в издании И. Беккера под словом «гимнасиархи» находим следующее объяснение: «руководители лампадедромией на празднике Прометея, Гефеста и Пана» (*Bekk. anecsd.*, 228). Схолиаст Демосфена также сообщает о лампадефории как празднике в честь Прометея, Гефеста и Пана (*Schol. Dem.*, LVII, 43 — *BCH*, I, 11)⁴³. Таким образом, лампадефорию в честь Пана исключить невозможно.

Однако нельзя сказать определенно, был ли учрежден после марафонской победы отдельный праздник Пана (за его содействие в этой битве) или он стал почитаться лампадефорией во время указанных трех праздничных дней. Более точными сведениями относительно этого вопроса мы не располагаем. Специального праздника Пана в Аттике не засвидетельствовано⁴⁴, хотя почитание Пана было повсеместным⁴⁵. Нет дополнительных сведений и о том, почитался ли Пан в рамках других праздничных дней.

А. Моммзен (практически единственный из исследователей, попытавшийся связать эту лампадефорию с тремя названными выше праздниками) предложил такую интерпретацию этих сведений, которая базируется на трех положениях: во-первых, тот факт, что лампадедромия на Панафинях происходила в честь Афины, этот исследователь считал безусловным, во-вторых, в комментарии демосфенова схолиаста Патма обычай факельного агона упомянут в связи с другим — γαμψία, который принадлежал празднику Апатурии⁴⁶ и, в-третьих, А. Моммзен считал Гефестии и Прометии праздничными вечерами в рамках Апатурий, заключенными в них праздниками⁴⁷ (П. Штенгель считал, что это предположение А. Моммзена не имеет под собой основания — см. *Andoc.*, I, 132, где Гефестии называются, как кажется этому исследователю, в качестве самостоятельного праздника⁴⁸; прочие исследователи, касающиеся геортологических проблем, также выделяют Прометии и Гефестии в качестве отдельных праздников). Таким образом, по предположению этого исследователя, факельный агон в честь Пана должен был проводиться во время Апатурий⁴⁹. То есть из рассуждений этого исследователя следует сделать вывод о существовании лампадефорий в честь Афины, Прометея, Гефеста и Пана, три последние из которых были приурочены к Апатуриям.

Ряд надписей сообщает нам о лампадефории на Тесиях — празднике в честь перенесения костей Тесея со Скироса (*IG*, II², 956–958. 961. 2998. 2999), праздновавшемся 8 пианопсиона⁵⁰. А. Моммзен поместил это мероприятие в программу Тесий в качестве завершающего этапа проагона⁵¹. Преимущественно сообщается для этого праздника о лампадефории мальчиков или эфебов, о мужчинах, кажется, лишь в одной надписи (*IG*, II², 957). Среди данных относительно этого праздника встречаются весьма любопытные сведения. Так, ряд надписей называет участниками лампадефории жителей Тарента (τῶν Ταραντίων) (*IG*, II², 960. 961), причем в одном месте такая лампадефория выделена особо: τῆ λαμπλάδι τῶν Ταραντίων (*IG*, II², 961). Таким образом, есть основания полагать, что на этом празднике мог быть не традиционный факельный агон между филами, а иного характера.

А одна аттическая надпись называет факельный агон на Гермеях (*IG*, II², 2908)⁵² — под этим названием в различных областях Греции проходили состязания мальчиков, эфебов и юношей в гимнасиях и палестрах⁵³.

Из надписи императорского времени узнаем, что некий человек был гимнасиархом во время факельных состязаний на Анфестериях (*IG*, II², 3013 — гимнасиарх Флавий Прокл).

Для времени с I в. знаем и о восьмой лампадедромии — на Эпитафиях (*Philostor.*, III, 154; *IG*, II², 1031. 2997 etc.). Это праздник — поминовение умерших и погибших. Погибшие воины хоронились в государственных могилах во внешнем Керамике, лишь «павшим при Марафоне... был воздвигнут отдельный курган на самом поле битвы как дань их величайшей доблести» (*Thuc.*, II, 34, 5; пер. Г. А. Стратановского)⁵⁴. Этот праздник часто связывают с Тесиями⁵⁵, хотя этот факт не является точным и вызывает ряд сомнений (*Syll.*, 717, note 10). Но, судя по указанию на зимнее время у Фукидида (*Thuc.*, II, 34, 1), мог проходить 8 пианопсиона, как и Тесии.

В надписях, раскрывающих обычаи этого праздника (*IG*, II², 1006, 22. 1011, 9), указывается на лампадедромию, а также на обычай почитания погибших при Марафоне возложением венков на их могилу. Может быть, в связи с этими фактами стоит предположить, что лампадедромия к святилищу Пана и проходила как раз на этом празднике. Ведь хотя У. ф. Виламовиц-Мёллендорф и относил организацию этого праздника к более позднему времени⁵⁶, однако на основании изображений ликифов⁵⁷, которые представляют спортивные состязания на фоне могильной стелы (что позволяет заключить об изображении Эпитафий)⁵⁸, можно отнести эти празднования к V в., и таким образом, появляется возможность приурочить сообщаемую Геродотом лампадефорию к празднику Эпитафиям. Это лампадедромия эфебов, но называется и мужской агон (*IG*, II², 2998. 2999)⁵⁹.

В римское время эфебы бегали в честь Германика на Германикиях (*IG*, II², 2024)⁶⁰. Знаем также, что на Саламине — родине героя Эанта праздновался праздник Эантии, который отмечался помпой и агонами, среди которых называется и факельный агон (*IG*, II², 1011, 53)⁶¹.

Из «Государства» Платона узнаем также, что появился еще один вид лампадефории в рамках культа фракийской богини Бендиды в Пирее (*Plat.* гер., I, 327 а) на празднике, носившем название Бендидии. Это был факельный агон в ночь с 19 на 20 число месяца таргелиона⁶², при котором состязающиеся передавали друг другу факел, что вполне напоминает описанную лампадефорию. Нововведение состояло в том, что эта эстафета проводилась на конях (*Ibid.*, 328 а). Для этого последнего вида состязания, демонстрирующего иноземное влияние⁶³, появилось специальное выражение ἀφιππολαμπάς (ср. фессалийскую ἀφιππολαμπάς в городе Лариса: *Syll.*, 1059, 2. 19)⁶⁴.

Самые ранние факельные агоны — это те, что засвидетельствованы у Плутарха для времени Писистрата без указания праздника (*Plut.* Sol., 1). Вероятно, на этом основании можно предположить существо-

вание, по крайней мере, лампадефории в это время. Устойчивую же организацию лампадархии как института фил следует относить (как и в случае с лирической хорегией) ко времени после реформы Клисфена 508/7 г.

Так, задачей гимнасиархов согласно источникам (*Is.* I, 36; VI, 60; *Xen. de vect.* 4, 52; *Schol. Dem.*, IV, 36; LVII, 43 — *ВСН*, I, 11; *Нарп.* s. v. *λαμπάς*) было обеспечение факельных состязаний на Великих Панафинейх, Гефестиях, Прометиях и, вероятно, на других праздниках, то есть обучение соответствующего числа участников, снабжение их всем необходимым для занятий и соревнований (в первую очередь маслом), осуществление тренировок и финансирование в это время. Сфера деятельности гимнасиарха ограничивалась лишь попечением над организацией факельных забегов.

В какой-то мере может показаться странным, что вне заботы гимнасиарха оставались прочие гимнастические состязания, но, тем не менее, данные источников утверждают именно это. Такой факт ничуть не смущает И. Элера, который убежден, что всё вполне объясняется тем, что эти тренировки происходили в гимнасии⁶⁵ и вообще состязания имели связь с гимнасией. Но это никак не объясняет такую особенность факельных состязаний, а скорее даже доказывает обратное: прочие виды гимнастических состязаний, подготовка к которым связана с гимнасией, тоже должны были находиться на попечении гимнасиарха.

Однако лампадефория была не просто спортивным состязанием, вроде различных видов атлетических агонов на общегреческих играх, а, как мы увидели, сакральным ритуалом, предназначенным для донесения огня в город, и выделялась тем самым на фоне прочих атлетических состязаний. Факел сам по себе являлся священным предметом: целый ряд сакральных эллинских церемоний сопровождался несением зажженных факелов⁶⁶.

С другой стороны, это было состязание фил, которое имело общепolisное значение, как и состязание дифирамбических хоров, например. Гимнасиарх назначался с той целью, чтобы быть представителем филы при священной лампадефории. Гимнасиарх не только должен был поставить масло для своих спортсменов, но и, вероятно, собрать команду, обеспечить ее тренировки. Лампадедромия была единственным видом спортивных состязаний, которые проводились между филами.

Потому и забота об этой церемонии должна была быть не частным делом, а общественным, сопряженным с некоторыми почестями, с которыми была связана любая литургия, и поручалось это, соответственно, наиболее богатым, а следовательно, почитаемым и влиятельным фамилиям.

2.1.3. Сущность и генезис института гимнасиархии

Как проходил выбор гимнасиархов? Назначения их происходили ежегодно. По данным схолиастов, каждый отдельный гимнасиарх выбирался из своей филы посредством поднятия рук ($\epsilon\chi\epsilon\rho\tau\omicron\nu\epsilon\iota\tau\omicron$). А известная уже надпись 421 г. (*IG, I², 84*) содержит такое выражение: «гимнасиархи, выбранные ($\eta\rho\eta\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\iota$) на Прометии». О назначении гимнасиарха из филы говорят и Исей (*Is., I, 36*), и Демосфен (*Dem., XXXIX, 7*). Упоминаются филы и в надписях. Так, одна надпись IV в. (*IG, II², 1250*) содержит решение лампадефоров филы Эантиды относительно их гимнасиарха; другая надпись 346/5 г. (*IG, II², 3019*) сообщает о победе филы Акамантиды при гимнасиархе Ксенокле; еще одна надпись IV в. (*IG, II², 3201*) является благодарностью граждан филы своему гимнасиарху на Гефестиях. Есть надпись, оставленная самим гимнасиархом в связи с победой, где он называет себя гимнасиархом филы Кекропиды (*IG, II², 3023 — 338/7 гг.*).

Согласно Аристотелю (*Arist. Ath. pol., 57*), всеми факельными состязаниями руководил басилевс ($\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\varsigma$) (менее ясно высказывается по этому поводу Поллукс: *Poll., VIII, 90*), из чего Г. Гильберт сделал предположение, что это гимнасиарх был назван басилевсом⁶⁷. Г. Глотц, и наряду с ним и Э. Гардинер считали, что басилевс предпринимал выбор гимнасиархов из предложенных филиами списков⁶⁸, а И. Элер предположил, что выбор производился в отдельных филиах под председательством архонта-басилевса (на основании *IG, I², 84* и схолиастов)⁶⁹.

Если же вспомнить то, что мы знаем о процедуре назначения того или иного литурга, то, совершенно отвергнув странное предположение Г. Гильберта, следует, как кажется, принять такой порядок в процедуре назначения гимнасиарха: фила предлагала свою кандидатуру гимнасиарха, а архонт-басилевс, будучи верховным руководителем факельных агонов, производил утверждение выбранных филиами кандидатур, быть может, проверяя законность того или иного назначения. А может быть, как предположили Г. Глотц и Э. Гардинер, действительно басилевсом производился выбор среди нескольких кандидатур.

Неизвестно, сколько гимнасиархов назначалось каждый год. Относительно этого мы не имеем никаких сведений. Безусловно одно: гимнасиархов должно было быть столько, сколько команд готовилось ежегодно для лампадефории. Так, если каждая фила выставляла ежегодно по одной команде, то и гимнасиархов должно было быть десять, как и считали Г. А. Мюллер, И. Элер и И. Ютнер⁷⁰. А А. Мартин предположил существование пяти гимнасиархов ежегодно (при этом не ясно, на каком основании)⁷¹. Судя по всему (в первую очередь по отношению к гим-

насиарху в источниках, как, например, у Демосфена: Dem., XXXIX, 7), следует предположить существование именно десяти гимнасиархов. Каждая фила выбирала себе на год гимнасиарха, который руководил тренировками ее спортсменов и являлся представителем, скорее всего, во всех факельных забегах года.

Само собой разумеется, что гимнасиархия была обязанностью самых богатых граждан, среди которых Исократ называет нам Алкивида ([*Andoc.*], IV, 42; *Isocr.*, XVI, 35;), Плутарх — Никия (*Plut. Nic.*, 3). Известно, что произносивший XXI речь Лисия был обязан к исполнению этой литургии и затратил при этом 12 мин (*Lys.*, XXI, 3). На основании этого некоторые исследователи, полагая, что эта речь была написана им для себя, признают возможность исполнения гимнасиархии метеками⁷². Однако исследователи творчества Лисия считают, что эта речь была написана на заказ; человек, произносивший ее, был, скорее всего, гражданином⁷³. Так что предположение о возможности гимнасиархии метеков следует отвергнуть. Тем более что других сведений, указывающих на это, мы не находим.

О надзоре этих «литургических» гимнасиархов над гимнасиями ничего не известно⁷⁴.

Для классического времени мы ничего не знаем о должностном лице, несшем попечение о гимнасии и называвшемся гимнасиарх. Гимнасиархи должны были следить за тем, чтобы участники состязаний соблюдали надлежащий порядок во время упражнений. О лицах же, несших попечение над спортивными учреждениями классических Афин, мы ничего не знаем. Однако можно сделать некоторые предположения, обратившись к более позднему времени.

Так, мы знаем об «управляющих» гимнасиями, называвшихся ἐπιμελεταί и διοικηταί. Для Афин: эпимелет Ликейя (*IG*, II², 2875), эпимелет гимнасия божественного Адриана (*IG*, II², 1077). Эпимелеты и диойкеты гимнасиев известны нам и в целом ряде других городов. Вообще же, эпимелетами с V в. до III в. назывался целый ряд государственных служащих, имеющих попечение над совершенно разнообразными учреждениями (например, над театром: *IG*, II², 354)⁷⁵.

Таким образом, есть основание предположить, что управления афинскими спортивными заведениями классического времени находились в руках специально избираемых для этого эпимелетов, в дополнение к которым, с расширением функционального назначения этих учреждений, стали определяться и специальные служащие, несшие главную ответственность, — гимнасиархи. А гимнасиарх классического времени был собственно лампадархом⁷⁶.

В речи Эсхина против Тимарха сохранился ряд законов, которые относятся к воспитанию и приписываются Солону (*Aeschin.*, I, 12). Одно из положений этих законов запрещает гимнасиарху допускать взрослых к тренировкам во время праздника Гермеса. Даже если принимать подлинность этих законов⁷⁷, то и в этом случае нельзя утверждать, как это делал Л. Грасбергер⁷⁸, что гимнасиархи несли ответственность за все спортивное учреждение и занятия в нем. Во-первых, здесь речь идет о празднике Гермеса, на котором проводились факельные состязания; во-вторых, указывается лишь то, что гимнасиарх должен был следить за тренировками спортсменов, которые проходили, разумеется, в спортивных заведениях. Таким образом, единственный вывод, который позволяет сделать это сообщение, — то, что гимнасиарх следил за тренировками спортсменов на празднике Гермеса. Если же аутентичность законов Солона в речах ораторов ставить под сомнение⁷⁹, то это сообщение *per se* перестает быть аргументом.

С конца IV в. ситуация меняется. В надписях прекращается упоминание о гимнасиархах как исполнителях литургии, несмотря на то, что лампадедромия продолжала свое существование и в большом количестве имеются надписи эфэбов, сообщающие, что тот или иной эфэб «бежал в лампадедромии» (*IG*, II², 1006. 1008. 1011. 1028).

Надписи этого времени отражают иную сущность гимнасиарха. Одна из них дает перечисление победителей, датированное по некоему гимнасиарху (*IG*, II², 2327). Ряд надписей представляют собой посвящения победителей на Тесиях и Эпитафиях (*IG*, II², 2998. 2999 и *IG*, II², 2997–2999, соответственно), датированные также по гимнасиарху. Известны нам и надписи самих гимнасиархов, оставленные ими после справления своих обязанностей, с посвящениями Аполлону (*IG*, II², 3006) и Гермесу (*IG*, II², 2993).

В надписях, начиная со II в., гимнасиарх регулярно обозначается как попечитель гимнасиев⁸⁰. И в этой новой должности приобретает и новые функции, а именно, надзор над гимнасием: как над самим учреждением, так и над его посетителями, над проведением там занятий и упражнений; а также производит обеспечение всем необходимым, вероятно, на казенные средства⁸¹. Поскольку гимнасии служили, прежде всего, для упражнений эфэбов, о чем говорит, в частности, Павсаний (*Paus.*, VII, 27, 5; ср: *IG*, VII, 2849), то гимнасиарх являлся в этом отношении, как выразился И. Элер, «магистратом эфэбов»⁸²; зачастую в надписях упоминания о гимнасиархах и эфэбах появляются вместе. Судя по надписям, большую роль играл гимнасиарх в подборе преподавателей и курировании их деятельности (*AM*, XXXIII, 380, № 2, 11. 13–15; *OGI*, 339, 11. 74 sq. etc.).

На основании надписей исследователи вслед за Л. Грасбергером⁸³ единодушно и справедливо предполагают годичную общую гимнасиархию для всех школ в Афинах⁸⁴. Но фигура гимнасиарха продолжает постоянно появляться в надписях, связанных с лампадедromией. Это постоянное упоминание следует, вероятно, связать с новой его функцией. Гимнасиарх выступает уже не в качестве организатора агона, а в роли наставника.

Таким образом, эволюция института гимнасиархии для Афин представляется следующей. В Афинах V–IV вв. гимнасиарх был исполнителем литургии — гимнасиархии, которая означала тогда собственно лампадархию, то есть попечение об организации факельных состязаний, причем гимнасиарх должен был обеспечить как само проведение состязаний, так и подготовку к нему. Вероятно, именно потому и появилось такое название для исполнителя этой литургии — гимнасиарх, что это было не просто лицо, финансирующее факельные забеги, но гимнасиарх выполнял и функции тренера. Такая двойственность его функций повлияла на то, что последняя, развившись, стала превалирующей и могла повлиять на рождение особой должности: гимнасиарха — попечителя гимнасия.

Кроме того, Афины классического времени не знали, судя по всему, такой должности, как лампадарх, им был известен лишь гимнасиарх. Впервые в аттических источниках слово «лампадарх» появляется во времена Аристотеля (*Arist. pol.*, VI, 5, 1323 a)⁸⁵, до этого мы слышим лишь исключительно о гимнасиархе. Вероятно, это можно связать с тем, что до этого времени не было необходимости в существовании другого названия для лица, исполняющего гимнасиархию той или иной филы. А где-то во времена Аристотеля («Политика» Аристотеля была написана, вероятно, после 335 г.⁸⁶) появилось разграничение этих двух функций: лампадархии и гимнасиархии, — у Аристотеля эти две должности называются раздельно. Может быть, появление гимнасиарха — государственного служащего и стоит отнести где-то к этому времени, когда возникла необходимость в особом обозначении для руководителей факельного агона.

Эта трансформация деятельности гимнасиарха, по мнению И. Элера, стоит в связи с реформами Деметрия Фалерского⁸⁷. Намного раньше такое же мнение высказал А. Хольм, который, вероятно, имел в виду именно это положение вещей, когда говорил, что Деметрий начал поручать государству воспитание мальчиков и «сделал эфебию государственным воспитательным институтом»⁸⁸. Неизвестно, зависела ли непосредственно эта трансформация деятельности от реформ Деметрия

Фалерского, уничтоживших литургии⁸⁹, однако в хронологическом отношении эти события вполне сопоставимы.

И вот в связи с тем, что мы знаем о гимнасиархии в Афинах, можно, вероятно, совместив этот материал со свидетельствами из других мест, предложить следующий взгляд на эволюцию института эллинской гимнасиархии вообще. При обобщающем взгляде на сведения об этом институте мы видим, что наиболее богатый материал для V–IV вв. — аттический и гимнасиархия представляется здесь исключительно как литургия — организация факельных состязаний. В то же время материал для III в. и последующих веков не вступает в разногласия со свидетельствами из других мест и демонстрирует нам фигуру гимнасиарха как попечителя гимнасиев и наставника эфебов.

Так, возвращаясь к изложенным в начале взглядам исследователей на эволюцию интересующего нас института, мы видим, что становится очевидной возможность примирения дискуссионных взглядов, если провести хронологическое разделение, чего упомянутые исследователи не делают четким образом.

Общая картина складывается, соответственно, следующая: изначально гимнасиарх был исполнителем литургии. Это могло быть везде организацией факельных состязаний, но можно предположить, что у гимнасиархов вне Аттики были и другие функции, связанные с проведением прочих спортивных состязаний. К концу IV в. гимнасиархия-литургия прекращает свое существование, а словом гимнасиарх обозначается теперь государственный служащий — управляющий гимнасиями. В ряде неаттических надписей этого времени появляется фигура лампадарха. Нам известно также о существовании параллельно гимнасиарха и лампадарха, при этом второй находится в некоторой зависимости от первого (*BGU*, VI, 51, nr 1256)⁹⁰. То есть лампадарх, вероятно, был исполнителем одной из литургий, которые существовали в государствах круга греческой культуры в эллинистическое время⁹¹.

Эта схема для неаттических полисов верна лишь в том случае, если эти полисы в принципе знали институт литургии. Дело в том, что сведения о классических литургиях в других государствах у нас есть, начиная с IV в.⁹² И потому есть возможность предположить, что гимнасиарх появился в эллинских городах вне Аттики уже в эллинистическое время, то есть в качестве должностного лица. Неаттические греческие полисы гимнасиарха как исполнителя литургии могли не знать, а лицо, впоследствии выступавшее в этой роли, называлось лампадархом.

Так, с конца IV в. гимнасиархия становится годичной должностью — ἀρχή. Однако нельзя исключать и возможность, что и в это время гим-

насиархия возлагалась на граждан в форме литургии. Дело в том, что в эллинистическое время в связи с тяжелым финансовым и особенно продовольственным положением греческих городов к серии литургий в строгом смысле этого слова был добавлен ряд служб, которые выполнялись как регулярные должности (*ἀρχαί*), а на деле были литургическими магистратурами⁹³. Наиболее обременительными были те, что связаны с продовольственным снабжением: ситония, агораномия. Так, например, исполнители ситонии должны были заботиться о поставке зерна для города. Достоверно, что эти закупки осуществлялись на государственные средства, однако, кроме безвозмездной затраты личного времени, исполнителям этой литургии приходилось, по мнению исследователей, в особо затруднительных ситуациях прибегать и к личным расходам.

Потому в связи с наличием сообщений, указывающих на связь гимнасиархов постклассического времени с исполнителями литургий, есть веское основание предположить, что и в эллинистическую эпоху гимнасиархия продолжает оставаться литургией, являясь, однако, уже проявлением эллинистических литургий, явившихся в свою очередь предтечами литургий римских — *munera*, которые и означали собственно бесплатное исполнение государственных должностей.

2.2. Прочие обычные литургии

2.2.1. Гестиасис (ἑστιάσις)

Это еще одна обычная литургия (*Dem.*, XX, 21; XXXIX, 7), связанная с расходами в интересах коллектива своей филы. Название этой повинности происходит от глагола *ἑστίαω* (угощать, пировать) и означает пирование филетов (*φυλετικὰ δεῖπνα: Athen.*, V, 185 e) по поводу различных праздников, особенно Панафиней и Дионисий (*Dem.*, XX, 21; XXI, 156; *Schol. Dem.*, XX, 21 — *BCH*, I, 147; *Athen.*, V, 185 c)⁹⁴.

Исполнитель этой литургии, хозяин пира, назывался соответственным гестиатор (*ἑστιάτωρ*). Гарпократион говорит следующее о его выборе: если не было добровольца на исполнение этой литургии, тогда гестиатор назначался по жребию (*Harp.* s. v. *ἑστιάτωρ*). А. Бёк⁹⁵, а вслед за ним и Т. Тальгейм⁹⁶ не были уверены в абсолютной справедливости слов Гарпократиона и предполагали (что кажется справедливым), что выбор гестиатора не отличался от процедуры выбора других литургов, то есть осуществлялся на основе оценки имущества. Однако сам процесс нам не

совсем понятен; назывался он $\phi\acute{\epsilon}\rho\epsilon\upsilon\upsilon\ \acute{\epsilon}\sigma\tau\acute{\iota}\alpha\tau\omicron\rho\alpha$ (*Dem.*, XXXIX, 7), а исполнение — $\acute{\epsilon}\sigma\tau\acute{\iota}\alpha\nu\ \tau\acute{\eta}\nu\ \phi\upsilon\lambda\acute{\eta}\nu$ (*Dem.*, XXI, 156). Как становится ясно из слов Демосфена, гестиаторы избирались по филам.

А. Бёк пытался определить также стоимость этой литургии из расчета: примерно 2000 гостей по 2 обола на человека, то есть около 700 драхм⁹⁷.

Нам известно также о пирах на Фесмофориях ($\Theta\epsilon\sigma\mu\omicron\phi\omicron\rho\acute{\iota}\alpha\ \acute{\epsilon}\sigma\tau\acute{\iota}\alpha\nu$: *Is.*, III, 80; VIII, 90). Однако этот праздник проходил по демам, и некоторые исследователи считают, что организация этих пиров не была литургией, а богатые граждане на каких-то иных принципах обеспечивали своих жен для организации этих обедов⁹⁸. Однако как бы там ни было, но принцип оставался тот же, что при исполнении литургий: наиболее состоятельные граждане выделяли личные средства на общественные нужды, — поэтому, вероятно, не следует так строго отделять организацию пиршеств на Фесмофориях от пиров на других праздниках⁹⁹, хотя, вероятно, и не стоит расценивать как государственную литургию¹⁰⁰.

С другой стороны, у Исократ (*Isocr.*, VII, 29) выражение $\acute{\epsilon}\sigma\tau\acute{\iota}\alpha\sigma\iota\varsigma$ стоит в связи с предоставлением обедов на государственные средства¹⁰¹.

Таким образом, гестиасис представлял собой, судя по всему, предоставление народу обедов либо на частные (то есть в форме литургий), либо на государственные средства.

2.2.2. Архитеория ($\acute{\alpha}\rho\chi\iota\theta\epsilon\omega\rho\acute{\iota}\alpha$)

Архитеория в буквальном переводе означает должность главы посольства ($\acute{\alpha}\rho\chi\acute{\eta}$ — начальство, власть; $\theta\epsilon\omega\rho\acute{\iota}\alpha$ — посольство); исполнитель архитеории назывался архитеором ($\acute{\alpha}\rho\chi\iota\theta\acute{\epsilon}\omega\rho\omicron\varsigma$; $\acute{\alpha}\rho\chi\epsilon\theta\acute{\epsilon}\omega\rho\omicron\varsigma$: *IG*, II², 1635, 34). Изначально архитеория представляла собой праздничное посольство на панэллинские праздники: на Олимпийские, Истмийские (*Thuc.*, VIII, 10, 1; *Andoc.*, I, 132; *Din.*, I, 81), Немейские (*Dem.*, XXI, 115; *IG*, II², 365 a, 7. 10), Пифийские (*IG*, II, 4332), в Дельфы (*Plut. Demetr.*, 11), на Делос (*Thuc.*, III, 104, 2 sq.; *Xen. mem. Socr.*, IV, 8, 2; *Arist. Ath. pol.*, 56) и т. д.

Кроме ежегодных регулярных посольств, существовали также экстраординарные посольства к оракулу, для которых также определялись архитеоры (*Hyper.*, III, 35. 74 sq.; ср. *IG*, II², 1642)¹⁰², хотя неизвестно, принадлежала ли такая архитеория к литургиям¹⁰³.

Для достойного представления своего полиса архитеорам поручалась организация посольства, для чего те получали соответствующие

этим торжественным процессиям атрибуты (πομπεῖα), а также предназначенные для этих целей общественные деньги (IG, II², 1635, 34). Однако, кроме того, архитеоры должны были добавить некоторую, судя по всему достаточно значительную¹⁰⁴, сумму из собственных средств (Arist. eth. Nicom., IV, 1122 a, 25). То есть архитеория представляла собой литургию (Andoc., I, 132; Lys., XXI, 5).

Часто архитеорами делались посвятельные дары (Syll., 367). Плутарх в биографии Никия рассказывает о размахе организации и щедрости, проявленных этим мужем, когда он возглавил посольство на Делос (Plut. Nic., 3). Никий в память о своем посольстве и дарах установил также каменную плиту, что вполне характерно для литургической практики¹⁰⁵.

Наши свидетельства говорят, как правило, об одном архитеоре во главе посольства¹⁰⁶. Но в упомянутой надписи (IG, II², 1635, 34) архитеоры называются также во множественном числе.

В более поздние времена архитеорами назывались также руководители посольств, занимавшихся мирскими делами. Однако это не означает, что они в этом случае сохраняли религиозную природу, как полагал Ф. Кауер¹⁰⁷. Подобное перенесение названия с «полусвященного» лица¹⁰⁸ на вполне мирское известно и в других случаях (ср. трансформацию значения слов «гимнасиарх», а также «хорег», каковым термином стало позднее называться любое лицо, которое предоставляло какие-либо деньги, несло какие-либо расходы¹⁰⁹). В этом выражается лишь общая тенденция греческой культуры и идеологии.

2.2.3. Аррефория (ἀρρηφορία)

Аррефория — обязанность, связанная с культом Афины. Из комментариев лексикографов (также аттидографов) известно, что ежегодно избирались четыре девочки знатного происхождения (ἐχεῖροτονοῦντο, то есть на народном собрании, как сделал заключение Х. ф. Гертринген¹¹⁰), из которых архонт-басилевс вновь отбирал двоих (техническое выражение для этого ἐπιώψατο οἶον κατέλεξεν, ἐξελέξατο: Suid. s. v.; IG, II², 1933), которые становились аррефорами (ἀρρηφόροι) и руководили тканием пеплоса для процессии на Панафинейх и всего, что к тому относилось (Harp. s. v. ἀρρηφορεῖν; Bekk. anecd., 202, 3; 446, 18).

Пеплос (πέπλος) — это тканая одежда. Культовый пеплос изготавливался в течение года для Афины, и во время Панафиней его торжественно надевали на статую этой богини в качестве дара от города. Пеплос ткался только для Великих Панафиней. Это засвидетельствовано це-

лым рядом источников (*Plat. Euthyphr.*, 6 с; *Schol. Eurip. Нес.*, 467; *Schol. Aristoph. Equit.*, 566; *Пах.* 418; *Harp. s. v. πέπλος*; *Heliod.*, I, 10). Аррефоры начинали свою ответственную работу в последний день пианопсиона, в праздник Χαλκεῖα¹¹¹ под надзором жрицы Афины (*Harp. s. v. ἀρρηφορεῖν*; *Etym. M., Suid. s. v. Χαλκεῖα*). Кроме того, с ними работало большое число женщин и девушек (*Schol. Eurip. Нес.*, 467), которые объединялись названием эргастины (ἐργαστίνα: *Hesych. s. v.*; IG, Π², 1034 — декрет в честь девушек, работавших над изготовлением пеплоса). Последние выполняли, конечно, главную работу, так как аррефоры были девочками 7–11 лет (*Aristoph. Lys.*, 641 sq.). Упомянутый декрет называет 100–120 работниц. Надзор над работой с гражданской стороны вели афлотеты под контролем буле (*Arist. Ath. pol.*, 60, 1).

Пеплос изготовлялся из лучших сортов шерсти. На нем золотой нитью и цветной шерстью был выткан один из подвигов Афины (чаще всего тема сюжета бралась из гигантомахии¹¹²). Изготовленный в течение девяти месяцев пеплос везли во время процессии на повозке, оформленной в виде корабля (*Schol. Aristoph. Equit.*, 566; *Paus.*, I, 29, 1; *Philostr. vit. Soph.*, II, 1, 5; *Heliod.*, I, 10)¹¹³. У подножия ареопага повозка останавливалась, и афиняне торжественно несли пеплос на акрополь для поднесения его Афине¹¹⁴.

Вполне вероятно, что и эргастины с двумя аррефорами также принимали участие в помпе¹¹⁵. Л. Циен сомневался в том, что аррефоры самостоятельно шествовали в процессии, поскольку были маленькими девочками; однако они могли участвовать, двигаясь на повозке, где везли пеплос. А также могли ожидать помпу на горе в сопровождении жрицы¹¹⁶.

На ионическом барельефе фриза Парфенона изображена Панафинея процессия 28 гекатомбеона в тот момент, когда она вступает на акрополь. На юго-западной стороне фриза показано начало шествия. Затем двумя колоннами: одна по западной и северной стороне, другая — по южной, — процессия движется к центру, к восточной стороне храма, где изображены олимпийские боги, встречающие афинян¹¹⁷. В центре восточного фриза изображены две стоящие аррефоры. Обе они несут на голове какие-то сиденья (отсюда их второе название «дифрофоры»: от δίφρος — сиденье¹¹⁸). Назначение этих сидений не ясно; предполагают, что это либо их рабочие скамеечки, либо сиденья, на которых должен быть развернут пеплос богини¹¹⁹. У одной из аррефор в руках курильница, вторая передает сиденье взрослой женщине в длинной, богато драпированной одежде. Мужчина рядом с ней (жрец или басилевс) принимает из рук мальчика новый пеплос богини.

Как сообщает Гарпократ, в течение года аррефоры жили недалеко от храма Афины Паллады. Они носили белые одежды, которые затем вместе с золотыми украшениями посвящали богине (*Harp. s. v. ἀρρηφορεῖν*). Нам известно также, что их обслуживали (а именно, пекли им пироги) люди, лишившиеся своего жилища (*ἀνάστατοι*) (*Athen.*, III, 114 a; *Hesych. s. v.*, *Suid. s. v.*).

Об окончании их деятельности сообщает Павсаний. Когда приходил праздник, ночью жрица Афины клала им что-то (*ἄρρητα*) на голову, что ни она сама не знала, ни носительницы, и отправляла их вниз по подземной дороге, которая проходила через округ Афродиты в садах¹²⁰. Внизу они оставляли свою ношу и получали другую. Затем их отпускали, а на их место брали других (*Paus.*, I, 27, 3). Это сообщение стоит в тесной связи с другим, о празднике Аррефориях, который справлялся в месяце скирофорионе и сопровождался несением неизвестных и таинственных вещей (*τὸ ἄρρητα καὶ μυστήρια*) (*Etym. M. s. v. ἀρρηφόροι καὶ Ἀρρηφόρια*). Таким образом, праздник, о котором говорит Павсаний, — Аррефории¹²¹.

От наименования этой ноши девочки (а также праздник) и получили свое название — аррефоры, то есть носительницы священного (*ἄρρητα* — нечто неназываемое, тайное, священное; *φέρω* — нести). Отсюда и другая (вероятно, более старая) форма написания — *ἀρρητοφόροι*. Некоторые исследователи пытаются найти и другой корень в этом наименовании, в том числе, *ἔρση* — роса, поскольку встречаются и такие написания этого слова: *ἔρρηφόροι*, *ἔρσηφόροι*¹²².

Таким образом, в Афинах, вероятно, ежегодно были две аррефоры, которые выбирались басилевсом из четырех представленных¹²³, а не четыре, две из которых трудились над пеплосом, а две были собственно аррефорами, каковой обычай представляют некоторые исследователи¹²⁴.

2.2.4. Канефория (*κανηφορία*)

Исполнители этой литургии — канефоры (*κανηφόροι*: *κάνεον* — корзина; *φέρω* — нести) — в буквальном переводе «корзиноносицы». Это были женщины, участницы божественной процессии — помпы, которые в торжественном шаге (*Horat. sat.*, 1, 3, 9 sq.)¹²⁵ несли корзины на голове для всеобщего обозрения, где находились предметы жертвоприношения (*Schol. Aristoph. Ach.*, 242), главным образом необходимый для жертвоприношения инвентарь, в том числе жертвенный нож и венки (*Schol. Aristoph. Pax*, 948; ср. *Suid.*, *Etym. M. s. v. κανοῦν*).

Эти канефоры не были «профессиональными» служительницами культа. Здесь речь идет о литургии, которая возлагалась лишь на девушек благородного происхождения, отличающихся физической красотой и имеющих безупречную репутацию (*Schol. Aristoph. Ach.*, 242; *Hesych.*, *Phot. s. v. κανηφόροι*). Эта обязанность очень серьезно связывалась с девственностью. Канефора должна была быть неопорочена брачными отношениями (*ἀγνή γάμων*)¹²⁶. Так, можно вспомнить место из Менандра (*Men. Epit.*, 221 sq.), где женщина похвально тридневным воздержанием, чтобы стать канефорой. Конечно, это — комическая метафора, которую не стоит понимать буквально. Показательна в этом отношении также история о сестре Гармония, которая должна была быть канефорой на Панафинейях (*Arist. Ath. pol.*, 18; «в какой-то помпе»: *Thuc.*, VI, 56; ср. *Ael. hist. var.*, 11, 8) и была отклонена сыновьями Писистрата как недостойная.

Позднее у руководителя Великих Дионисий — архонта-эпонима был список канефор, исполнявших эту обязанность¹²⁷. Канефория становилась предметом честолюбия для афинских девушек и их семейств. Отец отличившейся канефоры получал от государства поощрение и награждался плющевым венком (памятный декрет демоса: *IG, II², 896*). Позднее и сами девушки, особенно те, которые многократно выступали канефорами на праздниках различных богов, почитались надписями и даже статуями, которые устанавливало государство им и их родным¹²⁸.

Весьма интересно облачение канефор, хотя об их украшениях и одежде мы знаем немного. Об украшениях канефор в общем сообщает Акусилай (*Akusil. schol. Od.*, XIV, 533). Богатство, собранное Ликургом на акрополе во время его финансовой деятельности, содержало и золотые украшения для 100 канефор (декрет Стратокла у [*Plut.*] *vit. X orat.*, 852 b; *Paus.*, 1, 29, 16)¹²⁹. Аристофан (*Aristoph. Lys.*, 646) сообщает о носимых канефорами гроздях смокв (*Phot. bibl.*, 534 a, 5 sq.), которые играли очищающую роль¹³⁰ и принадлежали культу Артемиды. Знаем, что канефоры были напудрены (*Hermipp.*, 26 b; *Schol. Aristoph. Av.*, 1551; ср. *Aristoph. Eccl.*, 732).

Опубликованная Э. Курциусом¹³¹ древняя бронзовая статуэтка (около 500 г.) канефоры показывает девушку, одетую в хитон с рукавами и гиматий; правой рукой она держит корзину, левой поднимает одежду. Ноги не обуты, волосы, стянутые повязкой, спадают широкой полосой на плечи и спину. В изобразительном искусстве канефоры были излюбленным сюжетом. Память об отличившихся девушках оставалась в произведениях искусства: картинах, статуях. Появляются они и на фризе целлы Парфенона с изображением панафинейской процессии¹³². Литературно засвидетельствованы также канефоры работы Поликлета (*Cic.*, III, 5)¹³³, Скопаса (*Plin. ep.*, XXXVI, 5) и Праксителя¹³⁴.

Канефоры были в процессиях многих богов. Прежде всего, в панафинейской процессии в честь Афины (*Aristoph. Pax*, 948; *Menand. Epir.*, 221–223; *Harp., Suid.* s. v. κανηφόροι; *Etym. M.* s. v. κανηφόρος; *Bekker. anecsd.*, 270, 32). В этой процессии выступало достаточно большое количество канефор¹³⁵. Борей похищает Орифию, дочь Эрехтейя, когда она наряженная своим отцом как канефора была послана на акрополь (то есть во время помпы), чтобы принести жертвы Афине Палладе (*Akusil. schol. Od.*, XIV, 533). Гермес загорается любовью к Герсе, дочери Кекропа, увидев ее во время помпы в качестве канефоры (*Ovid. met.*, 711–713; 725). За канефорами в помпе следовали и дочери метеков (*Ael. hist. var.*, VI, 1) с ширмой и креслом (*Aristoph. Av.*, 1550–1552 *cum Schol.*; *Eccl.*, 734; *Hesych.* s. v. διφοφόροι; *Etym. M.*, 279, 39; *Suid.* s. v. δίφρον)¹³⁶.

Культу Афины принадлежали и три канефоры ἀπὸ παλλαδίων, о которых сообщается в надписи на ступенях театра Диониса¹³⁷. Канефоры появляются на проходившей на Плинтериях помпе; они несли кресло Паллады к морю¹³⁸. Представленная Э. Курциусом бронзовая статуэтка также происходит из культа Афины, как указывает надпись на ней¹³⁹.

В Афинах засвидетельствованы канефоры, принадлежащие культу Зевса, появляющиеся на Диисотериях¹⁴⁰.

Относительно культа Диониса мы располагаем свидетельствами о выборе одной канефоры для Великих Дионисий архонтом-эпонимом (*Syll.*, 636). Однако этим эпиграфическим свидетельствам противоречат схолии к Аристофану (*Schol. Aristoph. Ah.*, 242), которые говорят о большем числе канефор. И на Сельских Дионисиях выступает одна канефора (*Aristoph. Ach.*, 242. 253. 260; ср. [*Plut.*] *de flux.*, 25).

В культе Деметры помпа на элевсинских мистериях проходила в сопровождении канефор (*Schol. Aristoph. Av.*, 1508; ср. *Hor. sat.*, 2, 8. 13 sq.)¹⁴¹. Также в Аттике засвидетельствованы канефоры в процессиях в честь Аполлона, Асклепия, Матери Богов, Исиды в Элевсине¹⁴².

Также во время ритуала перенесения подарков отца невесты в дом новых родственников на второй день свадьбы (ритуал назывался ἐπαύλια) центральное место в этой процессии занимала канефора. Впереди шел мальчик в белой накидке с зажженным факелом, далее следовали женщины, несущие подарки (*Suid.* s. v. ἐπαύλια). Хотя на изображении эпавлии из коллекции Берлинского музея канефора отсутствует¹⁴³.

Таким образом, канефоры были сопроводительницами многочисленных афинских процессий. Сущность этой обязанности ясна, однако мы не знаем конкретного числа канефор, не знаем также, была ли литургией всякая канефория или лишь некоторые из них.

2.2.5. Регата (ἄμιλλα τῶν νεῶν)

Ординарной литургией был также некий вид триерархии (*Lys.*, XXI, 5; *IG*, II², 2311), а именно, организация состязаний на суднах (ἄμιλλα — состязание; ναῦς — корабль, судно). Здесь также состязались филы, и победившая получала 300 драхм и еще 200 для организации пира (*IG*, II², 2311); может быть, также и за второе место вручалась награда в виде двух быков стоимостью в 200 драхм¹⁴⁴.

Эти состязания были включены в программу Великих Панафиней (на Малых такого агона не проводилось¹⁴⁵), что, кроме не совсем ясного свидетельства Лисия, зафиксировано и эпиграфически (*Syll.*, 1055, 78). Регата проводилась в честь Посейдона у мыса Суния (*Herod.*, VI, 87; *Lys.*, XXI, 5; *IG*, II², 2311; ср. *Plut. Them.*, 32) и стоила литургу у Лисия 15 мин.

Регатой были отмечены также праздник Мунихии, в первый праздничный день которых, 16-го числа месяца мунихиона, среди прочих ритуальных мероприятий проводилась также регата эфебов на особых кораблях¹⁴⁶.

2.2.6. Эвандрия (εὐανδρία), эвоплия (εὐοπλία), эвтаксия (εὐταξία)

К ординарным литургиям принадлежали эвандрия¹⁴⁷ (*[Andoc.]*, IV, 42), эвоплия¹⁴⁸ и эвтаксия¹⁴⁹. Смысл этих агонов не совсем ясен. Эвандрия была своеобразным конкурсом мужской красоты, но друг с другом состязались не отдельные люди. Исполнитель этой литургии набирал команду из лучших представителей своей филы и выставлял образцовый строй (τάγμα) для состязания, неся расходы на снаряжение этой команды. Команды вступали в состязание, способ проведения которого не совсем ясен. Победу одерживала та фила, которая наиболее отличилась по оценкам. Критерием оценки, по Ксенофону, служили рост и сила (*Xen. mem. Socr.*, III, 3, 12: σωμαίων μέγεθος καὶ ῥώμη), по Афинию — красота (*Athen.*, XIII, 565 f: τὸ κάλλος), которая, по представлениям греков, должна была включать оба первых качества.

Принадлежность этого агона Великим Панафинейам (на Малых не проводился¹⁵⁰) засвидетельствована Гарпократионом (*Harp. s. v. εὐανδρίας ἀγών*; ср. *Bekk. anecd.*, 257) и подтверждена, вопреки высказанным сомнениям¹⁵¹ сообщениями о стоимости панафинейских наград (*Syll.*, 1055). Это состязание было категорически недоступно чужеземцам (*Bekk. anecd.*, 257) — состязались лишь афинские филы.

Афиной говорит о гражданских, невоенизированных состязаниях. Однако следует предположить, вслед за А. Моммзенем¹⁵², что со временем характер этого агона изменился. В надписи с Тесий II в. (IG, II², 957 — около 160 г.) эвандрия и эвоплия предстают как совершенно военные агоны¹⁵³. Уже Демосфен сокрушается о том, что полководцы, вместо того чтобы выступать в походы, заняты праздниками (*Dem.*, IV, 26), что отражает все более растущую тягу к военным играм у афинян.

Об изменении характера этого агона говорит и изменившийся приз. Если надпись IV в. называет в качестве награды филе быка (IG, II², 2311b, 26), то Аристотель говорит о щите (*Arist. Ath. pol.*, 60, 3)¹⁵⁴. Эвандрический агон Панафиной проходил, предположительно, 27 гекатомбеона¹⁵⁵. Этот агон засвидетельствован как для Панафиной, так и для Тесий (*Harp. s. v. εὐανδρίας ἄγων*; IG, II², 956–958. 2311b, 26)¹⁵⁶.

С агонем эвандрии часто связывают также участие красивых старцев в панафинейской процессии, так называемых фаллофоров (θαλλοφόροι) (*Xen. conv.*, 4, 17; *Schol. Aristoph. Vesp.*, 544; *Etym. M. s. v. θαλλοφόροι*): они выбирались на этом агоне¹⁵⁷. Однако Л. Циен, как кажется, весьма справедливо отрицал связь эвандрии с фаллофорией¹⁵⁸. Действительно, помимо того, что у нас нет свидетельств о таком положении вещей, само название «эвандрия» говорит против этого, как и указание Ксенофонта на то, что критерием для победы должна быть сила.

Еще менее ясен смысл агона эвоплии и эвтаксии. Эвоплия засвидетельствована названной надписью с Тесий и предстает перед нами как военная церемония, некий вид парада (IG, II², 957)¹⁵⁹. Эвтаксия впервые засвидетельствована около 330 г. (IG, II², 417). Затем это слово встречается в декрете 329/8 г. относительно Амфиарий (*Syll.*, 298, 45)¹⁶⁰. Смысл состязания опять же остается непонятен. Н. Б. Краутер вслед за Л. Робертом не исключает возможность военного характера этого состязания, однако как на примечательный факт указывает на то, что упоминания об эвтаксии не встречается в списке победителей на Панафинех или Тесиях¹⁶¹.

В одной надписи идет речь об эвандрии и эвоплии отборных мужей и всадников (IG, II², 958, 44 sq.), что в совокупности с нашими знаниями об эвандрии дает возможность предположить, что эти три состязания (эвандрия, эвоплия, эвтаксия) имели определенную идентичность и возникли, вероятно, на примере более древнего агона — эвандрии¹⁶², придав и этому состязанию военный характер. Не позднее чем с последней трети IV в. существовали уже все три агона, которые представляли собой некие военизированные конкурсы-парады, различаясь между собой, вероятно, по «роду войск».

2.2.7. Гиппотрофия (ἵπποτροφία)

Сущность гиппотрофии (ἵπλος — конь, лошадь; τρέφω — кормить, растить, воспитывать) не совсем ясна. Нам известно о существовании литургии с таким названием, однако относительно ее сути есть некоторые неясности.

Словом «гиппотрофия» обозначалась исключительная обязанность богатейших граждан к содержанию лошадей для всаднической службы (*Хеп. оес.*, II, 6; *Лус. Леосг.*, 139). Всаднические списки (*καταλογεῖς*) составляла комиссия из десяти человек (*Arist. Ath. pol.*, 49, 2), как это делали стратеги для триерархов. Дж. К. Андерсон, как в свое время и К. Ф. Германн, считает эту военную обязанность по содержанию лошадей литургией¹⁶³. Однако ряд исследователей вслед за М. Френкелем эту гиппотрофию к литургии не причисляют¹⁶⁴.

Стоит, вероятно, разделить мнение последнего исследователя и не причислять эту военную обязанность к литургиям. Поскольку сам характер этой обязанности совершенно отличается от тех литургий, что мы знаем. Кроме того, гиппотрофия не считалась древними экстраординарной литургией, и следовательно, должна была иметь отношение к организации праздничных актов, а не к военным действиям. Поэтому скорее всего стоит признать литургией второй вид гиппотрофии, а именно, организацию конных состязаний (ἀγώνες ἵππικοί)¹⁶⁵.

Нам известно большое количество различного рода афинских единоличных конных состязаний, состязаний колесниц¹⁶⁶, которые проводились в самых различных местах: в Академии, Ликее¹⁶⁷ и т. д. Также мы знаем об участии всадников в процессиях, например в панафинейской: в частности, их представляет изображение панафинейской процессии на фризе Парфенона¹⁶⁸. Однако все эти состязания и выступления едва ли имели литургическую организацию. Ординарные литургии предназначались, как мы увидели, для организации агонов между командами фил. Это же, вероятно, следует предположить и в случае с гиппотрофией.

Нам известен такой вид гиппического агона (ἵππικὸς ἀγών; ἵππων ἀμίλλα), который назывался антипασία (ἀντιπασία) (*Hesych. s. v.; Suid. s. v. ἀντιπασία; Διπλάσια*), местом проведения которой Ксенофонт называет ипподром. Это было конное сражение; вся конница разделялась на два отряда, состоящих из пяти фил¹⁶⁹. Эпиграфические свидетельства IV–III вв. демонстрируют популярность этого вида состязаний и помещают их в программу Великих Панафиней¹⁷⁰ (*IG, II², 379 – 321/20* или *318/17 гг.*; *IG, II², 3079 – около 280/79; IG, II², 3130*) и Олимпийского праздника¹⁷¹. И хотя наши свидетельства относятся ко времени поздней

классики, однако, как справедливо отметил Г. Р. Баг, у нас нет оснований сомневаться, что аналогичное устройство эти состязания имели и в V в.¹⁷²

Мы располагаем двумя произведениями искусства IV в., изображающими это состязание. Один — базис, вероятно, с посвяtitельного памятника, с рельефным изображением трех всадников и приза — треножника¹⁷³.

Второй — скульптурный рельеф, открытый на агоре, который изображает галопирующих юных всадников и, скорее всего, имеет отношение к антиппасии¹⁷⁴. Этим юношей представляет бородатый мужчина, в котором Г. Р. Баг видит филарха¹⁷⁵, однако, если принять литургическую организацию этого состязания, здесь стоит скорее предположить литурга. Обычай представления на памятном монументе вместе с состязавшейся командой литурга, организовавшего ее, известен и из других литургий (например, хорег со своим хором). На обороте этого рельефа надпись: «Фила Леонтида победила».

Таким образом, литургия гиппотрофия была, скорее всего, обязанностью по организации гиппических состязаний, а именно, агонов между филами, и, скорее всего, литургическую организацию следует предположить для состязания, носившего название антиппасия.

Примечания

¹ *Oehler J.* Γυμνασίαρχος // RE. Bd. 7. 1912. Sp. 1970.

² *Oehler J.* Ἐφηβία // RE. Bd. 5. 1905. Sp. 2737; *Лурье С. Я.* История Греции / Под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 1993. С. 349.

³ *Mahaffy J.P.* Old Greek Education. 2d ed. London, 1883. P. 78 f.

⁴ Вообще, афинские мальчики и юноши подразделялись на три возрастные категории, из которых самые младшие назывались собственно мальчики (παῖδες), затем шли эфебы (ἔφηβοι) и третьей возрастной группой были юноши (νεοί): *Poland F.* Neoi // RE. Bd. 16. TL. 2. 1935. Sp. 2401; 2405.

⁵ *Dumont A.* Essai sur l'éphébie attique. Vol. 1. Paris, 1876. P. 219 f.; *Grasberger L.* Erziehung und Unterricht im klassischen Altertum. Tl. 3. Würzburg, 1881. S. 463.

⁶ *Chapot V.* La province romaine proconsulaire d'Asie depuis ses origines jusqu'à la fin du haut-empire. Paris, 1904. P. 279. Ср.: *Ramsay W. M.* The Cities of St. Paul, Their Influence on His Life and Thought. The Cities of Eastern Asia Minor. London, 1907. P. 444.

⁷ *Oehler J.* Γυμνασίαρχος. Sp. 1982.

⁸ *Miln J. G.* Gymnasiarchos // CD. C. 401.

⁹ *Delorm J.* Gymnasion. Étude sur les monuments consacrés à l'éducation en Grèce. Paris, 1960. P. 5–6.

¹⁰ *Menadier J.* Qua conditione ephesii usi sint inde ab Asia in formam provinciae redacta. Berlin, 1880. P. 190; *Liebenam W.* Städteverwaltung im römischen Kaiserreiche. Leipzig, 1900. S. 373; *Schneider K.* Die griechischen Gymnasien und Palästern nach ihrer geschichtlichen Entwicklung. Freiburg, 1908–1909. S. 79, Anm. 3; 129.

¹¹ *Hicks E. L., Hill G. F.* A Manual of Greek Historical Inscriptions. Oxford, 1901. P. 48.

¹² *Poland F.* Geschichte des griechischen Vereinswesens. Leipzig, 1909. S. 401.

¹³ *Levy I.* Études sur la vie municipale de l'Asie-Mineure, I–III // REG. Vol. 14. 1901. P. 370.

Ср.: *Martin A.* Leitourgia // DA. Vol. 3. P. 2. 1904. P. 1095; *Wilamowitz-Möllendorf U.v.* Staat und Gesellschaft der Griechen und Römer. Leipzig, 1910.

¹⁴ См. комментарии к надписям 479 и 622 в издании: *Oriens graeci inscriptiones selectae. Supplementum Sylloges inscriptionum graecarum* / Ed. W. Dittenberger. Vol. 2. Lipsiae. 1903–1905. P. 83, n. 9; 318, n. 5.

¹⁵ *Gilbert G.* Handbuch der griechischen Staatsaltertümer. 2. Aufl. Bd. 2. Leipzig, 1881. S. 372, Anm.

¹⁶ *Glötz G.* Gymnasiarchia // DA. Vol. 2. P. 2. 1896. P. 1675–1678.

¹⁷ *Gardiner E.N.* Greek Athletic Sports and Festivals. London, 1910. P. 502.

¹⁸ *Krause J. H.* Hellenika oder Institute, Sitten und Bräuche der alten Hellas mit besonderer Rücksicht auf Kunstarchäologia. Tl. 1: Die Gymnastik und Agonistik der Hellenen aus den Schrift- und Bildwerken des Altertums. Leipzig, 1841. S. 371; *Fou-*

cart P. La course aux flambeaux // RPh. Vol. 23. 1899. P. 114; *Sitlington-Sterrett J.R.* The Torch-Race. A Commentary on the Agamemnon of Aischylos vv. 324–326 // AJPh. Vol. 22. 1901. P. 406.

¹⁹ *Müller H.A.* Panathenaica. Bonnae, 1837.

²⁰ *Wecklein N.* Der Fackelwettbewerb // Hermes. Bd. 7. 1873. S. 440 f.

²¹ Изображения см. также: *Masner K.* Die Sammlung antiker Vasen und Terrakotten im kaiserlichen österreichischen Museum für Kunst und Industrie. Katalog und historische Einleitung. Wien, 1892; *Martin A.* Lampadedromia // DA. Vol. 3. P. 2. 1904. P. 914.

²² *Martin A.* Lampadedromia. P. 914.

²³ *Jüthner J.* Λαμπάδηδρομία // RE. Bd. 23. 1924. Sp. 573.

²⁴ Есть сведения о большем количестве участников, и ряд исследователей склонны считать такое большое количество участников нормой: *Jüthner J.* Λαμπάδηδρομία. S. 574; см. также примечание к *Plut. Sol.*, 1 в издании: Плутарх. Сравнительные жизнеописания / Под ред. С. С. Аверинцева, М. Л. Гаспарова, С. П. Маркиша. 2-е изд. Т. 1. М., 1994. С. 664.

²⁵ *Wecklein N.* Der Fackelwettbewerb. S. 441; *Jüthner J.* Λαμπάδηδρομία. S. 574.

²⁶ *Böckh A.* Die Staatshaushaltung der Athener. 3. Aufl. Bd. 2. Berlin, 1886. S. 513.

²⁷ К этому см.: *Jüthner J.* Λαμπάδηδρομία. S. 575.

²⁸ Разницу между *νικητήρια*, которую получала победившая фила вместе с гимнасиархом, и *ἄθλα* установил Г. Зауппе: *Sauppe H.* Commentatio de inscriptione Panathenaias. Göttingen, 1858. P. 6.

²⁹ *Sitlington-Sterrett J.R.* The Torch-Race... P. 414.

³⁰ *Böckh A.* Die Staatshaushaltung... Bd. 1. S. 106.

³¹ Против этого выступил Н. Веклейн: *Wecklein N.* Der Fackelwettbewerb. S. 441, Anm. 3.

³² Последующие исследователи не уделяли особого внимания этому вопросу, хотя И. Ютнер, опираясь на надпись IG, II, 965, 78 (II², 2311), как кажется, более склонялся к позиции Н. Веклейна: *Jüthner J.* Λαμπάδηδρομία. Sp. 575.

³³ О посвятителем рельефе гимнасиарха с надписью IG, II², 2974 см.: *Walter O.* Beschreibung der Relief im klassischen Akropolismuseum in Athen. Wien, 1923. № 213 a.

³⁴ О покровительстве Гермеса и Геракла гимнасиям см., например: *Scherer Ch.* Hermes // ML. Bd. 1. Sp. 2357; *Furtwängler A.* Herakles // ML. Bd. 3. Sp. 2135 f.; *Zwicker H.* Herakles // RE. Bd. 8. 1913. Sp. 516–528; *Stein E.* Hermes // RE. Bd. 8. 1913. Sp. 738–792; *Gruppe O. F.* Herakles // RE. Suppl. 3. 1918. Sp. 910–1121; *Prinz F.* Herakles // RE. Suppl. 14. 1974. Sp. 137–196.

³⁵ Относительно написания названия этого праздника см. комментарии Е. Калинки к [Xen.] Ath. pol., 3, 4 в издании: Xenophon Ἀθηναίων πολιτεία / Ed. E. Kalinka. Leipzig; Berlin, 1913.

³⁶ Müller H. A. Panathenaica. P. 49.

³⁷ Горбунова Л. С., Передольская Ф. Ф. Мастера греческих расписных ваз. Л., 1961. С. 32; Arias P. E., Hirmer M. A History of Greek Vase Painting. London, 1962. P. 314–315; Beazley J. D. Attic Black-Figure Vase-Painters. Oxford, 1956. P. 88 f., 116; Cook R. M. Greek Painted Pottery. London, 1960. P. 89 f.

³⁸ К этой надписи полно см.: Ziehen L. Leges graecorum sacrae e titulis collectae. Lipsiae, 1896. P. 51 sq.

³⁹ Malten L. Hephaistos // RE. Bd. 8. 1913. Sp. 362.

⁴⁰ Mommsen A. Feste der Stadt Athen im Altertum. Leipzig, 1898. S. 103; Ziehen L. Leges graecorum sacrae... P. 52; Deubner L. Attische Feste. Berlin, 1942. S. 212.

⁴¹ Wernicke K. Pan // ML. Bd. 3. Sp. 1360.

⁴² Weiske B. G. Prometheus... S. 538.

⁴³ Ср.: Mommsen A. Feste... S. 339, Anm. 3.

⁴⁴ Mommsen A. Feste...; Deubner L. Attische Feste; Brommer F. Pan // RE. Suppl. 8. 1956. Sp. 954.

⁴⁵ Wernicke K. Pan. Sp. 1360–1361.

⁴⁶ Deubner L. Attische Feste. S. 232 f.

⁴⁷ Mommsen A. Feste. S. 339 f.

Во время Апатурий действительно получал свои почести и Гефест. Ср.: Deubner L. Attische Feste. S. 233; Malten L. Hephaistos. Sp. 363.

⁴⁸ Stengel P. Ἡφαίστια // RE. Bd. 8. 1913. Sp. 291.

⁴⁹ Mommsen A. Feste... S. 340, Anm. 4.

⁵⁰ Deubner L. Attische Feste. S. 224.

⁵¹ Mommsen A. Feste... S. 292.

⁵² К этой надписи см.: Köhler U. v. Weihinschrift aus Athen // AM. Bd. 8. 1883. S. 226.

⁵³ Hermann K. F. Lehrbuch des gottesdienstlichen Alterthümer der Griechen. 2. Aufl. von K. B. Stark. Heidelberg, 1858; Scherer Ch. Hermes // ML. Bd. 1. Sp. 2342–2432; Stengel P. Ἑρμῆα // RE. Bd. 8. 1913. Sp. 708.

⁵⁴ Pfuhl E. De Atheniensium pompis sacris. Berolini, 1900. P. 53; Deubner L. Attische Feste. S. 230.

⁵⁵ Mommsen A. Feste... S. 301; Deubner L. Attische Feste. S. 230.

⁵⁶ Wilamowitz-Möllendorf U. v. Der Glaube der Hellenen. Bd. 1. 1931. S. 307, Anm. 2.

⁵⁷ Хотя И. Ютнер предполагал, что это изображение не имеет отношения к состязаниям, но представляет культовую церемонию: Jüthner J. Λαμπαδηδρομία. Sp. 570.

⁵⁸ Ср.: Malten L. Leichenspiel und Totenkult // RM. Bd. 38/39. 1923/24. S. 315 f.

⁵⁹ Ср.: Brückner A. Kerameikos-Studien // AM. Bd. 35. 1910. S. 200 f.

⁶⁰ Jüthner J. Λαμπαδηδρομία. Sp. 570.

⁶¹ *Pfuhl E.* De Atheniensium pompis... P. 100, n. 3; *Deubner L.* Attische Feste. S. 228.

⁶² *Deubner L.* Attische Feste. S. 219.

⁶³ *Deubner L.* Attische Feste. S. 219; *Jüthner J.* Λαμπαδηδρομία. Sp. 570.

⁶⁴ О факельных состязаниях на Бендидиях см.: *Martin A.* Lampadedromia. P. 912 f.; *Sitlington-Sterrett J. R.* The Torch-Race... P. 403; *Nilsson M. P.* Geschichte der griechischen Religion // *HA.* Abt. 5. Tl 2. Bd. 1–2. 1941–1950. S. 784.

⁶⁵ *Oehler J.* Γυμνασίαρχος. Sp. 1988; Ср.: *Schömann G. F.* Griechische Altertümer. 2. Aufl. Bd. 1. Berlin, 1861. S. 501.

⁶⁶ *Nilsson M. P.* Geschichte der griechischen Religion. S. 456 f.; 537; 542; 621; 685.

⁶⁷ *Gilbert G.* Handbuch... S. 241.

⁶⁸ *Glötz G.* Gymnasiarchia. P. 1675; *Gardiner E. N.* Greek Athletic Sports... P. 501.

⁶⁹ *Oehler J.* Γυμνασίαρχος. Sp. 1988.

⁷⁰ *Müller H. A.* Panathenaica. P. 62; *Oehler J.* Γυμνασίαρχος. Sp. 1987; *Jüthner J.* Λαμπαδηδρομία. Sp. 574.

⁷¹ *Martin A.* Lampadedromia. P. 909.

⁷² *Oehler J.* Γυμνασίαρχος. Sp. 1988.

⁷³ *Blass F.* Die attische Beredsamkeit. 2. Aufl. Leipzig, 1887. S. 339 f.; *Plöbst W.* Lysias // *RE.* Bd. 13. Tl. 2. 1927. Sp. 2542; *Dover K. J.* Lysias and the Corpus Lysiacum. Berkley; Los Angeles, 1968. P. 44.

Ср.: *Schindel U.* Untersuchungen zur Biographie des Redeners Lysias // *RhM.* Bd. 110. 1967. S. 32–52; *Loening T. C.* The Autobiographical Speeches of Lysias and the Biographical Tradition // *Hermes.* Bd. 109. 1981. S. 280–294.

⁷⁴ *Glötz G.* Gymnasiarchia. P. 1676; *Müller I.* Griechische Privataltertümer // *HKA.* Bd. 4. Hlf. 1. Nördlingen, 1887. S. 382, Anm. 1.; *Gardiner E. N.* Greek Athletic Sports... P. 501.

⁷⁵ *TLG.* Vol. 3. 1835. C. 1693–1694. S. v. 'επιμελητής; *Oehler J.* 'Επιμεληταί // *RE.* Bd. 6. 1909. Sp. 162 f.

⁷⁶ А Э. Цибарт выдвинул и такое, не лишнее смысла предположение: пока гимнасий служил местом упражнения эфебов, надзор за ним мог вести стратег: *Ziebart E.* Zum griechischen Schulwesen // *JEAI.* Bd. 13. 1910. S. 109.

⁷⁷ По этому поводу см.: *Krause J. H.* Die Gymnastik und Agonistik der Hellenen... S. 76; *Schvarcz I.* Die Demokratie. Bd. 1. Leipzig, 1877. S. 9; *Grasberger L.* Erziehung und Unterricht im klassischen Altertum. Tl. 1. Wirzburg, 1864. S. 215; *Exarchopoulos N.* Das athenische und das spartanische Erziehungssystem im 5. und 6. Jahrhundert v. Chr. Largsalza, 1909. S. 43 f.

⁷⁸ *Grasberger L.* Erziehung und Unterricht im klassischen Altertums. Tl. 2. Wirzburg, 1875. S. 464.

⁷⁹ См. по этому вопросу: *Ruschenbusch E.* ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ. Wiesbaden, 1966; *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches.* Leiden, 2006.

⁸⁰ Ср.: *Dittenberger W.* Zu den attischen Ephebeninschriften // *Hermes.* Bd. 12. 1877. S. 2 f.

⁸¹ *Mommsen Th.* Observationes epigraphicae, XLIV. Titulus apamenus // *EE.* Vol. 7. 1892. P. 439; *Oehler J.* Γυμνασίαρχος. Sp. 1975 f.

⁸² *Oehler J.* Γυμνασίαρχος. Sp. 1978.

⁸³ *Grasberger L.* Erziehung und Unterricht... Tl. 2. S. 252.

⁸⁴ *Sundwall J.* De institutiones rei publicae Atheniensium post Aristotelis aetatem commutatis. Helsingfors, 1906; *Oehler J.* Γυμνασίαρχος. Sp. 1989.

⁸⁵ *TLG.* Vol. 5. 1842–1846. С. 77–78. S. v. λαμπαδαρχέω, λαμπαδαρχία, λαμπάδαρχος.

⁸⁶ *Доватур А. И.* Политика и Политии Аристотеля. М.; Л., 1965. С. 88 сл.

⁸⁷ *Oehler J.* Γυμνασίαρχος. Sp. 1989.

⁸⁸ *Holm A.* Griechische Geschichte von ihren Ursprunge bis zum Untergange der Selbständigkeit des griechischen Volkes. Bd. 4. Berlin, 1894. S. 78.

⁸⁹ *Schvarcz I.* Die Demokratie. Bd. 1. S. 542 f.; *Wilamowitz-Möllendorf U.v.* 1) Antigonos von Karystos // *PhU.* Hf. 4 1881. S. 184; 2) Staat und Gesellschaft... S. 11; *Holm A.* Griechische Geschichte. Bd. 4. S. 76; *Arnim H. v.* Demetrios von Phaleron // *RE.* Bd. 4. 1901. Sp. 2823; *Sundwall J.* De institutiones rei publicae Atheniensium... P. 8 sq.; *Ferguson W. S.* 1) Researches in Athenian and Delian Documents, II // *Klio.* Bd. 8. 1908. S. 338 f.; 2) Researches in Athenian and Delian Documents, III // *Klio.* Bd. 9. 1909. S. 323 f.

⁹⁰ *Launey M.* Recherches sur les armées hellénistiques. Paris, 1948–1950. P. 859.

⁹¹ *Oertel F.* Die Liturgie: Studien zur Ptolemäischen und Kaiserlichen Verwaltung Aegyptes. Leipzig, 1912; *Baumgarten F., Poland F., Wagner R.* Die hellenistisch-römische Kultur. Leipzig; Berlin, 1913. S. 33; *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Hellenic World. Oxford, 1941. Vol. 1. P. 619 f.

⁹² *Oehler J.* Leiturgie // *RE.* Bd. 12. Tl. 2. 1925. Sp. 1875 f.

⁹³ *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History... Vol. 1. P. 619 f.

⁹⁴ *Thumser V.* De civium Atheniensium muneribus eorumque immunitate. Wien, 1880. P. 90 f.; *Davies J.K.* Demosthenes on Liturgies: A Note // *JHS.* Vol. 88. 1967. P. 34.

А. Бёк ошибочно говорил только о праздниках по демам: *Böckh A.* Die Staatshaushaltung... Bd. 1. Berlin, 1886. S. 554.

⁹⁵ *Böckh A.* Die Staatshaushaltung... Bd. 1. S. 554.

⁹⁶ *Thalheim Th.* Ἐστίασις // *RE.* Bd. 8. Tl. 2. 1913. Sp. 1315.

⁹⁷ *Böckh A.* Die Staatshaushaltung... Bd. 1. S. 554.

⁹⁸ *Thalheim Th.* Ἐστίασις. Sp. 1315.

⁹⁹ См. примечания Г. Ф. Шемана в издании: *Isaei orationes* / Ed. G. F. Schoemann. Gryphiswaldiae, 1831. P. 265; *Müller O.* De demis atticis. Nordhaus, 1880. P. 18 sq.; *Böckh A.* Die Staatshaushaltung... Bd. 1. S. 554; *Hermann K. F.* Lehrbuch... S. 696.

¹⁰⁰ Wyse W. The Speeches of Isaeus. Cambridge, 1904. P. 365 f.; Davies J. K. Demosthenes on Liturgies... P. 39.

¹⁰¹ Также и слова Исея «прочие афиняне пусть пируют (ἐστῶνται)» (Is., VIII, 21) правильное, по мнению Г. Ф. Шемана, отнести к этим официальным обедам и предположить, что это было регулярным мероприятием: Isaei orationes / Ed. G. F. Schoemann... P. 265.

¹⁰² Woodward A. M. Athens and the Oracle of Ammon // BSA. Vol. 57. 1962. P. 5 f.

¹⁰³ Hermann K. F. Lehrbuch... S. 696; Davies J. K. Demosthenes on Liturgies... P. 37–38.

¹⁰⁴ Schömann G. F. Griechische Altertümer. S. 477; Hermann K. F. Lehrbuch... S. 696.

¹⁰⁵ Ср.: BCH, I, 150 и другие приведенные у В. Тумзера примеры: Thumser V. De civium Atheniensium muneribus... P. 95 f.

К. Ф. Германн предполагал, что если на какой-либо праздник отправлялся один хор, то государство могло не назначать специального хорега, а его место занимал архитеор: Hermann K. F. Lehrbuch... S. 696.

¹⁰⁶ Cauet F. Ἀρχιτέωρος // RE. Bd. 2. Tl. 1. 1896. Sp. 553.

¹⁰⁷ Cauet F. Ἀρχιτέωρος. Sp. 553.

¹⁰⁸ Ср. эпитет Демосфена к литургии — «божественная, посвященная божеству»: Dem., XXI, 56.

¹⁰⁹ TLG. Vol. 8. 1865. S. 1591. S. v. χορηγός.

¹¹⁰ Gärtringen H. v. Errhephoroi // RE. Bd. 6. 1927. Sp. 549.

¹¹¹ Об этом празднике см.: Deubner L. Attische Feste. S. 31; 36.

¹¹² Колобова К. М. Древний город Афины и его памятники. Л., 1961. С. 156.

¹¹³ Подробнее см.: Pfuhl E. De Atheniensium pompis... P. 23–26.

¹¹⁴ Неясности, которые существовали в вопросе движения панафинейской процессии [Wachsmuth C. Die Stadt Athen im Altertum. Bd. 1. Leipzig, 1874. S. 285–307; Mommsen A. Feste... S. 131–136; Pfuhl E. De Atheniensium pompis... P. 23–26], были ликвидированы в связи с раскопками 1930-х гг. на агоре.

¹¹⁵ Для I в. это засвидетельствовано эпиграфически: IG, II², 1034.

¹¹⁶ Ziehen L. Panathenaia // RE. Bd. 18. Tl. 3. 1949. Sp. 468.

¹¹⁷ Описание фризa подробнее см.: Соколов Г. И. Акрополь в Афинах. М., 1968. С. 59–68.

¹¹⁸ См. также: Ziehen L. Panathenaia. Sp. 466.

¹¹⁹ Колобова К. М. Древний город Афины... С. 155, прим. 50.

¹²⁰ Об этой дороге и святилище Афродиты в Садах см.: Broneer O. Eros and Aphrodite on the North Slope of the Acropolis // Hesperia. Vol. 1. 1932. P. 52.

¹²¹ См.: Deubner L. Attische Feste. S. 9 f.

¹²² Об этом имени см.: Gärtringen H. v. Errhephoroi. Sp. 550–551.

¹²³ Robert C. Rez.: Mommsen A. Feste der Stadt Athen im Altertum. Leipzig, 1898 // GGA. Jhg. 161. 1899. S. 549 f.; Gärtringen H. v. Errhephoroi. Sp. 59 f.

¹²⁴ См. комментарии Г. Блюмнера в издании: Pausaniae Graeciae descriptio / Ed. H. Hitzig. Vol. 1. Leipzig, 1896. P. 295; Deubner L. Attische Feste. S. 11–12.

¹²⁵ Jahn O. Polykleitos Kanephoren // AZ. Jhg. 18. 1866. S. 253.

¹²⁶ Fehrle E. Die kultische Keuchheit im Altertum. Gießen, 1910. S. 50.

¹²⁷ Mommsen A. Feste... S. 443, Anm. 2.

¹²⁸ Mittelhaus K. Kanephoroi // RE. Bd. 10. 1919. Sp. 1863.

¹²⁹ Michaelis A. Der Parthenon. Leipzig, 1871. S. 292; Pfuhl E. De Atheniensium pompis... P. 22; 139.

¹³⁰ Rohde E. Psyche. Seelenkult und Unsterblichkeitglaube der Griechen. 6. Aufl. Tübingen, 1910. Bd. 2. S. 406 f.

¹³¹ Curtius E. Die Kanephore von Pästum // AZ. Jhg. 38. 1881. S. 27–31.

¹³² См.: Pfuhl E. De Atheniensium pompis... P. 20; 32; Mommsen A. Feste... S. 122.

¹³³ Jahn O. Polykleitos Kanephoren. 253 f.

¹³⁴ Overbeck J.A. Geschichte der griechischen Plastik. 4. Aufl. Leipzig, 1894. S. 41.

¹³⁵ Ср. сопоставление свидетельств у А. Михаелиса: Michaelis A. Der Parthenon. S. 329 f.

¹³⁶ Mommsen A. Feste... S. 142, Anm. 1.

¹³⁷ Gelzer H. Die Sitzinschriften im Dionysostheater in Athen // SBAW. 1872. S. 164 f.

¹³⁸ Ibid. S. 495.

¹³⁹ Curtius E. Die Kanephore... S. 27.

¹⁴⁰ Mommsen A. Feste... S. 528, Anm. 4.

¹⁴¹ Ibid. S. 191, Anm. 3; Pfuhl E. De Atheniensium pompis... P. 43.

¹⁴² Mittelhaus K. Kanephoroi. Sp. 1866.

¹⁴³ Deubner L. ΕΠΑΥΛΙΑ // JDAI. Bd. 15. 1900. S. 144 f.

¹⁴⁴ Ziehen L. Panathenaia. Sp. 486.

¹⁴⁵ Ziehen L. Panathenaia. Sp. 488; Davies J.K. Demosthenes on Liturgies... P. 37.

¹⁴⁶ Mommsen A. Feste... S. 463.

¹⁴⁷ Εὖ, τὸ εὖ — хорошо, хорошее; ἀνὴρ — муж, мужчина; то есть эвандрия — некая мужественность.

¹⁴⁸ Ὀπλος — оружие; то есть эвоплия — хорошая вооруженность, оснащенность.

¹⁴⁹ Τάσσω — ставить в строй, строить; то есть эвтаксия — хороший порядок, построение.

¹⁵⁰ Davies J. K. Demosthenes on Liturgies... P. 37.

¹⁵¹ По этому поводу см.: Ziehen L. Panathenaia. Sp. 484.

¹⁵² Mommsen A. Feste... S. 101–102.

¹⁵³ Ср.: Couve L. Kallisteia, Kallous agon // DA. Vol. 3. P. 1. 1896. P. 799; Cahen E. Panathenaia // DA. Vol. 4. P. 1. P. 310; Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. 2. Спб., 1899. С. 133–134.

¹⁵⁴ Л. Циен не хотел принять такого объяснения факта изменения награды и пытался построить другие гипотезы, которые выглядят, однако, не совсем убедительно: *Ziehen L. Panathenaia*. Sp. 484.

Ср.: *Wolters P. Zu griechischen Agonen*. Würzburg, 1901. S. 12 f.

¹⁵⁵ *Mommsen A. Feste...* S. 153; *Ziehen L. Panathenaia*. Sp. 484.

¹⁵⁶ *Jüthner J. Ἐὐανδρίας ἀγών* // RE. Bd. 6. 1907. Sp. 839.

¹⁵⁷ *Couve L. Kallisteia...* P. 799; *Mommsen A. Feste...* S. 102–103.

¹⁵⁸ *Ziehen L. Panathenaia*. Sp. 484.

¹⁵⁹ *Couve L. Kallisteia...* P. 799.

¹⁶⁰ *Davies J. K. Demosthenes on Liturgies...* P. 39.

¹⁶¹ *Crowther N. B. Euxia, Eutaxia, Philoponia: Three Contests of the Greek Gymnasium* // ZPE. Bd. 85. 1991. S. 303–304; ср. *Robert L. La Carie II*. Paris, 1954. P. 289.

¹⁶² Ср.: *Martin A. Equites* // DA. Vol. 2. P. 1. 1892. P. 758.

¹⁶³ *Hermann K. F. Lehrbuch...* S. 643; *Андерсон Дж. К. Древнегреческая конница* / Пер. М. Н. Серафимова. СПб., 2006. С. 173; ср.: *Thumser V. De civium Atheniensium muneribus...* P. 81 f.

Также А. Мартен говорил о военной литургии, которая по многим статьям отличалась от триерархии: *Martin A. Les cavaliers Athéniens*. Paris, 1886. P. 307.

¹⁶⁴ *Fränkel M. Anmerkungen des Herausgebers zum Ersten Band* // *Böckh A. Die Staatshaushaltung...* Bd. 2. S. 110*; 755.

¹⁶⁵ К. Ф. Германн наряду с первым видом гиппотрофии признавал и этот литургической обязанностью, однако считает, что литургией была не организация этого состязания, а участие в нем: *Hermann K. F. Lehrbuch...* S. 643. В. Тумзер и А. Мартен, также признавая оба вида гиппотрофии, подчеркивали, однако, особо, что сами всадники не принимали участие в состязаниях: *Thumser V. De civium Atheniensium muneribus...* P. 81 f.; *Martin A. Les cavaliers...* P. 302 f. Кроме того, А. Мартен выделял еще один вид гиппотрофии — для службы городу (*Is.*, V, 43; *Lys.*, XIX, 63; *Dem.*, XLII, 24; *Xen. hipp.*, I, 11), который он, однако, считал не литургией, а непосредственно службой: *Martin A. Equites*. P. 760.

¹⁶⁶ *Martin A. Equites*. P. 756.

¹⁶⁷ См. по этому поводу: *Wycherley R.E. Xenophon, Hipparchicus, 3. 6–7: Cavalry at the Lyceum* // ClR. Vol. 13. 1963. P. 14–15; *Kyle D.G. Athletics in Ancient Athens*. Leiden, 1978. P. 80.

¹⁶⁸ Об участии всадников в панафинейской и дионисийской процессиях см.: *Martin A. Equites*. P. 756 sq.

¹⁶⁹ Подробнее см.: *Martin A. Les cavaliers...* P. 261–263; *Reisch E. Ἀνθιππασία* // RE. Bd. 1. 1894. Sp. 2378–2379; *Kyle D. G. Athletics in Ancient Athens*. P. 95–97; 189–190.

¹⁷⁰ *Martin A. Equites*. P. 758; *Pritchett W. K. Greek Inscriptions* // *Hesperia*. Vol. 9. 1940. P. 11–112; *Meritt B. D. Greek Inscriptions* // *Hesperia*. Vol. 15. 1946. P. 176–177; *Moretti L. Inscrizioni agonistiche Greche*. Roma, 1953. P. 66–68.

¹⁷¹ Вопрос о том, идет ли речь об Олимпийских играх или афинском празднике, см.: *Shear T. L.* The Athenian Agora: Excavation of 1970 // *Hesperia*. Vol. 40. 1971. P. 271–272; *Vanderpool E.* Victories in the Anthippassia // *Hesperia*. Vol. 43. 1974. P. 311–313; *Parke H. W.* Festivals of the Athenians. Ithaca; New York, 1977. P. 143–144; 198–199; *Kyle D. G.* Athletics in Ancient Athens... P. 46; *Walbank M. B.* Regulation for an Athenian Festivals. *Studies in Attic Epigraphy, History and Topography* // *Hesperia*. Suppl. 19. 1982. P. 179.

¹⁷² *Bugh G. R.* The Horsemen of Athens. Princeton, 1988. P. 59.

¹⁷³ Предположительную реконструкцию монумента см.: *Pharaklas N.* ΤΙ ΙΣΤΑΤΟ ΕΠΙ ΤΗΣ ΒΑΣΕΩΣ ΤΟΥ ΒΡΥΑΧΙΔΟΣ ? // *AD*. Vol. 24. 1969. P. 59–65.

¹⁷⁴ Ср.: *Shear T. L.* The Athenian Agora... P. 271–272.

¹⁷⁵ *Bugh G. R.* The Horsemen... P. 60.

Глава III

ТРИЕРАРХИЯ

3.1. Предварительные замечания

Помимо ординарных (ἐγκύκλιαι) литургий, существовали и другие — экстраординарные, или военные, назначавшиеся не постоянно, а в военное время и для военных целей. Наиболее значимая из них — триерархия, которая, по мнению Г. Ф. Шемана, была даже самой важной и, соответственно, наиболее дорогой из всех литургий¹.

Важнейшим источником в вопросах, связанных с триерархией, являются так называемые «Аттические морские известия» — *“Tabulae curatorum navaliūm”*, которые собраны в малом издании греческих надписей, сделанном в 1927 г. И. Кирхнером². Другой весьма важный источник — речи Демосфенова корпуса, невзирая на проблему их подлинности, поскольку их принадлежность автору важна в связи с нашей темой лишь в незначительных местах³.

Прочие замечания относительно нашей темы, появляющиеся у схолиастов-современников или позднейших, а также в исторических сочинениях, значительно уступают указанным выше источникам по степени важности содержащейся там информации. Кроме того, их привлечение более важно для V в., чем для IV в.

Специальных исследований по вопросу института триерархии не так много, как этого можно было бы ожидать. Оставив в стороне описанные уже общие работы, посвященные афинскому государственному управлению и рассматривающие в этой связи триерархическую обязанность граждан на фоне афинских литургий вообще, укажем наиболее важные специальные работы⁴.

Основу исследований по интересующий нас проблеме (как, собственно, и по другим рассматриваемым в настоящей работе вопросам) заложил Август Бёк в своем «Государственном устройстве афинян», о котором уже неоднократно велась речь. Наиболее важна для нашей темы его работа, вышедшая как третий том, как приложение к указанному выше труду. Речь идет о книге А. Бёка *“Urkunden über das Seewesen*

des Attischen Staates», увидевшей свет в 1840 г.⁵ и не переиздававшейся после этого, в отличие от первых двух томов этого труда. Собственно, “*Urkunden...*” можно считать самостоятельным цельным исследованием (как это, собственно, и принято в историографии; в настоящей работе ссылки на это произведение будут даваться как на самостоятельное).

Работа А. Бёка представляет собой публикацию 18 надписей, так называемых «Аттических морских известий», половина из которых представляют собой инвентарные списки кораблей, а прочие являются документами, также отражающими мероприятия по оснащению кораблей. Публикация надписей (S. 257–579) предваряется теоретическим материалом, разделенным на две части. Одна часть посвящена предварительным техническими комментариям относительно самих надписей (вопросы особенностей алфавита, языка и т. д.), а другая представляет собой ценнейшее исследование по поводу всевозможных морских реалий: от описания составных частей греческого корабля до анализа института триерархии.

Этот труд примечателен не только масштабностью исследования, но и глубиной — такой, что лишь немногие сделанные в этой работе выводы были оспорены или откорректированы впоследствии. Большинство же основных положений были подтверждены позднейшими исследователями, привлекавшими также новый литературный и эпиграфический материал.

В сущности, наиболее глубокие и ценные исследования относительно нашей темы были проведены уже в XIX в. Так, вскоре после издания труда А. Бёка появился труд Арнольда Шефера «Демосфен и его время» в четырех томах (1858)⁶ с ценными корректурами выводов А. Бёка. Глубокий анализ «морских известий» провел Ульрих Кёлер в серии статей в «*Mitteilungen des deutschen Archäologischen Instituts*»⁷, который, кстати, также выступил с критикой некоторых положений А. Бёка, но с другой стороны, подтвердил и правоту ряда реконструкций этого исследователя.

Вторым после А. Бёка крупным исследованием по интересующему нас вопросу стала диссертация Вальтера Колбе «Избранные вопросы о морском деле афинян», изданная в 1890 г.⁸ На фоне широкого представления афинского морского флота проведено глубокое и квалифицированное исследование касательно триерархии как военной должности и гражданской повинности. Позднее В. Колбе провел некоторые дополнительные исследования в своей статье в «*Mitteilungen des deutschen Archäologischen Instituts*», вызванной публикациями У. Кёлера в этом журнале⁹.

В этих названных трудах XIX в. и были проведены важнейшие исследования и рассмотрен доступный для того времени материал. А наиболее ценными работами, вышедшими с начала прошлого века, являются статьи по отдельным вопросам, вызванные либо новыми находками, либо существующими разногласиями предшествующих исследователей.

Прежде всего, стоит отметить энциклопедическую статью Мориса Бриллианта в изданном Ш. Дарембергом и Э. Сальо «Словаре греческих и римских древностей» (1919) и Германа Штрасбургера в «Реальной энциклопедии» Паули–Виссова (1939)¹⁰, которые дают обзор источников и основных выводов предшествующих исследователей, представляя цельную и яркую картину по проблеме триерархии в Афинах (а также и вне Аттики). Подобным же образом освещена данная проблема в работах Ульриха Каршtedта, наиболее интересным для нас трудом которого является первая часть его «Исследований публичного права Афин»¹¹.

Важный материал содержат ряд статей, посвященных публикациям и интерпретациям отдельных «морских известий», где привлекается новый материал и освещается более свежий взгляд на отдельные проблемы. Заслуживают внимания статьи Иоганна Зундвала, Германа Френкеля, Бенджамина Д. Меррита, Альфреда Кёрте¹².

Во второй половине XX в. вышел ряд книг, посвященных афинскому флоту вообще, из которых стоит отметить диссертацию Дж. М. Армстронга «Триерархия и общинная организация афинского флота»¹³ и книгу Боримира Джордана «Афинский флот в классический период»¹⁴. Работа последнего автора, несмотря на его спорные выводы по ряду вопросов, содержит все же ценные наблюдения и реконструкции по отдельным проблемам, некоторые из которых ранее не поднимались или же им не уделялось достаточного внимания.

Большой вклад в разработку нашего вопроса внесли в своих статьях и современные исследователи. Различным моментам института триерархии и литургии вообще посвящена серия статей Эберхарда Рушенбуша; разрешение ряда важных проблем предлагают в своих публикациях также Клод Моссе и Винсент Габриелсен¹⁵.

В настоящей работе остановимся, прежде всего, на сущности института триерархии в классических Афинах и обозначим основные проблемы, возникающие при этом, опираясь на главные источники по этому вопросу. Для знакомства с антикварными деталями, которые не освещают собственно сущность этого института, следует обратиться к специальной литературе, ссылки на которую будут, по возможности, даваться в тексте.

3.2. Сущность триерархии

Этимология слова «триерархия» (τριεραρχία) прозрачна: τριήρης — триера и ἀρχή — власть, управление. То есть исполнитель триерархии, который назывался, соответственно, триерарх (τριεράρχης, τριήραρχος), должен был осуществлять некую деятельность по управлению, командованию триерой.

Позднее в Афинском флоте были введены и другие корабли: тетреры (тетρήρης), пентеры (πεντήρης) и триаконтеры (τριάκοντορος, τριήκοντερος), — но все же название триерарх для командующего сохранялось и в последующее время вплоть до самого конца существования этого института. И служба, например, на тетрере называлась также триерархия (IG II², 1628 a. 1631 b, 139 sq.)¹⁶; из «морских известий» узнаем о триерархе триаконтеры¹⁷, из Полибия — пентеры (*Polyb.*, XVI, 5, 1)¹⁸.

Появление триерархии следует искать в Афинах, где, собственно, только и можно в достаточной степени проследить развитие этого института, притом что ряд свидетельств указывает на то, что он был воспринят в качестве литургии и в других государствах круга греческой культуры¹⁹.

Триерархия в Афинах была введена морским законом Фемистокла 483/82 г.²⁰ На деле этот институт сменил систему навкрарий. Вопрос о навкрариях весьма спорен из-за немногочисленности и противоречивости свидетельств. Но есть один пункт, в котором сходятся все исследователи: навкрарии были некими подразделениями гражданского коллектива, тесно связанными с флотом, члены которых образовывали институциональную структуру, ответственную за оснащение, содержание и командование военными кораблями в доклассических Афинах²¹. Р. Томсен называет эти подати навкрарий на содержание флота литургией и считает, что они были весьма обременительны²².

Особняком стоит одно единственное сообщение Псевдоаристотеля ([*Arist.*] оес., II, 2, 4), которое относит введение триерархии еще ко времени Гиппия. Не ясно, как следует интерпретировать этот факт: либо просто не принимать во внимание это сообщение, посчитав его неким заблуждением автора²³, либо не воспринимать это свидетельство буквально²⁴.

Об упомянутой реформе Фемистокла сообщают нам Аристотель (*Arist. Ath. pol.*, 22, 7) и Полиен (*Polyaen.*, I, 30, 5). По словам последнего, наиболее состоятельным гражданам (τοῖς πλουσιωτάτοις) было дано по одному таланту для постройки каждым одной триеры, при этом эта

сумма оставалась у строившего лишь тогда, когда их работа признавалась удовлетворительной, при неудовлетворительном выполнении заказа деньги должны были быть возвращены государству. Именно в этом постановлении, которое с успехом было приведено в исполнение, мы и должны видеть основание триерархии как литургической обязанности. Несмотря на анекдотическое обличье, которое уже получило это событие в нашем сообщении, достоверность этого рассказа, по мнению значительного числа исследователей, достаточно велика²⁵, хотя У. ф. Виламовиц-Мёллендорф и призывал относиться к этому известию с большой долей недоверия²⁶.

Конечно, скудное замечание оставляет без ответа многие отдельные вопросы, но в своей главной информации содержит внутреннюю правдивость, а именно, в достаточной степени надежное свидетельство об основательном расширении афинского флота Фемистоклом. До Греко-Персидских войн, когда одна навкратия поставляла один корабль²⁷ (*Schol. Aristoph. Pac.*, 1200) (изначально было 48 навкратий, а со времени Клисфена функции навкратии, по свидетельству Аристотеля, перешли к демам: *Arist. Ath. pol.*, 21, 5), афинский флот был слаб и малочислен. Так, в войне против Эгины Афиняне имели всего 50 кораблей, к которым прибавили еще 20 коринфских (*Herod.*, VI, 89; *Thuc.*, I, 41,2).

Фемистокл же предпринял расширение афинского флота, сделав это, по словам Геродота, следующим образом. Во время упомянутой войны с Эгиной в государственной казне Афин была значительная сумма денег, полученная от эксплуатации Лаврийских серебряных рудников, которая должна была быть поделена между гражданами. Фемистокл же сумел убедить граждан построить на эти деньги боевые корабли (*Herod.* VII, 144; *Thuc.*, I, 14,3), каковые деньги, вероятно, и были розданы богатейшим гражданам по одному таланту. Геродот, в отличие от Полиена, говорит о строительстве 200 кораблей, что, по мнению У. ф. Виламовица, не соответствовало действительности²⁸, хотя есть мнение, что здесь речь могла идти об общем количестве кораблей, участвовавших в сражении при Саламине.

Так вот, если однажды наступило такое время, когда старая система навкратий перестала удовлетворять требованиям государства и появилась необходимость замены ее новым устройством, то это должно было быть именно то время, как справедливо считает Г. Штрасбургер²⁹, когда была заложена основа Афинской морской державы, благодаря строительству за раз 100 триер, вслед за которыми еще до Саламинского сражения последовали другие 60³⁰. И основание института триерархии следует, как кажется, отнести именно к этому времени.

То, что с самого начала предполагалось возложение этого финансового бремени на отдельных лиц в виде литургии, следует из указания, что именно богатейшие (а не просто наиболее подходящие по состоянию) были привлечены к этому мероприятию. К тому же это мероприятие определенно предполагало дополнительно личные издержки, поскольку суммы в один талант, как будет показано ниже, было достаточно только для покрытия издержек на корабельные снасти, не более того.

Корабли были, как правило, собственностью государства и предоставлялись им триерарху в распоряжение³¹. Известны случаи несения службы на своем, то есть поставленном на свои средства, корабле, но это все же мы должны считать исключением³². В первое время после введения триерархии Совет обязан был заботиться о постройке ежегодно 20 триер³³. В наших источниках мы можем встретить собственно τριηρολοιοί (*Aeschin.*, III, 30)³⁴. Государство предоставляло триерарху лишь остов и мачту, а ему надлежало оснастить корабль всем необходимым и полностью подготовить к отплытию. То, что государство в течение всего времени существования триерархии само поставляло корабельный остов, засвидетельствовано в надписях³⁵, о чем говорят также и Фукидид (*Thuc.*, I, 41, 2) и Аристофан (*Aristoph. Equit.*, 913 sq.)³⁶.

Судя по всему, при распределении кораблей по триерархам состояние судов во внимание не принималось, а все необходимые ремонтные работы должны были стать заботой триерарха. Поэтому чтобы избежать, по возможности, какой-либо коррупции или проявления личных пристрастий, примерно с конца Пелопоннесской войны³⁷ корабли стали, как кажется, распределяться по жребию³⁸, но и этот порядок позднее часто нарушался (*IG*, II², 1629 — 325/4 г.)³⁹.

Кроме самого корпуса, государство не позднее, чем в Пелопоннесскую войну⁴⁰, стало предоставлять весь необходимый для функционирования и морской деятельности корабля съемный инвентарь (*Aristoph. Equit.*, 911–918): деревянные снасти (σκεύη ξύλινα) и паруса (σκεύη κρεμαστά) (*IG*, II², 1608. 1627 с. 1628 а), — каковое мероприятие, как справедливо отметил В. В. Латышев⁴¹, было проведено в целях облегчения бремени триерархии, и такая политика вызвала впоследствии кардинальные изменения внутри этого института начиная с конца V в. (об этом речь пойдет ниже).

Для Сицилийской же экспедиции, по словам Фукидида, государство поставило неоснащенные (κενάς) корабли (*Thuc.*, VI, 31, 3), что предполагает, что все необходимые снасти триерархи поставили за свой счет. Г. Штрасбургер, не доверяя такой возможности, предполагает, что в этом случае речь может идти о прежних предметах корабельного снаря-

жения, использованных триерархами заново⁴². Но мы знаем, что многие предпочитали совершать оснащение на собственные средства, чтобы избежать неясностей при расчете (*Dem.*, XLVII, 23; L, 7. 34; LI, 5)⁴³.

С помощью принятых от государства вещей триерарх должен был сделать свой корабль пригодным к морской службе и спустить с верфи на воду (*Dem.*, L, 4). Этот процесс детально изображен у А. Кирххоффа⁴⁴. Также в обязанность триерарха входило содержание судна во время плавания и его текущий ремонт⁴⁵.

О формировании корабельной команды в лице матросов, гребцов и солдат первое время после введения триерархии заботилось государство, совершая его при помощи официального набора. Но позднее и это вошло в круг обязанностей триерарха, о чем сообщает Фукидид уже для 430 г. (*Thuc.*, VI, 31, 3)⁴⁶, а также Демосфен (*Dem.*, XXI, 154)⁴⁷. Закон Перияндра 357 г. восстановил прежний порядок⁴⁸.

Экипаж триеры состоял из 170 гребцов (*ναῦται, πλήρωμα*), 10 снаряженных, как гоплиты, эпибатов, 4 защитников-лучников и высшего корабельного командования в лице кормчего (*κυβερνήτης*), его помощника (*πρωράτης, πρωρέυς*), лица, отдающего команды гребцам (*κελευστής*), его помощника-флейтиста (*αὐλητής*), «пятидесятника» (*πεντηκόνταρχος*) и корабельного плотника (*ναυπηγός*)⁴⁹.

Кроме того, источники упоминают среди членов команды триеры неких *ὑπηρεσία* (*Lys.*, XXI, 20; *Dem.*, L, 10. 30. 32. 35. 36), о сущности которых имеются весьма скудные прямые свидетельства. Это слово, начиная с Г. Бузольта, принимали за общее название для лиц, осуществляющих командование кораблем, то есть для офицерского состава⁵⁰.

Б. Джордан в своей статье предпринял попытку пересмотреть традиционный взгляд и из значения слова *ὑπηρεσιον* как «гребной ящик», предложил и *ὑπηρεσία* считать гребцами, а после привлечения и других источников пришел к заключению, что эти гребцы-*ὑπηρεσία* были государственными рабами⁵¹.

Вызванная этой публикацией ответная статья Э. Рушенбуша выступила в защиту традиционного представления, и автор убедительно доказал, что приводимые первым исследователем места из источников вовсе не доказывают сущность *ὑπηρεσία* как гребцов-рабов, но все же возвращают в русло ортодоксального представления о них как об офицерском составе. Э. Рушенбуш развенчивает и другой вывод своего коллеги, показывая, что гребцы на афинских триерах не были рабами, поскольку из источников знаем, что эта служба требовала большой профессиональной подготовки (*Xen. Hell.*, I, 6, 24). А если вспомним, что после сражения граждане скорбели по поводу гибели гребцов (*Thuc.*, VIII, 1),

то идентифицирование их с государственными рабами в этом случае может вызвать только недоумение. Таким образом, Э. Рушенбуш приходит к заключению, что ὑπηρεσία были корабельными офицерами, а рабов на триерах не было вовсе⁵². Мы имеем и прямое указание Аристофана (*Aristoph. Ran.*, 692–699), что до битвы при Аргинусских островах рабы в качестве гребцов не использовались (*Aristoph. Ran.*, 692–699); как было после этой битвы, нельзя сказать с точностью.

Далее Э. Рушенбуш пытается определить даже процентный состав представителей различных социальных слоев на триере и предлагает следующие цифры: «...Экипаж триеры во время Пелопоннесской войны состоял, как правило, из 80 афинских граждан, 60 наемников и 60 мектеков»⁵³.

Триерарх был обязан лично присутствовать на корабле во время плавания и не просто присутствовать, а брать на себя обязанности по непосредственному командованию кораблем. Также должен был соответствующим образом обучить гребцов (*Dem.*, LI, 5).

Хотя выплата жалования экипажу и содержание его во время плавания производились из государственных средств, все же порой это могло лечь и на плечи триерарха. Так как непосредственная выплата команде производилась самим триерархом⁵⁴, то в случае, если стратег, который передавал тому государственные деньги, по какой-то причине бросал его на произвол судьбы, триерарх был вынужден выплачивать жалование из своего кармана, чтобы не вызвать бунта со стороны экипажа (*Dem.*, L, 10. 12). А в ряде непредвиденных ситуаций триерарх должен был, вероятно, отвечать и за продовольственное снабжение команды⁵⁵.

У того же Фукидида узнаем даже о, вероятно, добровольной дополнительной выплате жалования для всей команды из средств триерархов, что имело место в начале Сицилийской экспедиции, и о дорогой отделке своих кораблей, что остальным эллинам напоминало более состязание в роскоши, нежели подготовку к отплытию (*Thuc.*, VI, 31, 3). То, что в определенной ситуации триерарх производил выплату жалования экипажу из своих средств, подметил еще М. Френкель, ссылаясь на сообщение Демосфена (*Dem.*, LI, 6)⁵⁶, но был несправедливо опровергнут К. Ф. Германном⁵⁷.

Расходы триерарха за все время его активной деятельности составляли в среднем 40–60 мин, то есть около 1 таланта. Вот что дают источники конкретно: 40 мин называет Демосфен (*Dem.*, XXI, 8. 154); 48 мин — Лисий (*Lys.*, XXXII, 24 sq.); у того же Лисия указаны расходы в течение семилетней триерархии, которые составили 6 талантов, то есть в среднем 51 1/3 мины в год (*Lys.*, XXI, 2); Демосфен называет также

сумму в 1 талант (*Dem.*, XXI, 155)⁵⁸. Это в то время, когда одна драхма была средним дневным заработком ремесленника⁵⁹. Назывались эти расходы триерархема (τριεράρχημα) (*Harp. s. v.* τριεράρχημα: «трата на триерархию...»).

Триерархия была повинностью граждан. Метеки, кажется, как правило, не допускались до единоличной триерархии⁶⁰. Внутри гражданского коллектива также были лица, не привлекаемые к расходам триерархии, хотя они могли соответствовать в отношении своего имущества. Это были девять архонтов (*Dem.*, XX, 18; XXVII, 28), дочери-наследницы, сироты в возрасте 19 (или 20) лет, то есть по прошествии года (или двух) с совершеннолетия, которое наступало в 18 лет; также от расходов триерархии были освобождены состояния клерухий и корпораций (*Lys.*, XXXII, 24; *Dem.*, XX, 27; XIV, 16)⁶¹. Другие освобождения издавна строго избегались (*Dem.*, XX, 18).

Из одного места «Речи о венке» узнаем о существовании закона (*Dem.*, XVIII, 106), который позволял привлекать к триерархии лишь лиц в возрасте от 25 до 40 лет. В свою очередь декрет Фемистокла (*Hesperia*, XXIX, 198, 22)⁶² называет верхний предел возраста триерарха 50 лет. Эти разногласия свидетельств позволяют предположить, что ограничения возраста (как его нижняя, так и верхняя границы) были нерегулярны и изменчивы.

Подтверждают эту нерегулярность известные нам просопографические свидетельства. Так, Исократ три раза подвергался триерархии в промежутке между 357 и 353 гг., когда ему было свыше 80 лет (*Isocr.*, XV, 9. 145; [*Plut.*] *Vit. X orat.*, 838 a; 839 c)⁶³, хотя военная обязанность мужчин оканчивалась с 60-летним возрастом⁶⁴. С другой стороны, Демосфен служил триерархом, когда ему было лишь около 20 лет (в 364/3 г.)⁶⁵. Еще один афинянин IV в., Эветион, сын Автоклида, из дема Сфетта, был триерархом в возрасте около 65 лет⁶⁶.

Факт вступления в должность триерарха в весьма немолодом возрасте, как это случилось с Исократом (или напротив, как в случае с Демосфеном, чрезвычайно молодым), вызывает предположение, что, покрыв издержки триерархии, лицо, назначенное официально для исполнения этой литургии, имело право передать непосредственное управление кораблем в другие руки — своему представителю, вероятно за определенную плату⁶⁷. Да и общий установленный принцип избрания триерарха не по его квалификации, а исключительно по состоятельности также дает почву для предположения о существовании такого представительства, как вполне законного явления. И именно этот факт, по мнению Б. Джордана, должен был определять, подвергнется ли триерарх воз-

растному ограничению: возраст тех, кто просто жертвовал деньги без службы в море, не ограничивался, в то время как выходившие в море триерархи должны были быть молоды⁶⁸.

По этому вопросу мы не имеем достаточных свидетельств для V в., но относительно IV в. существование случаев «продажи» непосредственной военной триерархической службы (*τριερarchίαν μισθοῦν*) в достаточной степени засвидетельствовано (*Dem.*, L, 52; LI, 7 sq.), а первым зафиксированным случаем этого должны считать отданную службу в 364/3 гг. (*Dem.*, XXI, 80. 154)⁶⁹. Засвидетельствована также передача подрядчикам работы по оснащению корабля (*Dem.*, XXI, 155), из чего А. Кирххофф делает вполне напрашивающийся вывод о законном характере обоих мероприятий⁷⁰.

Не желал признать законность этого Г. Штрасбургер, ссылаясь, в первую очередь, на свидетельство L речи Демосфена и недоумевая, почему же Аполлодор, торопясь домой по своим семейным причинам и, следовательно, будучи готовым на любые расходы, не купил себе за деньги представителя, чтобы определить его на свой корабль, если это было вполне законным мероприятием, а вынужден был задержаться на корабле весьма значительный срок⁷¹. Странное недоумение хотя бы потому, что нигде не упоминается о готовности Аполлодора расходовать какие бы то ни было лишние деньги. Не веря в законный характер подобных предприятий, Г. Штрасбургер все же не проигнорировал многочисленные демосфеновы свидетельства о сдаче на подряд триерархической службы (да и оснащения триера) и допустил возможность таких сделок, совершавшихся «при молчаливом согласии начальства»⁷².

В любом случае, это, как кажется, народом не приветствовалось (*Dem.*, LI, 11). А с другой стороны, всегда была опасность в случае какой-нибудь неблагоприятной ситуации быть обвиненным в дезертирстве (*γραφή λειποταξίου*) (*Dem.*, LI, 8), хотя в действительности, по наблюдению Г. Гильберта, столь строгая мера применялась весьма нечасто⁷³. При добровольном снаряжении корабля (*ἐπιδοσις*) у жертвователя, вероятно, должно было оставаться право свободного выбора, принимать или нет самому управление кораблем. Но даже в этом случае личная служба на корабле считалась, как кажется, делом чести (*Dem.*, XXI, 163. 165).

В общем, можно предположить, что ни профессиональная, ни физическая непригодность не могли служить достаточным оправданием для отсутствия на своем корабле. К тому же следует учитывать, что на корабле должен был находиться вполне компетентный персонал⁷⁴, который мог свести деятельность триерарха к формальному присутствию того на судне.

Относительно проблемы выбора триерархов возникают два вопроса: «Выбирали путем голосования или назначали афиняне капитанов для своего флота?» и «Если триерархи не выбирались, то кто их назначал?»

Ответить на первый вопрос можно без особого затруднения. Для этого мы располагаем двумя свидетельствами, согласными между собой (это показания Фукидида и Псевдоксенофонта), которые говорят о том, что триерархи служили по назначению и происходило это назначение заранее, до начала гражданского года (*Thuc.*, II, 24; [*Xen.*] *de rep. Ath.*, III, 4).

Относительно второго вопроса для V в. сведений недостаточно. Названные авторы говорят о назначении триерархов, но не указывают, кто производил это назначение. Есть много оснований принять предположение В. Колбе (который, к сожалению, не смог найти свидетельств для поддержки своей гипотезы), что назначение триерархов входило в круг деятельности стратегов⁷⁵.

Во-первых, насколько нам известно, стратеги при ассистентстве таксиархов всегда были ответственны за набор служащих и офицеров для афинской военной службы⁷⁶.

Во-вторых, для IV в. свидетельства о назначении триерархов стратегами вполне очевидны (*Dem.*, II, 30; XXXV, 48; XXXIX, 8; *Arist. Ath. Pol.*, 61, 1; *Suid.* s. v. ἡγεμονία δικαστηρίου), и нет основания отрицать, что эта практика не могла прийти из V в. По крайней мере, у нас нет, как кажется, свидетельств о том, что в IV в. была проведена какая-то модификация или инновация более ранней системы.

Собственно, эту точку зрения о кураторстве набора стратегами и в V в. поддерживают большинство исследователей, но не пытаются обосновать ее более тщательно. После В. Колбе такую попытку предпринял Б. Джордан, рассмотрев два свидетельства, которые мы имеем именно для V в. Речь идет об Аристофане, во «Всадниках» которого Клеон говорит Колбаснику, что заставит его справлять триерархию (ἐγὼ σὲ ποιῶσω τριεραρχεῖν) (*Aristoph. Equit.*, 912–918). А схолиаст в объяснении к этому месту говорит, что стратеги имели обыкновение налагать триерархию на своих персональных противников (*Schol. Aristoph. Equit.*, 912–918).

В. Колбе, хотя это свидетельство и служит непосредственным подтверждением его теории, все же остерегся доверять ему и предложил перевести слова Аристофана как «я сделаю <так>, что ты будешь триерархом». То есть предложил понять, что Клеон мог это сделать не в связи с его конституированным правом (как следует понимать при первом переводе), но с помощью каких-то интриг. И, соответственно, здесь Аристофан нападает на склонность Клеона досаждать своим сотоварищам и не в качестве военного начальника, но как гражданский политик.

На основании этого В. Колбе утверждает, что и схолиаст неверно понял и интерпретировал это место из «Всадников»⁷⁷.

Как кажется, это весьма надуманное недоверие источнику, вызванное какой-то чрезмерной осторожностью. Даже если слова Аристофана содержат двоякий смысл, то у нас нет оснований выражать крайнее недоверие свидетельству схолиаста. Ведь, как весьма остроумно заметил Б. Джордан, схолиаст мог знать или мог не знать о тонкостях клеоновой политики, «но он знал наверняка, что стратеги назначали триерархов»⁷⁸. И обозначался этот процесс как *τριηράρχους καταλέγειν* (*Is.*, VII, 5; *Dem.*, XXV, 48; *Arist. Ath. pol.*, 61). Однако ничего более или менее конкретного о правилах или порядке выбора триерарха мы не знаем⁷⁹.

В связи с проблемой назначения триерархов возникает важный вопрос, который был лишен какой бы то ни было научной дискуссии. Это вопрос о том, имел ли выбор триерархов отношение к филам, каковая связь возникает при выборе исполнителей прочих литургий. Имеем ли мы какие-нибудь свидетельства о зависимости или независимости назначения триерархов от принадлежности их той или иной филе? Этот вопрос затрагивали в своих исследованиях В. Колбе и Г. Бузольт, но, кажется, первым, кто обратил серьезное внимание на эту проблему, был Б. Джордан.

Демосфен (*Dem.*, XXXIX, 7–8) говорит, что назначение исполнителей литургий происходило по филам. Предположить назначение триерархов по филам мы можем также из того факта, что Никий, ободряя своих офицеров для похода против сиракузян, обращался к ним по именам и филам (*Thuc.*, VII, 69, 2). Об этом же методе отбора свидетельствуют и служебные списки V в., где имена триерархов приведены согласно филам (*IG*, I², 950. 951. 953; *SEG*, XIX, 42; XXI, 131).

Относительно порядков IV в. Б. Джордан признает сохранение такой практики для начала века, но вслед за В. Колбе и Г. Бузольтом предполагает, что она была вскоре оставлена, что в целом демонстрируют официальные списки⁸⁰. По мнению Б. Джордана, эти перемены произошли с изменением критерия отбора, ориентировавшегося теперь все более и более на личное богатство, нежели на принадлежность тому или иному гражданскому коллективу⁸¹.

И для Б. Джордана кажется вполне естественным предположить прекращение ориентации на филы для времени введения симморий (см. ниже). Однако для этого времени не все так просто. Более полно эта проблема будет рассмотрена в соответствующем месте.

Как всякая литургия, триерархия была годичной. Однако возникает вопрос, какой год имелся в виду в связи с триерархической обя-

занностью: фактический (то есть полный год с момента вступления в должность) или архонтский (то есть исполнение триерархической обязанности в рамках одного гражданского года, независимо от времени вступления в должность).

Первым попытался ответить на этот вопрос уже А. Бёк. В его «*Urkunden über das Seewesen des Attischen Staates*» читаем: «В речи против Поликла (50, 14)... говорится, что, когда истекла триерархия Аполлодора, пришел новый стратег, но не был приведен последователь: итак, если стратегия началась с наступлением (архонтского) года, то, кажется, и новая триерархия должна начаться в таком случае с (архонтским) годом...» Затем А. Бёк пытается изменить свой взгляд, проводя исследования относительно греческого календаря, запутываясь при этом в трудностях⁸².

Дело было приведено в порядок А. Шефером, продемонстрировавшим, что год триерархической службы совпадал с гражданским (архонтским) годом⁸³, и бурной дискуссии по этому поводу больше не возникало. А последующие исследователи принимали одни — одну, другие — другую точку зрения, главным образом, без ссылок на источник или исследование. Точку зрения о продолжительности триерархии полный год отстаивают В. Колбе, Г. Бузольт, Г. Штрасбургер⁸⁴. Ряд исследователей выражается неясно, говоря просто, что триерархия длилась год⁸⁵. Не ясно, что имеет в виду В. В. Латышев, говоря, что «триерархия длилась целый год»⁸⁶, скорее всего здесь подразумевается полный год службы.

Однако недавнее исследование Э. Рушенбуша вернуло доказанную точку зрения о продолжительности триерархической службы в рамках одного архонтского года, а с другой стороны, продемонстрировало отсутствие веских оснований принять другую точку зрения⁸⁷. Итак, триерархи назначались до начала архонтского года, и с окончанием его и сменой большинства афинских магистратур сменялись на кораблях и триерархи.

Если назначение триерархов в V в. проводилось, как было показано выше, регулярно и до начала архонтского года, то вопрос по поводу назначения в IV в. является предметом споров. Так, А. Бёк, полагаясь на свидетельства морских инвентарных списков, которые, по словам Б. Джордона, «он знает лучше, чем кто бы то ни было с его времени», считал, что назначение триерархов приходилось, как и в предыдущем веке, на начало года⁸⁸. В. Колбе, однако, из литературных свидетельств заключил, что те назначались, лишь когда появлялась непосредственная необходимость спуска кораблей на воду, при этом автор попытался провести свое доказательство, не обращаясь к эпиграфическому мате-

риалу⁸⁹. Однако при внимательном изучении этого вопроса становится очевидным, что эти две точки зрения вполне могут быть примирены.

Даже *a priori* весьма вероятно предположить, что триерархи определялись регулярно к началу года и к началу года они должны были подготовить корабль, на котором в случае необходимости им следовало выйти в море. Трудно поверить, чтобы Афины не имели в своем распоряжении корабли и капитанов, готовых к отплытию в любую минуту.

Даже в мирное время военный флот должен был находиться в готовности. Приходилось или нет триерархам участвовать в военных действиях — это другой вопрос, но заступить на свой пост они должны были. Э. Рушенбуш метко определил эту литургию, как лотерею⁹⁰. И экстраординарность ее выражалась, вероятно, не в том, что триерархи назначались не ежегодно, а в том, что они имели шанс не быть призванными к участию в военных действиях. К тому же и в мирное время могло потребоваться снаряжение кораблей для выхода в море. Например, в целях борьбы с пиратами (*Syll.*, 351–335/4)⁹¹ или просто для поддержания государственного флота в боевой готовности⁹².

В действительности, морские инвентарные списки показывают, что триерархи на самом деле приступали к своим обязанностям в начале года. Лишь 39 кораблей из этих списков значатся неоснащенными, что подразумевает, что огромное количество кораблей в годовом списке были распределены по триерархам. Демосфен также рассматривает ежегодное назначение триерархов как установленную практику (*Dem.*, XIV, 16–17).

Демосфенова речь «Против Поликла» демонстрирует, что назначаемые ежегодно триерархи приступали к своим обязанностям в начале афинского года, что соответствует началу августа по нашему летоисчислению⁹³. Аполлодор прослужил три лишних месяца к тому дню, «когда заходят Плеяды» (*Dem.*, L, 23), что соответствовало в том году 6 ноября⁹⁴. То есть законный срок Аполлодора должен был закончиться (и соответственно, в это же время начался) в начале августа.

Но есть и два свидетельства другого характера, которые определенно демонстрируют, что афиняне призывали и дополнительных триерархов при непосредственной необходимости. Так, Ксенофонт говорит, что гражданин мог ожидать привлечения к расходам триерархии или эйсфоры в любое время, если вспыхнет война (*Xen. оес.*, II, 6). В свою очередь Демосфен осуждает афинян за недостатки организации и готовности в их военном «департаменте», говоря, что те ждут до последнего момента, пока что-то не случится, а до этого не назначают триерархов (*Dem.*, IV, 36).

В то время как первое свидетельство несколько двусмысленно, второе может служить подтверждением теории В. Колбе. Однако Б. Джордан оправданно предлагает понять слова Демосфена следующим образом. В этом месте речь идет не об обычном назначении регулярных триерархов, но о крупной мобилизации флота для войны с Филиппом, и нерадивость афинян в данном случае проявилась не в том, что они вообще не назначили триерархов, а в том, что назначили их в недостаточном количестве, не приняв во внимание серьезность сложившейся ситуации⁹⁵. Таким образом, в этом пассаже речь идет о призвании дополнительных триерархов для командования резервным флотом, в каковом ключе возможно понять и первое сообщение, которое, вероятно, указывает на дополнительные поборы в связи с военным временем.

Практика назначения дополнительных триерархов известна также из официальных декретов, одним из которых (*IG*, II², 1629), принадлежащим 325/4 г., разрешается колонизационная экспедиция в Адриатику; специально этот декрет называет «назначенных триерархов», что наводит на мысль, что те были призваны на службу исключительно для целей транспортировки колонистов.

Вполне естественно предположить, что ежегодно выбиралось столько триерархов, сколько было задействовано на службе кораблей. О количестве кораблей в афинском флоте в середине V в. было уже сказано в начале главы. Относительно же времени Пелопоннесской войны мнения исследователей расходятся вслед за разными числами, предоставляемыми нам источниками. Так, Э. Рушенбуш подсчитал количество действующих кораблей во время Пелопоннесской войны и получил следующие округленные цифры: для 431 г. — 130 действующих кораблей; для 430 — 100; 429 — 70; 428 — 70; 427 — 90; 426 — 120; 425 — 140; 424 — 130; 423 — 40; 422 — 30; 416 — 30 или 50; 415 — 100; 414 — 135; 413 — 230; 412 — 110; 411 — 110; 408 — 100; 407 — 70; 406 — 70. Итак, несмотря на то что во всем афинском флоте в это время было около 300 кораблей, задействованными оказываются в среднем 70–100⁹⁶. Таким, следовательно, должно было быть и количество выбираемых ежегодно триерархов.

Не ясно, как следует расценивать слова Псевдоксенофонта о том, что ежегодно избирались 400 триерархов (*[Xen.] de rep. Ath.*, III, 4), когда такого количества кораблей не было в афинском флоте. Этому сообщению склонны доверять некоторые исследователи⁹⁷, к тому же такое же количество кораблей называет и Страбон (*Strabo*, IX, 1, 15). Столь большое число кораблей, безусловно, вызывает недоверие. Скорее всего, эти сведения нельзя принимать прямо, а следует найти какое-то иное объяснение этих слов.

По постановлению первой половины IV в. лицо, исполнившее триерархию, не могло вновь привлекаться к этой обязанности, пока не истечет год со времени его последней триерархии (*Dem.*, XX, 8). Позднее, кажется, срок был увеличен до двух лет (*Is.*, VII, 38)⁹⁸. А если ориентироваться на аргументацию В. Колбе, то в V в., скорее всего, и вовсе не существовало установленного законом интервала между двумя триерархиями⁹⁹.

По истечении срока службы триерарх не мог оставить руководство кораблем, пока его не сменял преемник (*Dem.*, L, 21. 23). Если тот по какой-то причине медлил и опаздывал, хотя задержка каралась по закону тяжелыми штрафами (*Dem.*, L, 57), находившийся в должности триерарх должен был принять на себя дополнительные расходы до появления сменяющего его лица, которые назывались *ἐπιτριράρχημα* (*Harp. s. v. ἐπιτριράρχημα*: «потраченное после времени триерархии»), и триерарх был в полном праве востребовать их возмещения от назначенного ему преемника (*Dem.*, L, 38).

Вся L речь Демосфена посвящена этой проблеме — вынужденной сверхсрочной триерархии, которая затянулась на 5 месяцев и 6 дней (*Dem.*, L, 1)¹⁰⁰. Л. М. Глускина предполагает, что такая задержка была вызвана какими-то экстренными обстоятельствами. Однако, как справедливо замечает Э. Эркслебен, из слов того же Демосфена известны многие случаи подобных задержек и несвоевременной смены на корабле (*Dem.*, L, 37. 41–42. 68)¹⁰¹. Но ни под каким предлогом триерарх не мог до совершения передачи своего «поста» освободиться от службы¹⁰², если только его стратег не пошел на риск и не позволил остаться месту свободным (*Dem.*, L, 31 sq.).

Так как через руки триерарха проходили значительные суммы денег из государственной казны, а также определенное государственное имущество, то триерарх должен был по истечении срока своей триерархии предоставить логистам отчет о своих расходах (*Dem.*, L, 10. 50; *Aeschin.*, III, 19)¹⁰³. Для этих целей были привлечены и известные списки так называемых эпимелетов верфей (*ἐπιμεληταὶ τῶν νεωρίων*), непосредственного начальства над триерархами при принятии и сдаче кораблей, которые (списки) содержали не только данные о том, какие корабли и снасти были безупречными (*δόκιμος, ἐντελής*), а какие — негодными (*ἄδοκιμος*), но и разъяснения, какие корабли отплыли, какие — остались без триерарха (*ἀνεπικλήρωτοι*), какое снаряжение и в каком состоянии досталось соответствующему триерарху. Наконец, для этого была заведена специальная книга об обязанностях триерархов и корабельного начальства, а также были указаны важные народные решения и решения дикастерий в отдельных процессуальных случаях¹⁰⁴.

Кроме того, триерархи должны были вернуть государству корабль в рабочем состоянии. Если корабль весьма пострадал во время сражения или в бою и триерарх может это доказать, то решение, приняты ли оправдания по этому случаю, следовало в форме судебного разбирательства (*διαδικασία*) между государством и триерархом перед судом гелиастов (куда и сами триерархи могли подать свои жалобы на вышестоящее начальство (EA, 1885, 165, 35: «судебное разбирательство... относительно несправедливых дел против эпимелетов верфи»). Если суд признавал невиновность триерарха, то последний должен был, как правило, вернуть только нос корабля.

Если был вынесен вердикт о вине триерарха в этой аварии, то государство не возмещало ущерб (см., например, IG, II², 1629, 745 sq.; 1631 b, 114 sq. 141 sq.). Триерарх должен был или построить новый корабль и передать его государству, в то время как останки старого, за исключением опять же носа корабля, оставлялись ему, или же он возвращал старый корабль государству и отчислял еще 5000 драхм на постройку нового¹⁰⁵. Если триерарх, несмотря на решение суда, не возводил новый корабль и не доплачивал 5000 драхм, то по приговору суда, а в исключительных случаях и Совета, эта сумма удваивалась¹⁰⁶.

В других «морских известиях»¹⁰⁷ триерархи после возвращения их кораблей для ремонта задерживались начальниками корабельной верфи (AM, V, Veil. III b, 41 sq.), но, кажется, при определенных обстоятельствах получали для этого от государства ссуду в размере 10% от требуемых для ремонта средств (AM, V, Veil. IV c, 1 sq. 77 sq.) или опытных работников для ремонта (IG, II², 1612)¹⁰⁸.

Если какая-то триерархия была отдана «на откуп», то ответственным перед законом оставалось в любом случае лицо, официально определенное к расходам триерархии (*Dem.*, LI, 8). В случае, если триерарх умирал, не окончив погашения своих долгов перед государством, то доделать это вместо него вменялось его наследникам (IG, II², 1622 c, 406 sq.; 1622 e, 587 sq.; 1627 a, 194 sq., 1628 c, 369 sq., 1629 d, 889 sq.).

3.3. Синтриерархия

Чрезмерное бремя триерархии для отдельного гражданина вызвало начиная с конца V в. ряд законодательных реформ, направленных на целесообразное распределение этой повинности между возможно большим числом лиц.

Первым в ряду этих преобразований было разделение обязанности по снаряжению одного корабля между двумя гражданами, так называемая синтриерархия (*συντριεραρχία*), введение которой падает на промежуток между 410 и 400 г. (*Lys.*, XXXII, 24 sq.)¹⁰⁹, а из сообщения Исократы (*Isocr.*, XVIII, 59. 60) Г. Гильберт установил дату 405/4 г.¹¹⁰ Занимающиеся этим вопросом исследователи вполне склонны верить, что синтриерархия была введена именно в это время, «время огромного напряжения ресурсов афинского флота»¹¹¹.

Б. Джордан, однако, предлагает опустить дату введения синтриерархии, опираясь, с одной стороны, на свидетельство той же речи Лисия (*Lys.*, XXXII), из которой, по его мнению, можно сделать вывод, что члены суда уже хорошо знакомы с синтриерархией и способом ее осуществления, поскольку говорящий не тратит слов на объяснение сущности этой практики¹¹².

С другой стороны, есть еще одно свидетельство, которое может некоторым образом прояснить время введения синтриерархии. Речь идет о надписи (*IG*, II², 1951), в которой появляются пары триерархов. Исследования по поводу этой надписи доказали, что эпиграфические и просопографические критерии не могут быть надежными и полными для точной датировки надписи. Несмотря на то что алфавит надписи ионический, у исследователей все же были колебания по поводу датировки этой надписи послеевклидовым временем: характер написания букв и общая компоновка текста соответствуют более документам V в., нежели постевклидовым надписям¹¹³. Это заставило многих исследователей утвердиться в мысли, что камень был высечен в последней декаде V в., и, наконец, Хелен Поуп предложила датировать его 411 г.¹¹⁴

Б. Джордан предлагает еще более опустить эту дату, обращая внимание на важную, по его мнению, деталь, ускользнувшую от взглядов предшествующих исследователей. Дело в том, что строки 229–260 настоящей надписи содержат список имен моряков, которые были гражданами Афития, Пепаретоса, Китноса, Гестиеи, Наксоса, Хиоса, Самофракии, Кеоса, Родоса, Кимолоса. Первым оценил важность этих сведений о службе иноземных моряков Х. ф. Гертринген, который справедливо заметил, что набор моряков с Родоса предполагает мирные отношения между островом и Афинами, и на этом основании датировал надпись четвертым веком, то есть временем, когда Родос после отпадения вновь установил дипломатические связи с Афинами¹¹⁵.

Б. Джордан же замечает, что с равным правом можно утверждать, что здесь подразумеваются дипломатические связи между этими двумя государствами в V в. Важным фактом видится этому исследователю то, что

все государства этого списка — члены Первого Афинского морского союза; к тому же, государства, принимавшие участие в заключении этого союза (кроме Кимолоса, присоединившегося позднее). Этот факт не кажется исследователю простым совпадением, и он предполагает, что надпись должна датироваться тем временем, когда был более-менее цел Первый Афинский морской союз, до отпадения Хиоса и Родоса в 413 и 412/411 гг. соответственно. То есть Б. Джордан предлагает принять достаточно раннее введение синтриерархии, возможно вслед за катастрофой в Сицилии¹¹⁶.

Синтриерархия просуществовала вплоть до времени Периандра (см. ниже), и вместе с тем, что сохранилась существовавшая форма триерархии, тягостное бремя для одного лица все же прекратилось. По мнению самих древних, синтриерархия как раз и являлась наиболее идеальной формой справления этой литургии (*Is.*, V, 36; VII, 38)¹¹⁷.

Но и после введения этого института ряд свидетельств указывает на единоличные триерархии. Из литературных источников это Исей (*Is.*, V, 36): «Но он и сам не стал исполнять триерархию, и с другим не соединился в этих обстоятельствах», что датируется Г. Ф. Шеманом приблизительно 390 г.¹¹⁸ Из эпиграфических такое указание содержит надпись IG, II², 1604, которая принадлежит, вероятно, 377/76 г.¹¹⁹ Другая надпись (IG, II², 1609) наряду с парами триерархов называет и единичных, датируется эта надпись издателем Дж. Сандваллем 365/64 г.¹²⁰, а позднейшими исследователями — Г. Френкелем и И. Кирхнером (самое позднее 370/69 г.¹²¹). Одиночные триерархи появляются еще и в 325/24 г. (IG, II², 1629, 730 sq.).

По поводу разделения обязанностей синтриерархи, по-видимому, заключали между собой договор (*Dem.*, L, 68). Что касается их непосредственного присутствия на корабле, то они могли находиться на нем вдвоем и совместно осуществлять командование либо по половине положенного срока (*Dem.*, L, 37–40. 68)¹²². Надпись IG, II², 1951, которая представляет собой список потерь, вероятно, в сражении при Аргинусских островах¹²³, всякий раз показывает синтриерархов на борту вместе, что Г. Штрасбургер считает вполне оправданным в связи с серьезностью ситуации¹²⁴.

3.4. Симмории

Следующий шаг на пути уменьшения бремени отдельного триерарха был сделан с помощью реформенных преобразований, проведенных Периандром в 357 г. (*Dem.*, XLVII, 21)¹²⁵. Эта реформа осуществила намеченную цель путем значительного расширения круга лиц, под-

вергавшихся триерархическим податям. Теперь число податных было увеличено до 1200 человек, которые были разделены на 20 групп по 60 человек в каждой — так называемые симмории (*συμμορία*) (*Isocr.*, XV, 145; *Dem.*, XIV, 16 sq.; XXI, 155), и это разделение было проведено так, что все симмории владели приблизительно равными частями всего состояния своих 1200 членов¹²⁶.

Один из наиболее спорных вопросов, связанных с проблемой симморий, — о том, имеется ли какая-нибудь связь между этими 20 «триерархическими» симмориями и известными нам также симмориями для сбора военного налога — эйсфоры (*εἰσφορά*). Как следует ожидать, основоположником господствовавшего до 70-х гг. прошлого века взгляда на эту проблему стал А. Бёк, который еще в первом издании своего *“Die Staatshaushaltung der Athener”* высказал мнение о том, что это были два разных вида симморий, существовавших параллельно. Но уже в 1838 г. Г. Ф. Шеман провел важную корректуру рассуждений А. Бёка и высказал предположение о существовании лишь одной системы симморий, предназначенной как для сбора эйсфоры, так и для целей триерархии¹²⁷. Но после того как А. Бёк вновь подтвердил свои выводы в *“Urkunden über das Seewesen des Attischen Staates”* (1840), а также во втором издании *“Die Staatshaushaltung der Athener”* (в 1850)¹²⁸, точка зрения этого исследователя стала господствующей¹²⁹ (хотя Г. Гильберт снова вполне определенно высказался за то, что симмории 378/7 и 357 гг. принадлежат единой системе симморий)¹³⁰.

Этот взгляд основан на комбинации нескольких фактов и заключений. Во-первых, во время с 378/7 по 357 г. существовали лишь симмории для эйсфоры, а триерархия справлялась в первоначальной форме как одиночная служба или в форме синтриерархии.

Во-вторых, из речей Демосфена (*Dem.*, XIV, 16; XXI, 155), называющих 1200 членов триерархических симморий был сделан вывод, что именно столько лиц и было подвергнуто триерархическим расходам¹³¹; а из другого места, указывающего, что ряд лиц, освобожденных от триерархии, все же облагается выплатой эйсфоры (*Dem.*, XX, 28), сделано заключение о том, что число граждан, выплачивающих эйсфору, должно быть, соответственно, больше 1200¹³².

И в-третьих, из сообщения историка Клидема (*FGH*, 323, F. 8) известно о существовании в его время 100 симморий, откуда возникло заключение, что симмории были созданы уже в 378/7 г. и что эти 100 симморий были связаны с гораздо большим числом лиц, обязанных выплачивать эйсфору¹³³.

Число граждан, обязанных выплачивать эйсфору, получается при этом следующим образом: число симморий 100 умножается на такое же

число членов одной симмории, что известно нам для симморий триерархических, то есть на 60. И получается, что плательщиками эйсфоры были 6000 граждан¹³⁴. Р. Томсен, который считал, что было 400 симморий, получает при своих подсчетах еще большую цифру, может быть 9000¹³⁵, а У. Карштедт довел это число даже до 13 800¹³⁶. Однако против таких цифр выступил уже Дж. Э. М. де Сент-Круа¹³⁷.

Такова общая картина сделанных по этому вопросу выводов. И лишь недавно это существовавшее долгие годы убеждение было опровергнуто исследованиями Э. Рушенбуша и К. Моссе. Независимо друг от друга эти исследователи пришли к заключению о том, что афинская система симморий образовывала единую организационную структуру¹³⁸.

Основные тезисы, на которые опирается доказательство Э. Рушенбуша, следующие. Во-первых, бросается в глаза (что, кстати, отметил уже А. Бёк)¹³⁹, что ораторы говорят всегда просто о симмориях, а не о «симмориях для эйсфоры» или «симмориях для триерархии». Но еще более бросается в глаза, что и лексикографы ничего не знают о двух видах симморий, хотя в связи с вопросами, связанными с этими союзами, привлекают достаточно широкий материал¹⁴⁰.

Во-вторых, из слов Исократ (*Isocr.*, XV, 145) узнаем о том, что плательщики эйсфоры ограничивались числом 1200 (каковому сообщению не придавали значения предшествующие исследователи), то есть их количество и количество обязанных к триерархии было идентично¹⁴¹.

И в-третьих, Э. Рушенбуш проводит исследование, с помощью которого доказывает, что плательщиков эйсфоры должно было быть именно столько — 1200 (как и вообще лиц, обязанных к исполнению литургий)¹⁴², и это число не должно смущать, несмотря на то, что гражданское население Афин составляло к этому времени (по его же собственным подсчетам) 20 000–21 000 человек¹⁴³, хотя эти цифры, скорее всего, занижены.

Так был опровергнут традиционный взгляд на этот институт и доказано существование единой системы симморий, приспособленной в 357 г. для целей триерархии, каковой шаг, как кажется К. Моссе, отражал заметную эволюцию в понимании афинянами финансовой политики¹⁴⁴.

Новый взгляд на институт симморий быстро нашел своих приверженцев. Эта теория была впоследствии поддержана В. Габриелсеном¹⁴⁵ и Д. М. Макдауэллом¹⁴⁶. С критикой некоторых изъянов в аргументации Э. Рушенбуша и К. Моссе выступил П. Дж. Родс, однако он не бросил серьезного вызова тезисам этих исследователей¹⁴⁷. К тому же в ответ на критику Э. Рушенбуш провел дополнительное исследование, утвердив свою позицию в этом вопросе¹⁴⁸.

Итак, существовала единая система симморий, основанная в 378/7 г. при архонте Навсинике (*FGH*, 328, F. 41), включавшая в себя 20 симморий с 1200 членами с общим состоянием 6000 талантов (что заключается, в первую очередь, из слов Демосфена (*Dem.*, XIV, 27), а Полибий (*Polyb.*, II, 62 sq.) дает цифру 5750 талантов¹⁴⁹, и эти 20 симморий стали с 357 г. служить также и для целей триерархии.

Другой важный вопрос относительно этой темы — имело ли значение деление на филы при этой новой системе исполнения триерархии? Как мы увидели раньше, во время существования единоличной триерархии выбор исполнителей этой литургии зависел, судя по всему, от принадлежности к той или иной филе. Как же обстояли дела для IV в., для времени симморий?

Мы располагаем сообщением Ульпиана, что каждая из десяти фил выставляли по 120 мужчин для справления этого вида триерархии. Еще А. Бёк высказал доверие этому сообщению¹⁵⁰. Все же последующим исследователям представляется более вероятным, что, в отличие от V в., при новой триерархической системе деление на филы не принималось во внимание при выборе триерархов¹⁵¹. Аргументом, с одной стороны, служит тот факт, что, судя по морским сообщениям, в одной симмории были объединены члены разных фил¹⁵². С другой стороны, неизвестно, как при назначении триерархов по филам объяснить исполнение этой обязанности метеками, не входившими в гражданские списки фил.

Дело в том, что наши источники содержат ряд упоминаний о возможной триерархии метеков. Один пример содержится в инвентарном списке, каковая запись гласит: «Афродисия, старый корабль, который был у Антимаха Хиосца» (*IG*, II², 1604, 79). Судя по всему, в этом месте речь не идет об арендованном у Хиоса корабле, поскольку при ведении записей по поводу таких арендованных кораблей обязательно пояснялось, что означенный корабль был арендован у другого государства, а не принадлежит Афинскому и поэтому находится на попечении правительства, а не частного лица. Многократные примеры тому можно найти в литературных источниках, часты такие замечания у Геродота и Фукидида (например, *Herod.*, VIII, 1–2). Также и эпиграфические памятники предлагают достаточный материал (*IG*, II², 1605, 12; 1607, 49. 155–156; 1629, 516. 800). Поскольку в этой надписи специальных указаний на аренду корабля нет и к тому же попечителем судна является частное лицо, то похоже, что здесь сообщается об афинском метеке, а не гражданине Хиоса.

Два других метека-триерарха принадлежали к семье Каллесхра — афинского метека с острова Сифнос. Сам Каллесхр появляется в одном

из самых ранних морских инвентарных списков в качестве назначенного в свою очередь триерарха, а около 30 лет спустя находим в списках имя его сына: Стесилид, сын Каллесхра с Сифноса, который также служит триерархом (IG, II², 1609, 27; 1623, 204–205).

Еще один пример (хотя и относящийся больше к гражданскому флоту) — это метек Мидон с Самоса, живущий в Пирее, который вызвался добровольно пожертвовать деньги для снаряжения судна по доставке зерна (IG, II², 1629, 886–888).

Следует отличать вышеописанные ситуации от той, которая представлена Демосфеном (*Dem.*, XXI, 163), когда на снаряженный в добровольном порядке корабль был поставлен в качестве триерарха (для замещения на этом месте хозяина корабля) метек-египтянин. Он не являлся лицом, ответственным за судно и, соответственно, не был подотчетен, в отличие от вышеуказанных метеков.

Кажется вполне вероятным предположить возможность триерархии метеков во времена симморий, когда изменилось и общее отношение к этой обязанности и, скорее всего, сам принцип назначения триерархов, когда все более утрачивалась связь последних с филами. Отсутствие других упоминаний о метеках-триерархах следует объяснить, вероятно, относительно небольшим количеством богатых метеков или, скорее, тем, что допущение для метека ко все-таки почетной должности триерарха было сопряжено с признанием народом его заслуг перед государством; кажется, не всем богатым метекам должно было быть позволено занять триерархическую должность¹⁵³.

Более того, у нас есть совершенно очевидное указание на существование симморий метеков. Поллукс со ссылкой на Гиперида (*Poll.*, VIII, 144) сообщает нам, что существовали даже симмории метеков со своим собственным казначеем (ταμίης). Симмории метеков (μετοικικαὶ συμμορίαι) засвидетельствованы и эпиграфически (*EA*, 1900, 91 sq.). Неизвестно, конечно, были ли эти симмории созданы лишь для выплаты эйсфоры¹⁵⁴ или привлекались также и к триерархическим расходам.

Вполне доверяя возможности триерархии метеков, Г. Штрасбургер был убежден, что наличие 1200 лиц, обязанных к расходам триерархии, среди непосредственно гражданского коллектива не всегда могло быть гарантировано¹⁵⁵.

Таковы свидетельства против тезиса А. Бёка о возможности отбора триерархов по филам для времени симморий. Но, с другой стороны, есть и указания, свидетельствующие, что триерархи отбирались по филам даже в тот период, когда были введены симмории. В первой части большого инвентарного списка (IG, II², 1622), датированного концом

40-х гг. IV в., содержится перечисление триерархов, сделанное в порядке смены фил. На мраморе сохранились частично список триерархов Кекропиды (VII) и полностью списки Гиппотонтиды (VIII), Эантиды (IX) и Антиохида (X) (понятно, что на отломившихся частях камня были представлены списки других шести фил). Эти списки имеют отличительные черты, которые требуют, как утверждает Б. Джордан, их отнесения ко времени симморий¹⁵⁶.

Кроме того, есть и литературные свидетельства, наводящие на мысль сохранения отбора по филам для IV в. Кроме уже упомянутого пассажа Демосфена (*Dem.*, XXXIX, 7–8)¹⁵⁷, также Аристотель обращается к этой процедуре (*Arist. Ath. pol.*, 61, 1), когда говорит, что главное лицо симморий выбирает триерархов, а имена их берет из каталога, составленного по принципу принадлежности к филам.

Конечно, последние два сообщения не могут являться непосредственным подтверждением сохранения назначения по филам для времени симморий, поскольку свидетельство Демосфена имеет общий характер, а каталог Аристотеля может представлять собой обычный гражданский список, откуда и следовало брать имена претендентов на исполнение триерархии. И, в общем-то, нет ничего удивительного, что составлены были эти списки по филам. Но все же постоянное упоминание о филе в связи с выборами триерархов упорно направляет к мысли о том, что существовала какая-то связь между триерархом и его филлой, хотя детали процедуры их назначения весьма сложно «распутать» на основе приведенных источников. Опять же непонятно, как принцип отбора по филам мог примиряться с назначением метеков на триерархию.

В связи с выбором членов симморий возникает еще один вопрос: существовал ли у греков определенный имущественный ценз или выборы происходили по принципу отбора «богатейших», не взирая на абсолютный показатель состояния?

Вопрос об имущественном цензе для исполнителей литургий решался до определенного времени вполне однозначно. Исследователи, занимавшиеся этими вопросами (в том числе А. Бёк, Г. Бузолт¹⁵⁸), определяли ценз в 3 таланта, не вдаваясь, однако, в глубокое исследование этой проблемы.

Если мы обратимся к имеющимся на этот счет, хотя и немногочисленным, свидетельствам, то убедимся, что заявление о существовании имущественного ценза вполне правомерно. Об этом свидетельствует пассаж Демосфена, определенно указывающий на существование нижнего предела состояния, подвергавшегося исполнению литургий. Это место звучит так: «Самые богатые граждане, исполняя обязанности триерар-

ха, всегда освобождаются от хорегии. Те же, состояние которых ниже допустимого уровня, освобождаются от обложения по необходимости (они оказываются в числе людей, не облагаемых налогами)» (*Dem.*, XX, 19; пер. В. Г. Боруховича). Вероятность существования имущественного ценза демонстрирует и другое место из Демосфена: «Да и как же это не поразительно, если... хозяйства в один талант и в два таланта от сдачи в аренду возрастают вдвое и втрое, так что они облагаются общественными повинностями, а мое хозяйство, обычно облагавшееся повинностью по снаряжению триер и большими налогами, из-за наглости окажется несостоятельным даже на небольшие» (*Dem.*, XXVII, 64; пер. В. Г. Боруховича). Таким образом, так же, как солоново разделение на классы было проведено по имущественному принципу, на основе того же принципа был выделен «класс» подвергавшихся литургическим обязанностям. Нам известно, что афиняне проводили некую оценку имущества — тимема (τίμημα), на основании которой существовали, вероятно, определенные списки граждан с необходимым состоянием, и именно из них определялись триерархи, хорегии, гимнасиархи и прочие исполнители многочисленных литургий на соответствующий год в необходимом количестве.

Помимо того, что эти свидетельства Демосфена определенно говорят в пользу существования ценза, о размере которого мы можем заключить лишь то, что он должен был быть выше 2 талантов, помимо этого мы видим, что и внутри круга исполнителей литургий существовала имущественная градация и повинность по снаряжению триер, то есть литургию-триерархию выполняли самые состоятельные (οἱ πλουσιώτατοι).

Что же касается конкретного размера этого ценза, то глубокое и едва ли не первое исследование по этому поводу было предпринято английским исследователем Дж. К. Девисом, который рассмотрел все известные ему свидетельства относительно состояний обязанных к исполнению литургий граждан и пришел к выводу, что все лица, исполнявшие литургии, действительно обладали минимальным состоянием в 3 таланта, что и было, по его мнению, обязующим цензом для исполнения литургий. Так этот исследователь подтвердил традиционную точку зрения¹⁵⁹.

Э. Рушенбуш предложил провести уточнения цифры минимального состояния, обязывающего к расходам литургий, на основании свидетельства Исея об одном таком состоянии, которое рассматривается и у Дж. К. Девиса. Речь идет о некоем Феопомпе, который обладал состоянием в 3 таланта 4000 драхм (*Is.*, XI, 44). Далее мы узнаем, что когда Феопомп получил в наследство надел стоимостью в 1/2 таланта,

он оформил этот участок на имя своего сына (*Is.*, XI, 49) и был, таким образом, обвинен в сокрытии состояния с целью избежать исполнения литургий. Однако Феопомп, оправдываясь, говорит, что он и ранее нес литургические издержки (*Is.*, XI, 50).

Э. Рушенбуш предлагает понять это место следующим образом. Во-первых, предположить, что здесь имеются сведения также о существовавшем в Афинах экстраординарном военном налоге — эйсфоре, которая, хотя и отличалась строго от литургий, *de facto* входила в круг литургических обязанностей. Таким образом, когда Феопомп говорит, что он и без этого унаследованного участка был обязан к литургии, следует предполагать, что он платил эйсфору. Так Э. Рушенбуш уточняет вывод Дж. К. Девиса: к литургии обязывало состояние в 4 таланта, в то время как состояние в 3 таланта принуждало его владельца к отчислению эйсфоры¹⁶⁰. Однако этот вывод вызывает целый ряд возражений.

Если принять вывод Э. Рушенбуша, то мы должны предположить, что среди членов симморий были люди, платившие эйсфору, но бывшие освобожденными от триерархических расходов. Однако таких сведений в источниках мы не находим. Ряд членов симморий действительно были освобождены от выполнения триерархических обязанностей, а именно: архонты, дочери-наследницы, сироты, не облагались литургическими налогами также состояния клерухий и корпораций. Но при этом подразумевается, что их состояние было весьма велико и по своему абсолютному показателю как раз должно было подвергнуться расходам литургии. Предлагаемая Э. Рушенбушем трактовка может быть применена лишь ко времени до введения симморий.

Другой, более веский аргумент против — это определенное, фиксированное число граждан (1200), входивших в симмории и, следовательно, обязанных к эйсфоре и триерархии. Каким же образом получалось так, что ежегодно это были все люди с состоянием более 3 талантов, а все остальное население имело имущество, оцениваемое менее чем в 3 таланта? Наличие имущественного ценза никак не может сосуществовать с фиксированным числом членов симморий.

А то, что это число было всегда строго определенным, освещается источниками вполне конкретно. Всегда мы слышим именно о 1200 членах симморий. Кроме того, известен нам также факт, что Демосфен вынес на рассмотрение предложение об увеличении числа членов симморий. Поскольку ряд состояний были освобождены от триерархических повинностей (см. выше), реальных исполнителей триерархии было значительно меньше, чем 1200¹⁶¹. Еще Лептин в 355/4 г. сделал попытку расширить круг обязанных к исполнению литургий путем отмены ателии,

но потерпел неудачу, в том числе и от Демосфена. А позднее Демосфен сам внес предложение по разрешению этой проблемы, правда иным путем: для того чтобы число реально обязанных к исполнению триерархии подвести к цифре 1200, он предложил увеличить число членов симморий до 2000 человек (*Dem.*, XIV, 16).

Единственным мнением исследователей по поводу этого предложения Демосфена было то, что нельзя сказать определенно, был ли принят этот закон, — никаких сведений на этот счет мы не имеем. Однако Э. Рушенбуш в своей содержательной и во многих отношениях новаторской статье 1978 г. предложил разрешение и этого вопроса. Дело в том, что мы имеем упомянутое выше свидетельство аттидографа Клидема (первая половина IV в.), который сообщает, что в его время существовало 100 симморий (*FGH*, 323, F. 8). Исследователи, стоявшие на позиции существования двух систем симморий, считали, что в этом случае речь идет о симмориях для сбора эйсфоры, которых и было 100 в отличие от 20 триерархических. Э. Рушенбуш счел возможным сопоставить эти два свидетельства. Ведь Демосфен вслед за предложением увеличить число податных указывает, каким образом это должно быть осуществлено организационно: пусть каждая из 20 больших симморий образует по 5 отделений по 12 человек в каждом (*Dem.*, XIV, 17). Следовательно и получается 100 маленьких симморий¹⁶².

Для нас же в первую очередь важно то, что это сообщение демонстрирует, что называемая источниками цифра 1200 не приблизительная, не округленная, а вполне конкретное, установленное законом число членов симморий. И именно этот факт больше всего противоречит возможности существования имущественного ценза для плательщиков эйсфоры и триерархических расходов.

Если, учитывая эти обстоятельства, принять все же предположение Э. Рушенбуша, то выход здесь может быть один: списки симморий не были постоянными — не одни и те же 1200 граждан были ежегодно их членами. Списки эти регулярно обновлялись, так что возникала возможность формировать симмории из всех афинян с состоянием более 3 талантов; и если какой-то гражданин в этом году попал в список симморий, то он мог не оказаться там на другой год. Однако никаких сведений, указывающих на такое устройство, нет.

Кроме того, поправка Э. Рушенбуша относительно того, что минимальное состояние исполнителей литургий составляло 4 таланта, противоречит приведенным в работе Дж. К. Девиса свидетельствам, указывающим на исполнение литургий при состоянии в 3 таланта. Хотя следует оговориться, что этот факт нельзя приводить в качестве бес-

спорного доказательства неправоты этого исследователя. Дело в том, что едва ли можно говорить о существовании всегда одной и той же цифры размера состояния, обязывающего к литургическим расходам. Вероятно, на протяжении V–IV вв., то есть именно того времени, когда существовал институт классических литургий, периода, в течение которого Афинское государство подверглось значительным коллизиям, размер литургического ценза не мог оставаться неизменным. Потому к свидетельствам по поводу абсолютного показателя состояния следует относиться с осторожностью и применительно лишь к означенному периоду времени. Однако даже если исключить наш последний аргумент, то, кажется, достаточно фактов в пользу того, что не могло существовать ценза для плательщиков эйсфоры, а с 357 г. также и для лиц, несших триерархические расходы.

Более того, для исполнителей триерархии, судя по всему, никогда не существовало имущественного ценза¹⁶³. Дело в том, что наиболее крупные литургии были возложены на 300 богатейших граждан. И это опять же не приблизительная, а конкретная, установленная законом цифра, которая, соответственно, не позволяет предположить существование ценза для включенных в число 300 граждан. К этим крупным литургиям относилась, прежде всего, триерархия.

Триерархию, как известно, древние относили к экстраординарным литургиям. Кроме триерархии, к этим литургиям принадлежала и так называемая проэйсфора (προεἰσφορά) (*Dem.*, XLII, 25), то есть обязанность, которая возлагалась на 300 опять же самых богатых членов симморий и согласно которой эти 300 граждан должны были внести из собственных средств всю сумму денег, которую государство предполагало получить от симморий. Далее им надлежало самим собрать с остальных 900 членов их долю¹⁶⁴. И в этом случае мы должны констатировать факт, что речи о цензе идти не может. Таким образом, для исполнителей экстраординарных литургий имущественного ценза не существовало, а производился отбор самых состоятельных.

Подразумевалось ли исполнение еще каких-нибудь литургий для круга трехсот? Прежде всего, на основании привлечения свидетельств относительно размера затрат на ту или иную литургию следует выделить также хорегию, издержки на которую были весьма велики по сравнению с расходами на прочие литургии. Также свидетельство Демосфена, приведенное в самом начале (*Dem.*, XX, 19) формулой «самые богатые граждане, исполняя обязанности триерарха, всегда освобождаются от хорегии», уравнивает в финансовом отношении исполнителей этих двух литургий.

Далее на помощь в разрешении этого вопроса приходят наши знания об антидосисе (*ἀντιδοσίς*) — процессе обмена имуществом, который мог состояться в том случае, если какой-то гражданин считал, что привлечен к литургиям несправедливо, и мог указать на более состоятельного, но не обложенного литургическими податями¹⁶⁵. Если такие процессы имели место, значит исполнение литургий, с которыми эти процессы были связаны, не могло предполагать ценза, но должно было основываться на принципе отбора по относительной степени состоятельности.

С другой стороны, известные нам сообщения об антидосисе касаются лишь лиц, призванных исполнять триерархию, прозйсфору и хорегию, при том лишь драматическую¹⁶⁶, которая в организационном плане имела значительные отличия от хорегии лирической. Совокупность указанных свидетельств позволяет, как кажется, заключить, что кроме исполнителей экстраординарных литургий к кругу 300 принадлежали также хореги, и, вероятнее всего, только драматические.

Таким образом, хотелось бы предложить следующий взгляд на проблему имущественного ценза. Граждане, имеющие определенный размер состояния, который на рубеже V–IV вв. составлял, вероятно, около 3 талантов, были обязаны к исполнению ординарных литургий. И лишь 300 самых богатых могли быть принуждены к исполнению экстраординарных литургий, а также, вероятно, хорегии. Для этого круга трехсот ценза обозначено не было, а определялся он по принципу отбора самых состоятельных граждан полиса.

Теперь, доказав невозможность предлагаемой Э. Рушенбушем трактовки свидетельства Исея, как мы должны понять слова этого автора? Указанная речь Исея относится к 361–360 гг.¹⁶⁷, то есть ко времени, когда триерархические расходы еще не были возложены на членов симморий.

Так вот, слова оратора можно понять следующим образом: при состоянии в 3,5 таланта Феопомп подвергался расходам литургий (то есть минимальное состояние, облагавшееся литургическими налогами, было в это время именно таким, как его установил еще А. Бёк — 3 таланта) и, вероятно, выплате эйсфоры, ценза на которую, как мы установили выше, не существовало. При состоянии же в 4 таланта он мог попасть в круг тех 300 богатейших граждан, которые были обязаны к исполнению триерархии, хорегии, прозйсфоры. Это последнее предложение вполне вероятно, поскольку проведенные тем же Э. Рушенбушем подсчеты относительно размера состояния 300 обязанных к триерархии граждан показали, что этот размер был 250 мин и более, то есть более 4 талантов 1000 драхм¹⁶⁸.

С другой стороны, не следует исключать и такой возможности интерпретации этого места: при увеличении состояния гражданина с 3,5

до 4 талантов мог увеличиться процент индексации для выплаты эйсфоры¹⁶⁹. Дело в том, что нам известно, что определенный размер состояния обязывал к выплате определенного процента от этого состояния в качестве эйсфоры: чем больше было состояние, тем больший процент должен был платить его владелец. Установить точный размер величины состояния и соответственно ему размер эйсфоры — весьма затруднительно, и конкретного ответа на этот вопрос никто из исследователей пока не предлагает¹⁷⁰. Поэтому, может быть, где-то в этих пределах (3,5–4 таланта) мог проходить один из барьеров, который определял более высокий процент эйсфоры.

В связи с этой темой возникает еще один вопрос: как понять слова Демосфена (*Dem.*, XX, 19), когда он говорит о том, что лица, выполняющие триерархию, освобождаются от хорегии. Эти слова были бы совершенно понятны, если бы эта речь относилась ко времени до 357 г. Но как их понять, если сказаны они были в то время, когда существовали симмории? Ведь тогда все богатейшие граждане были обязаны к исполнению триерархии. Так кто же тогда исполнял хорегии и прочие литургии, если существовало названное Демосфеном ограничение?

Здесь мы должны предположить, конечно, следующее: когда после 357 г. речь шла о триерархии, то под этим, вероятно, следует понимать либо непосредственную триерархическую службу на корабле¹⁷¹, каковая, учитывая отсутствие триерарха в городе, естественно отстраняла его от выполнения других литургий (и, судя по отношению к триерархической должности, которое отражено в источниках, непосредственная триерархическая служба, как и в предыдущем веке, требовала дополнительных личных расходов), либо единоличную (или с сотоварищем) триерархию, которая сохранялась после введения триерархических обязанностей для симморий.

Число кораблей, содержание которых было определено на соответствующий год, распределялось в равных отношениях по симмориям. Когда при этом одной симмории выпадало снаряжение нескольких кораблей, то внутри нее образовывались подразделения соответствующей силы, которым поручалось снаряжение каждому по одному кораблю. Эти подразделения назывались синтелии (συντέλεια). Так как число поручаемых для снаряжения кораблей колебалось в зависимости от обстоятельств, то колебалось, соответственно, и число лиц, осуществлявших попечение над одним кораблем, то есть число членов одной синтелии. В «морских известиях» засвидетельствованы различные составы синтелий — от трёх до десяти человек (*IG II²*, 1613 f, 212; 1622 с, 359; 1622 е, 608; 1632 а, 56. 123)¹⁷².

Для ликвидации сложности вычислений, которые возникали из-за таких колебаний при снаряжении кораблей, Демосфен предложил в своей критике Периандрова закона нормировать число кораблей в количестве 300 и каждой симмории определить отсюда 15 кораблей для пощения; затем каждая симмория должна была образовать по пять синтелий, каждой из которых определялось по три корабля (*Dem.*, XIV, 18)¹⁷³.

Это предложение, которое едва ли было принято во внимание¹⁷⁴, интересно тем, что указывает нам средние статистические цифры. Появляется возможность установить мощь афинского флота для этого времени, хотя опять же, как и в предыдущем веке, реально ежегодно было задействовано не полное количество наличествующих кораблей — нормальная сила флота была обычно меньше¹⁷⁵.

Совет, который дал Демосфен при угрозе войны, сводится к тотальной мобилизации флота; по нему получалось, что один корабль должны были снарядить в среднем четыре человека. Обычные же синтелии, как подсчитал А. Бёк, состояли в среднем из 5–7 человек¹⁷⁶. В одном месте Демосфен говорит о синтелии, которая состояла из 16 членов (*Dem.*, XVIII, 104). Такое могло быть, когда в мирное время государство дало маленький заказ на корабли. А Г. Гильберт вслед за А. Бёком предложил свою, необоснованную, однако, трактовку этого места, утверждая, что в мирное время были выделены из симморий особые, строго определенные триерархи, которые составляли одну синтелию, численность которой как раз могла быть 16¹⁷⁷.

Распределение по синтелиям осуществлялось, вероятно, в соответствии со степенью состоятельности¹⁷⁸ и, согласно предложению Демосфена (*Dem.*, XIV, 17), смешать в одной синтелии более богатых и более бедных, что, по предположению Г. Штрасбургера, могло быть предусмотрено уже Периандром¹⁷⁹.

Что касается лиц, занимавшихся организационной деятельностью в синтелиях, то нам известны некие гегемон (ἡγεμόνας) и эпимелет (ἐπιμελητής) (*Dem.*, XVIII, 103. 312; XLVII, 22 sq.). Со времен А. Бёка эти две должности строго отличали друг от друга, и, апеллируя к этимологии слова, связывали эпимелетов с какой-то деятельностью по управлению симмориями, в то время как гегемоны непосредственно возглавляли эти общества¹⁸⁰. Г. Гильберт идентифицировал эпимелетов с так называемыми двадцатью, которые вместе со стратегами принимали распределение триерархических обязанностей между членами симморий¹⁸¹. Г. Штрасбургер, анализируя XLVII речь Демосфена, предложил принять идентичность обеих титулатур¹⁸². Однако это предполо-

жение не нашло, как кажется, поддержки у позднейших исследователей, и господствующая точка зрения различает эти две должности¹⁸³.

Председателем симмории был наиболее богатый ее член (*Dem.*, XVIII, 102 sq. 312), и он должен был нести на своих плечах бремя заботы о симмории, о поддержании ее в соответствующей форме и порядке, о своевременном вносе денег. А Демосфен присоединяет к этим гегемонам еще и τοὺς δευτέρους καὶ τρίτους (вторых и третьих) (*Dem.*, XVIII, 103).

Здесь возникает вопрос — кто же из симмории после введения Периандрова порядка нес непосредственную морскую службу на корабле. Чередование членов синтелии друг с другом поочередно в течение года (как это могло быть при синтриерархии) привело бы к неразумным краткосрочным сменам. К тому же едва ли можно сомневаться в том, что значительное число членов симморий могло быть освобождено от военной службы¹⁸⁴. К тому же и Демосфен, порицая Периандрово установление, замечает, что лица, участвующие в снаряжении корабля, больше не называются триерархами, но συντελεῖς (*Dem.*, XVIII, 104).

Здесь все же следует предположить существование такого порядка, что триерархом выступал представитель симмории, выбираемый или назначаемый. Так как число посылаемых ежегодно кораблей совпадает с числом синтелий, то дело, вероятно, обстояло так, что каждая синтелиа должна была поставить и одного триерарха для своего корабля. И если председатель симмории сам должен был взять на себя это представительство (*Dem.*, XLVII, 21–22. 29), то, вероятно, эта должность должна была быть действительно уделом наиболее состоятельных членов симморий (как это, впрочем, уже отмечалось выше), и стать триерархами на прочих судах было уделом лиц, следующих за председателем по богатству, быть может, стоявших во главе отдельных синтелий¹⁸⁵.

Граждане могли осуществлять свою триерархию единолично, но также и вместе с сотоварищами. Так, в опубликованном Х. Френкелем сообщении (*IG*, II², 1624 — 340–330 гг.) указаны имена триерархов, коллеги которых прямо называются συντριήραρχοι¹⁸⁶. Из списка упоминавшейся уже надписи (*IG*, II², 1622) восемь триерархов служат одни, двенадцать имеют коллегу, а в одном случае у триерарха даже два сотоварища.

Известно, что Периандров порядок 357 г. не принес идеального разрешения проблемы. Притом что было облегчено бремя расходов для отдельного гражданина, все же сложность системы триерархических сборов ставила под вопрос своевременную мобилизацию флота в экстренном случае (*Dem.*, XVIII, 102). Да и в финансовом отношении менее всего оказывались задействованы именно богатейшие, поскольку они,

находясь во главе своих синтелий, достаточно просто могли распisać среди своих товарищей всю необходимую сумму, за которую могли отдать с подряда снаряжение триер, в то время как, с другой стороны, в качестве триерархов были освобождены от других литургий (*Dem.*, XVIII, 102 sq.; XXI, 155). В итоге государство было вынуждено призывать к податям дополнительных граждан, что шло вразрез с политикой облегчения финансового бремени граждан.

Однако Г. Штрасбургер справедливо не верил, что богатые были так однозначно отстранены от расходов, как хочет заставить поверить в это Демосфен. Ведь, действительно, именно над богатыми довлела большая вероятность личной службы по обязанности, от которой хотя и было возможно откупиться, но это опять же требовало дополнительных расходов. Да и государство всегда заботилось, чтобы его почетные должности были обязательно сопряжены со значительными расходами¹⁸⁷. Ведь, как мы увидели из свидетельства Демосфена, те повинности, которые прежде государство возлагало на единоличного триерарха, оно могло сейчас просто переложить для исполнения на эпимелетов тогдашних симморий (*Dem.*, XLVII, 21 sq. 33. 48–51)¹⁸⁸.

Хотя в какой-то степени недостаток Периандровой системы мог компенсироваться добровольными триерархическими расходами (ἐπιδόσεις) богатых граждан (*Dem.*, XXI, 160–170)¹⁸⁹.

Для устранения возможности злоупотребления со стороны богатейших членов симморий Демосфен, получив особые полномочия в качестве эпистата флота¹⁹⁰, предложил закон, который был принят в 340 г.¹⁹¹ Согласно этому закону круг обязанных к исполнению триерархии сократился до 300 богатейших граждан (*Aeschin.*, III, 222; *Din.*, I, 42; *Poll.*, VIII, 100; *Harp. s. v. συμμορία*)¹⁹², которые, однако, должны были выплачивать не равный взнос, а по степени состоятельности — в процентном отношении. Если гражданин имел состояние в 10 талантов, то он был обязан единолично снарядить корабль; если состояние исчислялось в 20 талантов и более, то владелец его был обязан к снаряжению двух кораблей (к снаряжению более чем двух кораблей никто не мог быть принужден)¹⁹³. Если же состояние было менее 10 талантов, то владелец его объединялся с другим для несения триерархических расходов (при этом доли расходов соответствовали в процентном отношении размеру состояния) (*Dem.*, XVIII, 102–104). Так что и в этой системе вновь возникают синтелии — правда, в виде более маленьких групп (*IG*, II², 1623 а. 1629)¹⁹⁴. А с другой стороны — на кого-то одного могло быть возложено снаряжение двух кораблей.

Когда образовались синтелии, вероятно, официально возобновился старый принцип, чтобы распределение взносов проходило через руки

председателя синтелии. Так, одна надпись говорит о возвышении одного члена коллектива (IG, II², 1629 — 325/4 г.).

Новые Демосфеновы порядки не могут быть оценены однозначно. Так, с одной стороны, при новом порядке справления триерархии могла быть соблюдена определенная справедливость в распределении триерархических расходов (что, безусловно, отмечается всеми исследователями). Также Г. Штрасбургер считал, что новая система Демосфена благодаря своей относительной простоте создала благоприятные условия для приведения флота в боевое состояние. Однако (что отметил уже А. Андреадес)¹⁹⁵ одновременно Г. Штрасбургер признал, что эта система «из-за односторонне высокого обложения налогами эксплуатировала слишком маленький круг граждан», что было отмечено уже самими древними (*Harp. s. v. συμμαρία*)¹⁹⁶.

Закон оставался в силе долгое время. Какие-то изменения внес в него Эсхин (*Dem.*, XVIII, 312; *Aeschin.*, III, 222). Но суть их нам неизвестна, и они, кажется, не прижились¹⁹⁷.

Далее институт триерархии в Афинах не прослеживается. Существовал он здесь, по единодушному мнению исследователей, скорее всего, не долее, чем до рубежа IV–III вв.¹⁹⁸ Более точную дату предлагает Б. Джордан: триерархия существовала до времени правления Деметрия Фалерского¹⁹⁹.

Итак, институт триерархии, введенный морским законом Фемистокла (483/2 г.) на месте старой системы навкрарий и прекративший свое существование, скорее всего, во времена правления Деметрия Фалерского (317–307 гг.), претерпел наибольшие, по сравнению с прочими литургиями, изменения и отразил в своей истории трудности и противоречия демократических Афин.

Так, ухудшение финансового положения государства и отдельных его членов во время и после Пелопоннесской войны выразилось в том, что государство попыталось облегчить бремя триерархических расходов путем освобождения триерархов от необходимости поставки корабельных снастей, а еще более — путем введения института синтриерархии. Вероятно, этот шаг не разрешил создавшихся трудностей, и исполнители этой литургии выражали свое неудовольствие, так что государство было вынуждено произвести коренные перемены в системе выплат триерархических издержек.

Имея уже готовую финансовую структуру в виде симморий по сбору эйсфоры, государство решило переложить на них и бремя триерархических расходов. Но и этот шаг был недостаточен, поскольку круг испол-

нителей триерархии оказался не столь велик, как это предполагалось изначально (в связи с большим числом освобожденных от расходов триерархии состояний), и появилась необходимость еще одной организационной реформы, а именно — увеличения числа потенциальных плательщиков триерархии за счет увеличения числа симморий и численности входящих в них граждан. Так появились новые 100 маленьких симморий с 2000 членов.

Постоянно до середины IV в. государство проводило политику, направленную на удовлетворение требований отдельных граждан, на уменьшение налогового бремени за счет расширения круга плательщиков. Также увеличение числа привлекаемых к триерархии граждан должно было быть связано и с возросшей численностью афинского флота, что потребовало более стройной системы финансирования и контроля, и это становилось возможным благодаря установлению нового порядка.

С другой стороны, в гражданской среде также зрели идеологические перемены. В V в. (как и в случае с другими литургиями) исполнение триерархических обязанностей воспринималось как исключительно почетное занятие; состязания, устраивавшиеся между триерархами, предпринимались не только ради венка, вручаемого тому, кто исполнит первым оснастку своего корабля, но и ради демонстрации патриотических чувств. Об этом говорят факты добровольного принятия на себя триерархических обязанностей и щедрости в расходах во время экстремальной ситуации для государства (*Thuc.*, VI, 31). И этот патриотизм может быть тем более понятен, когда мы согласимся с фактом, что триерархи V в. имели связь со своими филами, выбирались коллективом фил и являлись, следовательно, лицом этого коллектива перед государством и гражданской общиной. Это чувство причастности к интересам коллектива должно было подвигнуть триерархов классического времени к немалым расходам.

Ослабление связей с родными филами и увеличение хозяйственной нестабильности отдельного гражданина в позднеклассическое время повлекло за собой изменение отношения к триерархическим обязанностям. Триерархи (или лучше члены симморий) IV в. больше не желали подвергать себя излишним расходам и делали все возможное, чтобы освободить свое личное время и свой капитал: наиболее состоятельные граждане в качестве председателей синтелий пытались по возможности избавить себя от расходов, сдавали строительство и оснастку кораблей подрядчикам, посылали на корабле в море своего представителя и т. д.

Примеры таких уклонений от обязанностей наиболее часты именно для позднеклассического времени.

Таким образом, ситуация складывалась вопреки политике государства, направленной на урегулирование обложения в соответствии с абсолютным показателем состояния и на облегчение налогового бремени. Также эта система оказалась, видимо, недостаточно гибкой в случае экстренной мобилизации флота. Так что появилась необходимость очередных конструктивных перемен, которые и были предприняты в 340 г. в соответствии с предложением Демосфена, исключившим возможность злоупотреблений и неравнозначного распределения финансовых расходов, с одной стороны, и упростившим механизм мобилизации флота и контроля над ответственными за это лицами — с другой.

При изучении эволюции института триерархии мы можем наблюдать еще одно явление: приближение метеков к гражданскому коллективу полиса. Ведь если в V в. случаи привлечения метеков к исполнению литургий были, скорее всего, исключены, то для IV в. мы имеем достаточное количество указаний на триерархию метеков. И как бы скептически ни относились исследователи к этому факту, отмахнуться от него нельзя: справление триерархических обязанностей метеками в IV в. засвидетельствовано неоднократно.

Хотелось бы высказать еще одно замечание относительно триерархии и внести корректировку в представление о ней как об экстраординарной литургии. Все же этот институт не был столь экстраординарен, как институт той же эйсфоры²⁰⁰. Ведь, как мы убедились, триерархии назначались, скорее всего, ежегодно, регулярно. Другой вопрос, что в мирное время услуги триерарха могли не понадобиться. Чаще всего в мирное время не возникала необходимость выхода его в море. Таким образом, нерегулярным (экстраординарным) было не назначение триерарха, а исполнение им своих обязанностей в полном объеме. Наличие триерархов было необходимо и в мирное время, кроме всего прочего и для поддержания государственного флота в боеготовности²⁰¹.

Примечания

- ¹ *Schömann G. F.* Griechische Altertümer. Bd. 1. Berlin, 1861. S. 478.
- ² *Inscriptiones atticae Euclidis anno posteriores* / Ed. I. Kirchner. Vol. 2/3. Editio minor. P. 2. F. 1. Berolini, 1927.
- ³ *Strasburger H.* Trierarchie // RE. Bd. 7 A. Tl. 1. 1939. Sp. 106.
- ⁴ Ссылки на прочие исследования можно найти в тексте.
- ⁵ *Böckh A.* Urkunden über das Seewesen des Attischen Staates (=Die Staatshaushaltung der Athener. Bd. 3). Berlin, 1840.
- ⁶ Эта работа выдержала второе издание: *Schaefer A.* Demosthenes und seine Zeit. Bd. 1–3. Leipzig, 1885–1886.
- ⁷ См. работы этого исследователя в прилагающемся списке литературы.
- ⁸ *Kolbe W.* De Atheniensium re navali quaestiones selectae. Tübingen, 1890.
- ⁹ *Kolbe W.* Zur athenischen Marineverwaltung // AM. Bd. 26. 1901. S. 377–418.
- ¹⁰ *Brillant M.* Trierarchia, Trierarchus // DA. Vol. 5. 1919. P. 442–465; *Strasburger H.* Trierarchie. Sp. 106–116.
- ¹¹ *Kahrstedt U.* Studien zum öffentlichen Recht Athens. Tl. 1: Staatsgebiet und Staatsangehörige in Athen. Stuttgart; Berlin, 1934.
- ¹² *Sundwall J.* Eine neue Seeurkunde // AM. Bd. 35. 1910. S. 37–60; *Fränkel H.* Attische Inschriften // AM. Bd. 48. 1923. S. 1–23; *Meritt B. D.* An Athenian Naval Catalogue // AJA. Vol. 31. 1927. P. 462–470; *Körte A.* Eine Verlustliste aus der Schlacht bei den Arginusen? // PhW. Bd. 35/38. 1932. S. 83–88.
- ¹³ *Armstrong J. I.* The Trierarchy & the Tribal Organization of the Athenian Navy. Princeton, 1949.
- ¹⁴ *Jordan B.* The Athenian Navy in the Classical Period. A Study of Athenian Naval Administration and Military Organisation in the Fifth and Fourth Centuries B. C. Berkley; Los-Angeles; London, 1975.
- ¹⁵ Перечисление работ этих исследователей см. в прилагающемся списке литературы.
- ¹⁶ *Böckh A.* Urkunden... S. 563 f.
- ¹⁷ *Ibid.* S. 455.
- ¹⁸ По этому вопросу см.: *Böckh A.* Urkunden... S. 167; 192 f.; *Gilbert G.* Handbuch der griechischen Staatsaltertümer. 2. Aufl. Bd. 1. Leipzig, 1881. S. 351.
- ¹⁹ *Strasburger H.* Trierarchie. Sp. 116.
- ²⁰ Среди отечественных исследователей этой проблемой занимается В. М. Строгоцкий. См., например: *Строгоцкий В. М.* Морская программа Фемистокла и возникновение триерархии // Античный мир: проблемы истории и культуры. СПб., 1998. С. 69–83. См. также: *Шувалов В. В.* Морская политика Афин (архаический и раннеклассический период): автореф. дисс. ... канд. ист. наук / СПбГУ. СПб., 2004. С. 19.

²¹ Вопросы, связанные с институтом навкрарий, освещены в следующих работах: *Böckh A.* Die Staatshaushaltung der Athener. 3. Aufl. von M. Fränkel. Bd. 1. Berlin, 1886. S. 215 f.; *Thumser V.* De civium Atheniensium muneribus eorumque immunitate. Wien, 1880; *Mayer E.* Geschichte des Altertums. Bd. 2. Berlin, 1893. S. 314–317; Bd. 3. Berlin, 1965. S. 288; 324; 589; *Wilamowitz-Möllendorf U.* v. Aristoteles und Athen. Berlin, 1893. Bd. 1. S. 53–55; 92; Bd. 2. S. 165; *Kolbe W.* De Atheniensium re navali... P. 22; *Andreades A.* Ἱστορία τῆς Ἑλληνικῆς Δημοσίας Οἰκονομίας. Athen, 1918. P. 10–12 = Geschichte der griechischen Staatswesen / Übers. und Aufl. von E. Mayer. Berlin, 1931. S. 139 f.; *Martin A.* Naukraria // DA. Vol. 4. P. 1. P. 3–7; *Busolt G.* 1) Griechische Staatskunde. Bd. 1. 3. Aufl. // HKA, Bd. 4. Abt. 1. Hlf. 1. 1920. S. 599–600; 2) Griechische Staatskunde. Bd. 2 / Bearbeitet von H. Swoboda // HA. Bd. 1. Abt. 4. Tl. 1. 1926. S. 817–818; 881–882; *Beloch K.J.* Griechische Geschichte. 2. Aufl. Bd. 1. Tl. 2. Berlin; Leipzig, 1926. S. 321–327; *Kahrstedt U.* Staatsgebiet und Staatsangehörige... S. 245–249; *Hommel H.* Naukraria // RE. Bd. 16. Tl. 2. 1935. Sp. 1938–1952; *Hignett C. A.* History of the Athenian Constitution to the End of the 5. Century B. C. Oxford, 1952. P. 67–74; 311–312; *Labarbe J.* La loi navale de Thémistocle // BUL. Fasc. 143. 1957. P. 43 sq.; 49; *Wüst F.R.* Zu den πρυτάνεις τῶν ναυκράρων und zu den alten attischen Trittyen // Historia. Bd. 6. 1957. № 2. S. 176–191; *Jordan B.* The Athenian Navy... P. 9–16; *Vélissalopoulos J.* Les naulères grecques. Recherches sur les institutions maritimes en Grèce et dans l'Orient hellénisé. Genève–Paris, 1980. P. 14 sq.; *Gabrielsen V.* The Naukrariai and the Athenian Navy // C&M. Vol. 36. 1985. P. 21.

²² *Tomsen R.* War in classical Athens // Armées et Fiscalité dans le Monde Antique : Colloques Nationaux du CNRS No 936. Paris, 1977. P. 135–147.

²³ *Kolbe W.* De Atheniensium re navali... P. 18.

²⁴ *Hommel H.* Naukraria. Sp. 1949 f.

²⁵ *Böckh A.* Über die Laurischen Silberbergwerke in Attika // *Böckh A.* Gesammelte kleine Schriften. Bd. 5. Leipzig, 1871. S. 40; *Kolbe W.* De Atheniensium re navali... P. 7; *Strasburger H.* Trierarchie. Sp. 107.

²⁶ *Wilamowitz-Möllendorf U.* v. Aristoteles und Athen. Bd. 1. S. 275 f.

²⁷ *Hermann K.F.* Lehrbuch der griechischen Staatsaltertümer. 6. Aufl. von V. Thumser. Freiburg, 1892. S. 315.

²⁸ О числе Геродота 200 см.: *Wilamowitz-Möllendorf U.* v. Aristoteles und Athen. Bd. 1. S. 276.

²⁹ *Strasburger H.* Trierarchie. Sp. 107.

³⁰ *Kolbe W.* De Atheniensium re navali... P. 8. О начавшемся с этого времени развитии флота см.: *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Bd. 2. S. 1196 f.

³¹ *Böckh A.* Die Staatshaushaltung... Bd. 1. S. 639–647; *Kolbe W.* Zur athenischen Marineverwaltung. S. 407.

³² *Böckh A.* Die Staatshaushaltung... Bd. 1. S. 640; *Kolbe W.* De Atheniensium re navali... P. 32.

³³ Латышев В. В. Очерк греческих древностей. 2-е изд. Ч. 1. СПб., 1887. С. 268. Об обязанности Совета к постоянному строительству кораблей см.: *Hermann K. F. Lehrbuch...* S. 487, Anm. 5.

³⁴ Об этом см.: *Böckh A. Urkunden...* S. 59; 617, Anm. 2, 4.

³⁵ *Hermann K.F. Lehrbuch...* S. 700, Anm. 2.

³⁶ См. об этом: *Böckh A. Die Staatshaushaltung...* Bd. 1. S. 639.

³⁷ *Kolbe W. De Atheniensium re navali...* P. 33.

³⁸ *Böckh A. Urkunden...* S. 167 f.; *Busolt G. Griechische Staatskunde.* Bd. 2. S. 1201.

³⁹ *Kolbe W. De Atheniensium re navali...* P. 33.

⁴⁰ *Böckh A. Urkunden...* S. 201 f.; *Kolbe W. De Atheniensium re navali...* P. 33 sq.; *Andreades A. Geschichte der griechischen Staatswesen.* S. 344.

⁴¹ Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. 1. С. 179.

⁴² *Strasburger H. Trierarchie.* Sp. 114.

⁴³ *Böckh A. Urkunden...* S. 196; 203; *Kirchhoff A. Über die Rede vom trierarchische Kranze.* Berlin, 1865. S. 97 f.; *Busolt G. Griechische Staatskunde.* Bd. 2. S. 1204.

⁴⁴ *Kirchhoff A. Über die Rede vom trierarchische Kranze.* S. 89 f.

⁴⁵ По вопросам строения и оснащения кораблей см.: *Боголюбов Н. П. История корабля.* Т. 1 М., 1897; *Петерс Б. Г. Парусное вооружение древнегреческих судов // Историко-археологический сборник / Под ред. Д. А. Авусина, В. Л. Янина.* М., 1962. С. 132–134; *Gruser B. Die ältesten Schiffsdarstellungen auf antiken Münzen des Museums zu Berlin.* Berlin, 1870; *Köster A. Das antike Seewesen.* Berlin, 1923; *Lawrence M. Ships, Monsters and Jonah // AJA.* Vol. 66. 1962. P. 289–296; *Torr C. Ancient Ships.* Chicago, 1964; *Amit M. Athens and Sea. A Study in Athenian Sea-Power.* Bruxelles, 1965; *Taillardat I. La trière athenienne et la gurre sur mer aux V-e et IV-e siècle // Problèmes de la guerre en Grèce ancienne.* Paris, 1968. P. 183–205; *Rougé J. La marine dans l'antiquité.* Paris, 1975.

⁴⁶ К этому месту см.: *Kolbe W. De Atheniensium re navali...* P. 37 sq.

⁴⁷ *Böckh A. Die Staatshaushaltung...* Bd. 1. S. 641.

⁴⁸ *Kolbe W. De Atheniensium re navali...* P. 39 sq.; *Busolt G. 1) Griechische Staatskunde.* Bd. 1. S. 573 f.; 2) *Griechische Staatskunde.* Bd. 2. S. 1207.

⁴⁹ *Keil B. Anonymus Argentinensis.* Strassburg, 1902. S. 201 f.; *Ruschenbusch E. Zur Besetzung athenischer Trieren // Historia.* Bd. 28. 1979. № 1. S. 107.

⁵⁰ *Busolt G. Griechische Staatskunde.* Bd. 1. S. 572 f.; *Amit M. Athens and Sea...* P. 29 f.; *Meiggs R., Lewis D. A Selection of Greek Historical Inscriptions.* Oxford, 1969. P. 51 — все с дальнейшими ссылками.

⁵¹ *Jordan B. The Meaning of the technical term Hyperesia in Naval Context of the Fifth and Fourth Centuries B. C. // CSCIA.* Vol. 2. 1968. P. 183–207.

⁵² *Ruschenbusch E. Zur Besetzung athenischer Trieren.* S. 106–110.

⁵³ *Ibid.*

⁵⁴ Böckh A. Die Staatshaushaltung... Bd. 1. S. 308; Kolbe W. De Atheniensium re navali... P. 49.

⁵⁵ Böckh A. Die Staatshaushaltung... Bd. 1. S. 355 f.; Kolbe W. De Atheniensium re navali... P. 49 sq.; Busolt G. Griechische Staatskunde. Bd. 2. S. 1208.

⁵⁶ Fränkel M. Anmerkungen des Herausgebers zum Ersten Band // Böckh A. Die Staatshaushaltung... Bd. 2. S. 127*, Anm. 859.

⁵⁷ Hermann K.F. Lehrbuch... S. 700, Anm. 2.

⁵⁸ Примеры прочих «морских затрат» см.: Thompson W. E. The Athenian Entrepreneur // AC. Vol. 51. 1982. P. 80.

⁵⁹ Richard H., Randall J. The Erechtheum Workmen // AJA. Vol. 57. 1953. P. 208.

⁶⁰ Böckh A. 1) Urkunden... S. 170; 2) Die Staatshaushaltung... Bd. 1. S. 623 f.

⁶¹ По этому вопросу см.: 1) Böckh A. Urkunden... S. 176; 2) Die Staatshaushaltung... Bd. 1. S. 631–633; Thumser V. De civium Atheniensium muneribus... P. 118 sq.; Busolt G. Griechische Staatskunde. Bd. 2. S. 1200.

⁶² Текст известного декрета Фемистокла 480 г. был обнаружен и опубликован М. Г. Джеймсоном с сопутствующим переводом и комментариями: Jameson M. H. A Decree of Themistokle from Troizen // Hesperia. Vol. 29. 1960. P. 198–223.

⁶³ Относительно этих случаев см.: Amit M. Athens and Sea... P. 112.

⁶⁴ Kolbe W. De Atheniensium re navali... P. 29.

⁶⁵ Davies J. K. Athenian Propertied Families, 600–300 B. C. Oxford, 1971. P. 135. Вообще о литургиях Демосфена см.: Köhler U. Aus den attischen Seeurkunden // AM. Bd. 6. 1881. S. 25 f.; Schaefer A. Demosthenes und seine Zeit. Bd. 1. S. 290 f.; 452 f.; Bd. 3. S. 12 f.; Schweigert E. Greek Inscriptions // Hesperia. Vol. 8. 1959. P. 15; Gawckwell G. L. Notes on the Social War // C&M. Vol. 23. 1962. P. 35 f.

⁶⁶ Lauffer S. Prosopographische Bemerkungen zu den attischen Grubenpachtlisten // Historia. Bd. 6. 1957. S. 302; Davies J. K. Athenian Propertied Families... P. 189.

⁶⁷ Böckh A. 1) Urkunden... S. 182; 2) Die Staatshaushaltung... Bd. 1. S. 628; Kolbe W. De Atheniensium re navali... P. 29; Köster A. Das antike Seewesen. S. 123.

⁶⁸ Jordan B. The Athenian Navy... P. 67.

⁶⁹ Gilbert G. Handbuch... Bd. 1. S. 356, Anm. 3.

⁷⁰ Kirchhoff A. Über die Rede vom trierarchische Kranze. S. 101–106.

⁷¹ Strasburger H. Trierarchie. Sp. 113.

⁷² Ibid.

⁷³ Gilbert G. Handbuch... Bd. 1. S. 356.

⁷⁴ По вопросу корабельного персонала см.: Busolt G. 1) Griechische Staatskunde. Bd. 1... S. 576; 2) Griechische Staatskunde. Bd. 2... S. 1205; Jordan B. The Athenian Navy...

⁷⁵ Kolbe W. De Atheniensium re navali... P. 30.

⁷⁶ Jordan B. The Athenian Navy... P. 101 f.; 210 f.

⁷⁷ Kolbe W. De Atheniensium re navali... P. 30, n. 163.

⁷⁸ *Jordan B.* The Athenian Navy... P. 62.

⁷⁹ *Schömann G. F.* Griechische Altertümer... Bd. 1. S. 478.

Детали по вопросу назначения триерарха дискутируются у следующих исследователей: *Böckh A.* 1) *Urkunden...* S. 167; 2) *Die Staatshaushaltung...* Bd. 1. S. 629; 644; *Kolbe W.* *De Atheniensium re navali...* P. 26 sq.; 29 sq.; *Busolt G.* *Griechische Staatskunde.* Bd. 2. S. 1122; 1200 f.

⁸⁰ *Kolbe W.* *De Atheniensium re navali...* P. 29; *Busolt G.* *Griechische Staatskunde.* Bd. 2... S. 979.

⁸¹ *Jordan B.* The Athenian Navy... P. 63–64.

⁸² *Böckh A.* *Urkunden...* S. 171 f.; 463.

⁸³ *Schaefer A.* *Demosthenes und seine Zeit.* Bd. 4. Leipzig, 1858. S. 148.

⁸⁴ *Kolbe W.* *De Atheniensium re navali...* P. 32; *Busolt G.* *Griechische Staatskunde.* Bd. 2. S. 1200 f.; *Strasburger H.* *Trierarchie.* Sp. 114.

⁸⁵ *Schömann G. F.* *Griechische Altertümer...* Bd. 1. S. 480; *Gilbert G.* *Handbuch...* Bd. 1. S. 402, Anm. 2.

⁸⁶ *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей. Ч. 1. С. 285.

⁸⁷ *Ruschenbusch E.* Der Endtermin in der Leiturgie des Trierarchen // *ZPE.* Bd. 67. 1987. S. 155–157.

⁸⁸ *Böckh A.* *Urkunden...* S. 167.

⁸⁹ *Kolbe W.* *De Atheniensium re navali...* P. 27.

⁹⁰ *Ruschenbusch E.* Der Endtermin in der Leiturgie... S. 155.

⁹¹ О пиратстве см.: *Sestier L.* La piraterie dans l'antiquité. Paris, 1880; *Ormerod H.A.* Piracy in the Ancient World. An Essay in Mediterranean History. London, 1924; *Ziebart E.* Beiträge zur Geschichte des Seeraubs und Seehandels im alten Griechenland. Hamburg, 1929; *Трофимова М.Н.* Из истории эллинистического пиратства // *ВДИ.* 1963. № 4. С. 53–74.

⁹² Другая триерархия мирного времени — сопровождение священных триер — литургией не являлась, как это хотел бы считать К. Ф. Германн: *Hermann K.F.* *Lehrbuch...* S. 703, — и потому для нашего исследования интереса не представляет.

⁹³ *Бикерман Э.* Хронология древнего мира / Пер. И. М. Стеблин-Каменского. М., 1975. С. 10 сл.

⁹⁴ *Jordan B.* The Athenian Navy... P. 66.

⁹⁵ *Ibid.*

⁹⁶ *Ruschenbusch E.* Zur Besetzung athenischer Trieren. S. 110.

⁹⁷ *Schömann G. F.* *Griechische Altertümer...* Bd. 1. S. 478; *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей. Ч. 1. С. 268.

⁹⁸ *Böckh A.* *Die Staatshaushaltung...* Bd. 1. S. 630; *Kolbe W.* *De Atheniensium re navali...* P. 30 sq.

⁹⁹ *Kolbe W.* *De Atheniensium re navali...* P. 31.

¹⁰⁰ См: *Mossé C.* Die politischen Prozesse und die Krise der athenischen Demokratie // HP. Bd. 1. S. 172.

¹⁰¹ *Erxleben E.* Die Rolle der Bevölkerungsklassen im Aussenhandel Athens im 4. Jahrhundert v. u. Z. // HP. Bd. 1. S. 500, Anm. 289.

¹⁰² *Schömann G. F.* Griechische Altertümer... Bd. 1. S. 504.

¹⁰³ *Böckh A.* Die Staatshaushaltung... Bd. 1. S. 634–636; *Lipsius J. H.* Das attische Recht und Rechtsverfahren. Bd. 1. Leipzig, 1905–1915. S. 288; *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Bd. 2. S. 1209.

¹⁰⁴ Указание на эпиграфический материал по этому вопросу см.: *Hermann K. F.* Lehrbuch... S. 616, Anm. 8 f.; 701, Anm. 2–6.

¹⁰⁵ Об этом см.: *Böckh A.* Urkunden... S. 197; *Köhler U.* Aus den attischen Seeurkunden. S. 23 f.; *Kolbe W.* De Atheniensium re navali... P. 35 sq.; *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Bd. 2. S. 1204.

¹⁰⁶ См.: *Köhler U.* Eine attische Marineurkunde // AM. Bd. 4. 1879. S. 79 f., — который по различным пунктам модифицировал выводы А. Бёка в этом вопросе.

¹⁰⁷ *Schaefer C.* Neue Seeurkundenfragmente // AM. Bd. 5. 1880. S. 43 f.

¹⁰⁸ *Böckh A.* Urkunden... S. 199 f.; *Köhler U.* Aus den attischen Seeurkunden. S. 34.

¹⁰⁹ Эти заключения вытекают из датировки речи: *Böckh A.* Die Staatshaushaltung... Bd. 1. S. 637 f.; *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Bd. 2. S. 1200, Anm. 4; см. также комментарии С. И. Соболевского к этой речи в издании: Лисий. Речи / Пер. С. И. Соболевского. 2-е изд. М., 1994. С. 276 сл.

¹¹⁰ *Gilbert G.* Handbuch... Bd. 1. S. 352, Anm. 1.

¹¹¹ *Strasburger H.* Trierarchie. Sp. 108.

¹¹² *Jordan B.* The Athenian Navy... P. 71.

¹¹³ Дискуссию по этому вопросу рассмотрел Д. Р. Лейнг в своей диссертации: *Laing D. R.* A New Interpretation of the Athenian Naval Catalogue, IG II², 1951: University of Cincinnati dissertation, 1965; *Jordan B.* The Athenian Navy... P. 71.

¹¹⁴ *Pope H. B.* 1) Non-Athenians in Attic Inscriptions. New-York, 1935. P. 21–22; 2) Erechtheus and the Erechtheids // Studies Presented to D. M. Robinson, II. St. Louis, 1953. P. 1048–1049.

¹¹⁵ *Gaertringer H. v.* Rhodos // RE. Suppl. 5. 1931. Sp. 772.

¹¹⁶ *Jordan B.* The Athenian Navy... P. 71–72.

¹¹⁷ *Böckh A.* 1) Urkunden... S. 177; 2) Die Staatshaushaltung... Bd. 1. S. 638f.; *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Bd. 2. S. 1200.

¹¹⁸ См. комментарии Г. Ф. Шемана к V речи Исея в издании: *Isaei orationes* / Ed. G. F. Schoemann. Gryphiswaldiae, 1831. P. 290 sq.

¹¹⁹ *Inscriptiones atticae*... P. 187.

¹²⁰ *Sundwall J.* Eine neue Seeurkunde // AM. Bd. 35. 1910. S. 49 f.

¹²¹ *Fränkel H.* Attische Inschriften. S. 22; *Inscriptiones atticae*... P. 198.

¹²² *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Bd. 2. S. 1200.

¹²³ Körte A. Eine Verlustliste... S. 83 f.

¹²⁴ Strasburger H. Trierarchie. Sp. 108.

¹²⁵ Böckh A. 1) Urkunden... S. 177–189; 2) Die Staatshaushaltung... Bd. 1. S. 647 f.; Schaefer A. Demosthenes und seine Zeit. Bd. 1. S. 167; Kolbe W. De Atheniensium re navali... P. 28 sq.; Busolt G. Griechische Staatskunde. Bd. 2. S. 1202 f.; Andreades A. Geschichte der griechischen Staatswesen. S. 346 f.

¹²⁶ Gilbert G. Handbuch... Bd. 1. S. 352.

¹²⁷ Schömann G. F. Antiquitates iuris publici Graecorum. Leipzig, 1838. См. также: Schömann G. F. Griechische Altertümer... Bd. 1. S. 479.

¹²⁸ Böckh A. Urkunden... S. 177 f.

¹²⁹ Lipsius J.H. Die Athenische Steuerreform im Jahr des Nausinikos // JClPh. Bd. 24. 1878. S. 289 f.; Kahrstedt U. Forschungen zur Geschichte des ausgehenden 5. und 4. Jahrhunderts. Berlin, 1910. S. 205 f. (с обзором истории этого вопроса); Busolt G. Griechische Staatskunde. Bd. 2... S. 1202 f.; 1224 f.; Andreades A. Geschichte der griechischen Staatswesen... S. 345 f.; Poland F. Symmoria // RE. Bd. 4 A. Tl. 1. 1931. Sp. 1161 f.; Strasburger H. Trierarchie... Sp. 108; Sainte-Croix G. E. M. de. Demosthenes' Τύμημα and the Athenian Εἰσφορά in the Fourth Century // C&M. Vol. 14. 1953. P. 30–70; Jones A.H.M. Athenian democracy. Oxford, 1957. P. 23 f.; Schaefer H. Προεισφορά // RE. Suppl. 9. 1962. Sp. 1230–1235; Thomsen R. Eisphora. A study of Direct Taxation in Ancient Athens. Copenhagen, 1964; Jordan B. The Athenian Navy... P. 73 f.

¹³⁰ Gilbert G. Handbuch... Bd. 1. S. 352.

¹³¹ Böckh A. Die Staatshaushaltung... Bd. 1. S. 615; Thomsen R. Eisphora... P. 198 f.

¹³² Ibid.

¹³³ Kahrstedt U. Forschungen... S. 209; Sainte-Croix G. E. M. de. Demosthenes' Τύμημα... P. 56; Jones A. H. M. Athenian Democracy. P. 28.

¹³⁴ Jones A. H. M. Athenian Democracy. P. 28.

¹³⁵ Thomsen R. Eisphora... P. 202; 205.

¹³⁶ Kahrstedt U. Forschungen... S. 222.

¹³⁷ Sainte-Croix G. E. M. de. Demosthenes' Τύμημα... P. 32.

¹³⁸ Ruschenbusch E. Die athenischen Symmorien des 4. Jh. v. Chr. // ZPE. Bd. 19. 1978. S. 275–284; Mossé C. Les symmories Athéniennes // Points de vue sur la fiscalité antique / Ed. H. v. Effenterre. Paris, 1979. P. 31–42.

¹³⁹ Böckh A. Die Staatshaushaltung... Bd. 1. S. 612.

¹⁴⁰ Ruschenbusch E. Die athenischen Symmorien... S. 277.

¹⁴¹ Ibid.

¹⁴² Ibid. S. 277–281.

¹⁴³ Ruschenbusch E. 1) Epheben, Buleuten und die Bürgerzahl von Athen um 330 v. Chr. // ZPE. Bd. 41. 1981. S. 103–105; 2) Ein weiteres unbeachtetes Zeugnis zur Bürgerzahl Athens im 4. Jhd. v. Chr. // ZPE. Bd. 50. 1983. S. 202; 3) Zum letzten Mal. Die Bürgerzahl Athens im 4. Jhd. v. Chr. // ZPE. Bd. 54. 1984. S. 253–269.

¹⁴⁴ *Mossé C.* Les symmories Athéniennes. P. 38; 41–42.

¹⁴⁵ *Gabrielsen V.* The Naukrariai... P. 36.

¹⁴⁶ См. по этому поводу: *Ruschenbusch E.* Symmorienprobleme // ZPE. Bd. 69. 1987. S. 75 f.

¹⁴⁷ *Rhodes P. J.* Problems in Athenian Eisphora and Leiturgies // AJA. Bd. 7/1. 1982. P. 1–19.

¹⁴⁸ *Ruschenbusch E.* Symmorienprobleme. S. 75–81.

¹⁴⁹ *Ruschenbusch E.* Die athenischen Symmorien... S. 279; *Gabrielsen V.* The Naukrariai... P. 36; *Глускина Л.М.* Эйсфора в Афинах IV в. до н. э. // ВДИ. 1961. № 2. С. 29.

¹⁵⁰ *Böckh A.* Urkunden... S. 186.

¹⁵¹ *Kolbe W.* De Atheniensium re navali... P. 29 sq.; *Keil B.* Anonymus Argentinensis. Strassburg, 1902. S. 14; *Strasburger H.* Trierarchie. Sp. 109.

¹⁵² *Böckh A.* Urkunden... S. 187.

¹⁵³ Б. Джордан, соглашаясь с возможностью триерархии метеков, предлагает еще одно забавное объяснение этого факта: метеки, не имея прав и привилегий полноценных граждан, были, вероятно, более педантичны в выполнении правил, установленных на верфях, и более аккуратны во избежание тяжб, так что не нуждались по этой причине в записи своих долгов. См.: *Jordan B.* The Athenian Navy... P. 90.

¹⁵⁴ *Глускина Л. М.* Эйсфора в Афинах... С. 38.

¹⁵⁵ *Strasburger H.* Trierarchie. Sp. 109.

¹⁵⁶ *Jordan B.* The Athenian Navy... P. 64.

¹⁵⁷ См. к этому месту: *Murray A.T.* Demosthenes. Vol. 4. Cambridge; London, 1946. P. 452, note b.

¹⁵⁸ *Böckh A.* Die Staatshaushaltung... Bd. 1. S. 537; 631; *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Bd. 2. S. 839, Anm. 1; 1200.

¹⁵⁹ *Davies J. K.* Athenian Propertied Families... P. XXIII f.

¹⁶⁰ *Ruschenbusch E.* Die athenischen Symmorien. S. 279, Anm. 17.

¹⁶¹ Некоторые исследователи пытаются установить, сколько же лиц было ежегодно освобождено от триерархической повинности, и получают внушительный результат — около 720 человек: *Lipsius J. H.* Die Athenische Steuerreform... S. 296; *Ruschenbusch E.* 1) Die athenischen Symmorien... S. 282; 2) Symmorienprobleme. S. 75.

¹⁶² *Ruschenbusch E.* Die athenischen Symmorien... S. 282; см. также: *Gabrielsen V.* The Naukrariai... P. 32 f.

¹⁶³ Ср.: *Kolbe W.* De Atheniensium re navali... P. 28.

¹⁶⁴ Подробней о проэйсфоре и трехстах ее исполнителях см.: *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Bd. 2. S. 626; 1227; *Kahrstedt U.* Staatsgebiet und Staatsangehörige... S. 218 f.; 293 f.; *Sainte-Croix G. E. M. de.* Demosthenes' Τίμημα... P. 30 f.; *Jones A. H. M.* Athenian democracy. P. 23 f.; *Schaefer H.* Προεισφορά. Sp. 1230 f.

¹⁶⁵ Подробнее об этом см. дальше.

¹⁶⁶ TLG. Vol. 1. P. 2. 1831–1856. С. 906. S. v. ἀντιδοσις.

¹⁶⁷ См. комментарии Г. Ф. Шемана к речам Исея в издании: Isaei orationes / Ed. G. F. Schömann. Gryphiswaldie, 1831. P. 452.

¹⁶⁸ *Ruschenbusch E.* Ein Betrag zur Leiturgie und zur Eispchora // ZPE. Bd. 59. 1885. S. 237.

¹⁶⁹ Здесь следует признать справедливость предположения Э. Рушенбуша о том, что при фактически строгом различии между эйсфорой и литургиями эти понятия могли на деле смешиваться.

¹⁷⁰ *Voerner J.* Εἰσφορά // RE. Bd. 5. Tl. 2. 1905. Sp. 2149 f.; *Глушкина Л.М.* 1) Проблемы социально-экономической истории в Афинах IV в. до н. э. Л., 1975. С. 121; 2) Эйсфора в Афинах... С. 23–38; *Thomsen R.* Eispchora...

¹⁷¹ Ср.: *Dem.*, XVIII, 104, когда оратор с горечью говорит, что теперь нет триерархов, но лишь συντελεῖς.

¹⁷² *Böckh A.* Urkunden... S. 179; 187; *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Bd. 2. S. 1203, Anm. 1.

¹⁷³ См. к этому месту: *Schaefer A.* Demosthenes und seine Zeit. Bd. 1. S. 461 f.

¹⁷⁴ *Strasburger H.* Trierarchie. Sp. 110.

¹⁷⁵ О мощности афинского флота см.: *Böckh A.* Urkunden... S. 179; *Kolbe W.* Zur athenischen Marineverwaltung. S. 385; *Busolt G.* 1) Griechische Staatskunde. Bd. 1. S. 571; 2) Griechische Staatskunde. Bd. 2. S. 1199.

¹⁷⁶ *Böckh A.* Urkunden... S. 188; 209.

¹⁷⁷ *Böckh A.* Urkunden... S. 168; *Gilbert G.* Handbuch... Bd. 1. S. 354, Anm. 1.

¹⁷⁸ *Ruschenbusch E.* Die trierarchischen Syntelien und das Vermögen der Syntelie-mitglieder // ZPE. Bd. 59. 1985. S. 240 f.

¹⁷⁹ *Strasburger H.* Trierarchie. Sp. 110.

¹⁸⁰ *Böckh A.* 1) Die Staatshaushaltung... Bd. 1. S. 621; 2) Urkunden... S. 178 f.; *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Bd. 2. S. 1202, Anm. 3.

¹⁸¹ *Gilbert G.* Handbuch... Bd. 1. S. 352.

¹⁸² *Strasburger H.* Trierarchie. Sp. 109.

¹⁸³ Об этих фигурах, а также других служащих, связанных с симмориями, см. достаточно подробное исследование Б. Джордана: *Jordan B.* The Athenian Navy... P. 83 f.

¹⁸⁴ *Andreades A.* Geschichte der griechischen Staatswesen. S. 346.

¹⁸⁵ *Köhler U.* Eine attische Marineurkunde. S. 86; *Strasburger H.* Trierarchie. Sp. 111. Менее определенно по этому вопросу выразился Г. Гильберт, говоря просто о депутировании триерарха из круга синтелии: *Gilbert G.* Handbuch... Bd. 1. S. 353.

¹⁸⁶ *Fränkel H.* Attische Inschriften. 1923. S. 1–23.

¹⁸⁷ *Strasburger H.* Trierarchie. Sp. 111.

¹⁸⁸ Böckh A. Die Staatshaushaltung... Bd. 1. S. 652; Schaefer A. Demosthenes und seine Zeit. Bd. 3. Tl. 2. S. 193 f.

¹⁸⁹ Примеры очевидных и возможных добровольных снаряжений собственных кораблей см.: Böckh A. Die Staatshaushaltung... Bd. 1. S. 657–661; Jordan B. The Athenian Navy... P. 91–93.

¹⁹⁰ Радциг С. И. Демосфен — оратор и политический деятель // Демосфен. Речи / Пер. С. И. Радцига. М., 1954. С. 433.

¹⁹¹ Böckh A. 1) Urkunden... S. 180; 182 f.; 189–194; 2) Die Staatshaushaltung... Bd. 1. S. 661–669; Gilbert G. Handbuch... Bd. 1. S. 354; Busolt G. Griechische Staatskunde. Bd. 2. S. 1203.

¹⁹² К этому месту см.: Lipsius J. H. Die attische Steuerverfassung und das attische Volksvermögen // RhM. Bd. 71. 1916. S. 174.

¹⁹³ Gilbert G. Handbuch... Bd. 1. S. 255, Anm. 1.

¹⁹⁴ Относительно закона Демосфена 340 г., кроме указанной в прим. 62–63 литературы, см.: Schömann G. F. Griechische Altertümer... Bd. 1. S. 479; Schaefer A. Demosthenes und seine Zeit. S. 523 f.; Strasburger H. Trierarchie. Sp. 111; Ruschenbusch E. Die athenischen Symmorien... S. 280 f. Исчерпывающее изложение Г. Ванкелем дискуссии вокруг этого вопроса см. в издании: Demosthene. Rede für Ktesiphon über den Kranz / Hrsg. von H. Wankel. Heidelberg, 1976. S. 551–572.

¹⁹⁵ Andreades A. Geschichte der griechischen Staatswesen. S. 347.

¹⁹⁶ Strasburger H. Trierarchie. Sp. 112.

¹⁹⁷ Böckh A. 1) Urkunden... S. 183; 2) Die Staatshaushaltung... Bd. 1. S. 669; Gilbert G. Handbuch... Bd. 1. S. 355; Busolt G. Griechische Staatskunde. Bd. 2. S. 1204; Strasburger H. Trierarchie. Sp. 112.

¹⁹⁸ Ferguson W. S. Researches in Athenian and Delian Documents, III // Klio. Bd. 9. 1909. S. 317; Andreades A. Geschichte der griechischen Staatswesen. S. 312, Anm. 8; Kahrstedt U. Staatsgebiet und Staatsangehörige... S. 227; Strasburger H. Trierarchie. Sp. 112.

¹⁹⁹ Jordan B. The Athenian Navy... P. 83.

²⁰⁰ Ср.: Curtius E. Griechische Geschichte. Bd. 2. Berlin, 1861. S. 202, Anm. 44.

²⁰¹ Относительно второй экстраординарной литургии — проэйсфоры, помимо основных сведений, представленных в этой главе, см. также: Sainte-Croix G. E. M. de. Demosthenes' Τίμημα... P. 30–70; Schaefer H. Προεῖσφορά. Sp. 1230–1235.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сущность института афинских классических литургий представляется, в общих чертах, вполне очевидной. Этот институт существовал для покрытия определенных государственных издержек. Назначением ординарных литургий была организация отдельных актов государственных и местных (то есть в демах) праздников, которые охватывали драматические, музыкальные, спортивные зрелища. Однако, прежде всего, ординарные литургии предназначались для удовлетворения нужд более узкого коллектива граждан — коллектива своей филы. Экстраординарные литургии (триерархия и проэйсфора) носили иной характер и предназначались для военных целей.

Для исполнителей литургий существовал имущественный ценз. Граждане с определенным размером состояния могли подвергнуться литургическим расходам. Эти обязанности могли возлагаться лишь на тех граждан, чье состояние превышало определенную сумму, которая на рубеже V–IV вв. составляла около 3 талантов. В эту сумму входила стоимость недвижимого имущества. И лишь самые богатые 300 граждан, независимо от абсолютного размера их состояния, могли подвергаться расходам самых крупных литургий, которыми были триерархия, хорегия, проэйсфора.

Невыполнение литургий строго наказывалось (*Dem.*, XX, 40; *Plat. leg.*, XII, 949 c-d)¹. Однако ряд лиц имел освобождение от выполнения литургий — ателию (ἀτέλεια)²: сироты, несовершеннолетние, наследницы, не облагающимися литургиями (ἀλειτούργητος) были состояния клерухий и корпораций, а также от триерархических обязанностей освобождались те граждане, которые были заняты на государственных службах³: архонты, таксиархи, стратеги, филархи⁴. Сам принцип отбора литургов на тот или иной год не совсем понятен. Однако знаем, что определение того, будет ли какое-либо лицо выполнять литургию или получит освобождение от нее, осуществлялось посредством судебного разбирательства (διαδικασία) ([*Xen.*] *Ath. pol.*, III, 4; *Arist. Ath. pol.*, 61, 1; *Hesych.*, *Suid.*, *Etym. Magn.* s. v.)⁵. Освобождение от литургий после установления его законности мог дать только народ через Совет, а позднее — через гелиею; именно к народу и апеллировало соответствующее лицо в качестве истца, просителя (ἰκέτης) (*Dem.*, XVIII, 107).

Однако у облагавшихся литургиями лиц была возможность избежать более крупных расходов (по снаряжению триер, организации хоров или выполнению проэифоры) посредством процесса антидосиса (*ἀντιδοσις*)⁶, если этот гражданин смог назвать такое лицо, которое имеет большее состояние, но не входит в круг трехсот богатейших. Последний в таком случае должен был либо принять на себя расходы указанной литургии, либо обменяться имуществом с истцом — в качестве доказательства того, что сам он считает свое состояние меньшим по размеру. Если же не производилось ни первого, ни второго, возникало судебное разбирательство.

Конечно, уклонение от литургических обязанностей не делало чести гражданину, и в Афинах классического времени, когда идея полисного коллективизма, усиленная тем, что все граждане могли знать друг друга по повседневному общению, по общению на праздниках и народных собраниях⁷, была определяющим фактором духовной жизни⁸, эти процессы не были часты. В это время граждане в основной массе не только не стремились избежать литургических расходов, но напротив — старались исполнить их с максимальной отдачей, чтобы не быть обвиненными в равнодушии к коллективу своей филы, а тем более к государственным интересам. Однако в кризисное время, когда аполитичность граждан получает яркое выражение⁹ и определенно разрушаются религиозные ценности¹⁰, многие пытаются избежать литургических обложений, скрывая свое имущество¹¹.

Кроме имущественного ценза, для исполнения литургий зафиксирован и другой ценз — возрастной (*χρονοὶ τῆς ἀτελείας*: *Arist. Ath. pol.*, 56, 3): для хорегов дифирамбического хора мальчиков, каковой ценз, по логическому заключению У. Каршtedта, должен был существовать и для гимнасиархов команды мальчиков¹².

Литургии были обязанностью граждан. Метеки допускались к литургическим расходам в весьма немногих случаях. Так, естественно, метеки не могли выполнять те ординарные литургии, которые предназначались для организации команд отдельных фил для праздников. Метеки, не входившие в гражданские списки фил, не могли, соответственно, и быть представителями какой-либо филы на агоне. Другое дело — те литургии, что служили собственно государственным интересам и предполагали к тому же весьма значительные расходы, что являлось дополнительным стимулом к привлечению для несения этих расходов негражданских слоев населения, то есть метеков. Потому на метеков могло возлагаться исполнение триерархии, драматической хорегии (и то лишь на Ленеях — не первом по значению драматическом празднике) и, конечно,

выплата эйсфоры (которая хоть и не принадлежит литургиям¹³, но все время попадает в круг литургических проблем).

Важно отметить следующую особенность афинских литургий — этот институт означал не просто финансирование того или иного мероприятия, но и предполагал личное участие в нем. Характерным в этом отношении является тот факт, что с самого начала надзор за исполнением литургий не входил в ведение финансовых магистратур. От исполнителя литургий требовалось не только финансовое участие, но и затрата значительного количества энергии и времени для организации порученного ему мероприятия. Литургии отражали не только размер состояния того или иного гражданина, но и его умение, вкус, предприимчивость, а также его желание участвовать в судьбе своего коллектива (шла ли речь о филе или обо всем полисе). Именно эта особенность афинских классических литургий нашла свое отражение в позднейших эллинистических литургических должностях, выполнение которых могло не потребовать значительных расходов, однако всегда требовало затраты личного времени и энергии.

Кроме того, существовал обычай, названный греками эпидосис (*ἐπίδοσις*) — добровольное принятие на себя тех или иных расходов, что выражалось либо в денежных пожертвованиях, либо в поставках в натуральной форме¹⁴. Подобные явления не были редкостью (*Lys. Leost.*, 140; *Athen.*, IV, 168 f). Однако, в свою очередь, и государство в случаях нужды делало призывание к подобным добровольным пожертвованиям (*IG*, II², 791; объявления об эпидосисе происходили даже в экклесии: *Dem.*, XXI, 162; *Plut. Alcib.*, 10; *Athen.*, IV, 168 f). Обычно эпидосис означал не только простые денежные взносы для военных и других нужд (*Is.*, V, 37 sq.; *Dem.*, XVII, 113; XXXIV, 38. 39; *Din.*, I, 80 etc.) или поставку требуемых вещей, например, триеры (*Dem.*, XXI, 160. 165; XLV, 85; [*Plut.*] *Nurper.*, 24. 849), гребцов (*IG*, II², 554; *Dem.*, XLV, 85), но и выполнение всех видов общественных обязанностей, особенно триерархии (*Lys.*, XXIX, 4. 7; *Dem.*, XXI, 161), хорегии (*Dem.*, XXI, 13), архитеории (*Din.*, I, 82). Нередко отдельные граждане делали добровольные подарки по различным поводам без особой на то необходимости¹⁵.

Как мы увидели, говорить об институциональном устройстве литургий можно лишь со времени Клисфена. Именно тогда появляется хорегия и гимнасиархия, исполнение которых возлагается в обязательном порядке на отдельных граждан, в то время как до Клисфена финансирование общественных праздников производилось на средства правящего дома или добровольные пожертвования богатейших людей. Примеры таких пожертвований засвидетельствованы не только в Греции.

Й. Хейзинга в своей известной книге, отмечая агональный базис культурной жизни архаических обществ, рассказывает об обычае, распространенном у различных народов и прежде всего у индийских племен, который в этнологии получил название «потлач»¹⁶. Суть этого обычая заключается в состязании в раздаривании и уничтожении собственного имущества с целью демонстрации состоятельности и щедрости. Подобные состязания в необузданной щедрости встречаются в более или менее четком проявлении и в современных общинах, находящихся на ранних ступенях развития: исследователь начала прошлого века М. Мосс наблюдал обычаи, полностью совпадающие с потлачем, у меланезийцев, а также нашел следы этого обычая не только в древней греческой культуре, но и римской, и древнегерманской. Подобные состязания обнаружены и в древнекитайской традиции, а также в доисламском арабском язычестве¹⁷.

Во всей этой традиции весьма важным представляется следующее: подобные дарения осуществляются в первую очередь ради престижа, верховенства, выигрыша (победителем в этих дарениях оказывается тот, кто сумел превзойти соперника своей щедростью). Также для Греции И. Е. Суриков в своей книге, посвященной роду Алкмеонидов, в качестве одного из механизмов установления влияния аристократии называет щедрость¹⁸.

Таким образом, следует, вероятно, предположить, что изначально греческие литургии, или, пользуясь терминологией М. Троя, квазилитургии существовали на уровне обычая в отдельных общинах. Самые состоятельные граждане добровольно предоставляли свои средства для нужд общины. А со времени Клисфена такое устройство было институализировано. И хотя клисфеновы преобразования кажутся некоторым исследователям (прежде всего Дж. Оберу) столь радикальными, что вызывают сравнения с величайшими революциями нового времени (например, российскими 1918 г. и 1989–91 гг.)¹⁹, все же, по замечанию Л. П. Маринович, «Клисфенова система была ближе к “аристократическому строю”»²⁰, что выразилось, в частности, в усвоении аристократических институтов, каковым был институт литургий.

Вероятно, именно таким положением вещей следует объяснять тот факт, что первые литургии, о которых мы знаем, — это те, которые предназначались для предоставления средств для выступления гражданского коллектива филы на государственных религиозных праздниках, которые играли огромную роль в социальной жизни афинян: праздничные дни составляли не менее 30% афинского календаря²¹. Исполнители ли-

тургий организовывали выступление команд своей филы в различных агонах на наиболее важных афинских праздниках.

Однако, кроме литургий фил, существовали и литургии несколько иного рода — имеющие общеполисное значение. Так, например, архитеоры являлись представителями не узкого круга граждан, а всего афинского полиса, представляя весь гражданский коллектив на панэллинских празднествах. Также и драматические хорегии осуществляли организационную и финансовую поддержку важного идеологического института эллинов — театра. В этой роли хорегии являлись своего рода служителями общегосударственных интересов. Подобный характер носили и те виды литургий, что были направлены на организацию отдельных актов священнодействия во время торжественной праздничной процессии, прежде всего в честь главного божества полиса на главном афинском празднике — Панафинейх. И вообще, как можно заметить, все ординарные литургии имеют отношение к Панафинейам (за исключением выделяющихся из общей картины драматической хорегии и архитеории). Вероятно, следует предположить, что изначально литургии существовали в первую очередь для организации этого древнего и самого значительного афинского праздника, а позднее были перенесены на организацию подобных состязаний на иных праздничных зрелищах.

Экстраординарные литургии (триерархия и проэйсфора), появившись позже, возникли, вероятно, по примеру ординарных.

Конечно, мы не располагаем сведениями о раннегреческих литургиях. Однако с очевидностью предстает сама финансовая система архаического общества, опирающаяся на крупные вложения отдельных родов. Аристократические роды вынуждены были предпринимать различного рода мероприятия (военные походы, колонизационные экспедиции) на собственные средства. Аристократическое общество, описанное, прежде всего, Гомером и Гесиодом, покоилось на принципе автаркии (αὐτάρκεια) — самоудовлетворения.

Переход от общества «суверенных» аристократических землевладельцев к организованному аристократическому государству полисного типа означал лишь большую институализацию общественных обязанностей, однако не изменил их функций. Также и солонова политика стоит в цепи событий. Его «тимократическое» выделение четырех «доходных» — не податных, так как не было налогов — классов определило для афинян предпосылки разделения политических прав и военных обязанностей в зависимости от степени их состоятельности. Такой порядок сделал возможным выделение того «класса» граждан, что должен был платить подати.

При Писистратидах был введен прогрессивный подоходный налог — десятина, характерная как для греческих тиранов, так и для восточных деспотий. Однако после свержения тирании эта десятина была отвергнута, как указывает Ч. Старр, не только демократическими государствами, но и теми, где установилось аристократическое правление²². Но и литургии продолжали при тиранах свое существование. И новое правление их не отменило, поскольку они не были институтом, созданным тиранией. Новая организация афинского государства при Клисфене, продолжив дело Солона, еще более ослабила позиции аристократии, но значение литургий осталось прежним.

В том и заключается парадокс этого института: учреждение архаического общества стало одним из тех институтов, что отражали сущность афинской демократии. И это неудивительно. Греки не сумели далеко уйти от общинной организации своего общества. Своеобразие греческого общества состояло в его полисном устройстве. И хотя для большинства исследователей понятия «демократия» и «полис» оказываются неотделимыми друг от друга, в последнее время появились и другие мнения, доказывающие, что нельзя говорить о демократической системе как о самой типичной форме государственного устройства полиса²³. Относительная обособленность и разобщенность отдельных общин, по сути, не была разрушена, и жизнь по существу во многих проявлениях сохраняла общинный характер²⁴. В поддержку этого же тезиса звучат выводы американского исследователя Р. Уоллеса, предпринявшего попытку сравнить правовую сторону афинской и современной американской демократии и пришедшего к выводам, что Афинское государство в отличие от американского в большей степени стояло на защите интересов коллектива в сравнении с интересами отдельной личности²⁵. Литургии являлись полисным институтом, предназначенным, наравне с другими институтами, для «толп, слегка организованных толп граждан»²⁶. Ослабление полисных институтов в эллинистическое время сопровождается разрушением системы классических литургий.

Другую причину особенности финансовой системы отмечает немецкий исследователь Х. Мейер: отсутствие в Греции когда бы то ни было сильной монархической власти. Тиранические режимы были недолговременны и не пустили сильных корней²⁷. Так, история нового времени дает нам многочисленные примеры того, как демократия, разрушив устаревшую монархию, перенимает от нее ряд институтов и в первую очередь финансовую систему. Греки такого примера для подражания не знали. Даже если тиранический режим создавал какую-то централизованную систему финансирования, то она отвергалась последующими режимами.

Потому государственное устройство греческих полисов сохранило в себе ранние черты, и в первую очередь в финансовой системе²⁸.

Принятие литургических расходов оставалось делом того же круга лиц, что и прежде, который олицетворял также и правящие слои. Показательно, что еще Кимон, политик времени начала демократии, потому был любим народом, что выполнял литургии с размахом и делал богатые дары (*Arist. Ath. pol.*, 27, 3; *Plut. Cim.*, 10). По существу Кимон был еще аристократом²⁹.

Однако глубинные изменения структуры росли. Демос постепенно набирал силу. На социальное развитие оказывали влияние и экономические перемены. Фемистокл попытался уже организовать флот не за счет аристократии, а на народные средства — на доходы рудников. Дальнейший удар по аристократии нанесли реформа Эфиальта (462 г.), а также изгнание посредством остракизма оппонента Перикла Фукидида из Алопеки (443 г.). Однако при установлении политического правления демоса народу все же не хватало хозяйственной самостоятельности³⁰. И во время перикловой демократии народ оставался финансово зависим от состоятельных сограждан³¹. Две весьма важные государственные должности: триерархия и хорегия (относящиеся к военной и идеологической сфере), — были литургическими, исполнявшимися состоятельными лицами. Исполнение прежде всего этих должностей приносило известность и престиж, особенно если литург делал больше, нежели ему было предписано или от него ожидалось³².

Демократия переняла литургическую систему аристократического общества как само собой разумеющееся, так как эти литургии раньше выполняли свои задачи. Теперь они смогли послужить интересам демократии. Это одно из проявлений того, что Л. П. Маринович назвала «экстраполяция аристократических принципов в демократическую систему»³³. Не стоит идти вслед за мнением Я. Буркхардта, разделявшего взгляды автора олигархического трактата об афинском государстве (ср.: [*Xen.*] *Ath. pol.*, I, 13), который видел сущность классической демократии в безжалостной эксплуатации состоятельных людей³⁴. Афинское государство всегда предоставляло протекцию крупным состояниям. На деле различные угрозы крупным состояниям: конфискации имущества, гнет эйсфоры, литургии, — сосуществовали с целым комплексом мер, которые, напротив, гарантировали владельцам состояний юридическую и политическую опеку³⁵.

Хотя демократии удалось «поставить себе на службу»³⁶ и самих аристократов³⁷, что особенно отчетливо прослеживается на ранних этапах. Именно в период становления демократии отмечается наибольший

удельный вес аристократов в политически активных кругах и сокращение его в IV в., когда аристократия начала использовать иные методы политического влияния³⁸. Эту же тенденцию отмечает С. Г. Карпюк, основываясь на анализе данных политической антропониимики: в IV в. среди афинских имен отмечается увеличение доли имен с корнем $\delta\eta\mu$ -, особенно интенсивен этот процесс в политически активных кругах; одновременно существенно уменьшается доля имен с «демонстративно аристократическим» корнем $\alpha\rho\iota\sigma\tau$ -³⁹. В частности, среди триерархов в 357–340 гг. на лица с именами, содержащими корень $\delta\eta\mu$ - и $\alpha\rho\iota\sigma\tau$ -, приходилось, соответственно, 9,4% и 2,01%⁴⁰. О качественных изменениях внутри «политического класса» пишет также К. Моссе⁴¹.

Пелопоннесская война, потрясая весь греческий мир (*Thuc.*, I, 1, 2), обострила внутреннее положение Афин. Финансовые резервы в связи с возросшими военными расходами с трудом выдерживали нагрузку. Потребовались новые методы финансирования. Так в первые годы войны Клеоном, продолжателем политики Перикла, было охвачено эйсфорой — экстраординарными военными налогами — большее количество граждан⁴².

Критический момент настал с крахом Сицилийской экспедиции. После этого времени подняла голову олигархия, демократия утратила свои позиции, и Афины пережили два олигархических переворота (411 и 403 гг.), которые, однако, смогли закончиться реставрацией демократии. З. Лауффер так охарактеризовал сложившуюся после 403 г. ситуацию: «На деле демократия потеряла характер господства народа, но и состоятельным гражданам не удалось более создание олигархического правительства»⁴³.

Именно для этого более позднего времени мы и располагаем основной массой материала. Это, прежде всего, надписи и свидетельства аттических ораторов, которые и отражают роль литургий. Поскольку в это время был исчерпан один из источников государственных доходов — подати союзников⁴⁴, и экономическое положение Афин ухудшилось⁴⁵, литургии стали еще важнее, чем прежде. Вероятно, именно в это время над литургическими податями был установлен строгий контроль: расходы литургов фиксировались документально. Хотя, конечно, нельзя предположить отсутствия такого контроля и во времена Перикла.

Кроме того, осознавая важность литургических податей, государство предпринимает меры для защиты состояний. Так, возникает запрет исполнения в один год более одной литургии. С другой стороны, исполнение наиболее крупных повинностей — триерархии и хорегии —

позволялось распределить между двумя, а иногда и более лицами. Ни во время расцвета демократии, ни позднее — никогда не было у народа установки разорять богатых посредством литургий, то есть «делать богатых бедными», как считал Псевдоксенофонт ([*Xen.*] *Ath. pol.*, I, 13)⁴⁶, поскольку демос понимал, как сильно зависит от финансовой состоятельности богатых сограждан. Однако литургии были порой разорительны для их исполнителей⁴⁷, и литургии, особенно при выполнении дорогостоящей триерархии, вынуждены были порой прибегать к займам (*Dem.*, XXVIII, 17)⁴⁸. Дальнейшее реформирование литургической системы, имеющее всю ту же защитную цель, выразилось в оформлении системы симморий: сначала для выплаты эйсфоры, затем для несения триерархических расходов.

Народ относился к большим состояниям с терпимостью, поскольку они через литургии служили ему источником финансирования. Ранняя солонова установка на ограничение крупных состояний (*Arist. pol.*, II, 1266 b, 17 sq.)⁴⁹ демократией далее не развивалась. Весьма показательное отношение демоса к горным промышленникам. Эпиграфические арендные записи IV в. позволяют заметить непосредственную связь между горным бизнесом и литургиями, при этом записи демонстрируют, что удачливые арендаторы (порой на протяжении нескольких поколений) функционировали в качестве триерархов⁵⁰. Никий, являясь арендатором шахты, был одним из самых богатых граждан полиса и потому принимал на себя многие литургии (*Plut. Nic.*, 3) и, несмотря на свои политические взгляды (*Plut. Nic.*, 11), служил демосу. Именно в IV в. крупные состояния приобретают большое значение.

В это время, в IV в., потребовались профессиональные политики и профессиональные финансовые деятели. Эвбул и Ликург потому смогли поправить финансовое положение Афин, что являлись уже практически профессиональными политиками⁵¹; дилетанты перестали удовлетворять афинское государство. Реформы литургий и другие аналогичные финансовые и политические мероприятия потребовали более сильного бюрократического аппарата. «Деньги всегда есть в наличии лишь в том случае, когда они нужны, до этого момента их нет» (*Dem.*, XIV, 26) — это было основное правило финансовой политики полиса. В определенный момент оно перестало срабатывать. Упразднение литургий при Деметрии Фалерском (317–307 гг.) было логическим завершением предшествующего развития. После создания планомерной экономики стало возможным возложить литургические расходы на государственную казну и на постоянных служащих: хорегические обязанности, к примеру, были переданы агонифету.

Социальные и экономические процессы, которые лежали в основе классических литургий, определили и гибель демократии, и разрушение литургической системы. Все более опираясь на финансовых магнатов, народ на деле потерял не только экономическую, но и политическую независимость. Еще Демосфен подчеркнул изменившееся положение вещей: «Тогда народ был хозяином государственных деятелей (τῶν πολιτευομένων), а теперь он — слуга» (*Dem.*, XXIII, 209). Деполитизация народа, которая выразилась также в сокращении участников народного собрания и суда, а также в ограничении действия этого органа⁵², происходила одновременно с увеличением участия состоятельных средних слоев в органах бюрократического управления.

Таким образом, при обобщающем взгляде на институт литургий мы видим, что полис и литургии существовали вместе. При этом демократическое движение, достигшее вершины своего расцвета в конце V в., переняло аристократическую форму финансирования — литургии и поставило их на защиту интересов демократии, сделав при этом народ экономически зависимым от крупных состояний. Эта зависимость не ощущалась во времена благополучия демократии, однако когда военные расходы и последствия поражения очертили проблему со всей очевидностью. Упразднение литургий тесно связано к тому же с концом полиса: то, что в эллинистическое время стало называться полисом и литургиями, носило совершенно иной характер⁵³.

Таким образом, литургии, являясь открытием аристократии, не подбали новому устройству позднеклассических Афин. С отходом от прежних законов жизни, с рождением большой политики, когда старые государственные устройства и финансовая система не могли уже удовлетворить общество и появилась необходимость в профессиональных политиках и устойчивой системе финансирования, устарел и был ликвидирован институт литургий.

Примечания

¹ Литургии отнюдь не были добровольными пожертвованиями, как это представлено у некоторых исследователей: *Schaefer H.* Politische Ordnung und individuelle Freiheit im Griechentum // Zur Griechischen Staatskunde / Hrsg. von F. Gschnitzer. Darmstadt, 1969. S. 142; *Глускина Л.М.* Проблемы кризиса полиса // Античная Греция. Проблемы развития полиса: сб. ст. Т. 2. М., 1983. С. 11.

² *Oehler J.* Ἀτέλεια // RE. Bd. 2. 1896. Sp. 1911–1913.

³ Источники сообщают об освобождении от литургий лиц, занимающих только эти должности; при этом в принципе не упоминается о сочетании выполнения какой-либо должности с исполнением литургии: *Kahrstedt U.* Studien zum öffentlichen Recht Athens. Tl. 2: Untersuchungen zur Magistratur in Athen. Stuttgart, 1936. S. 301.

⁴ *Hermann K. F.* Lehrbuch der griechischen Staatsaltertümer. 6. Aufl. von V. Thumser. Bd. 1. Tl. 2. Freiburg, 1892. S. 703 f.; *Oehler J.* Leiturgie // RE. Bd. 12. Tl. 2. 1925. Sp. 1874; *Ruschenbusch E.* Symmorienprobleme // ZPE. Bd. 69. 1987. S. 77 f.

⁵ См.: *Kahrstedt U.* Studien zum öffentlichen Recht Athens. Tl. 1: Staatsgebiet und Staatsangehörige in Athen. Stuttgart; Berlin, 1934. S. 223.

⁶ Подробнее об этом процессе см.: *Fränkel M.* Die Antidosis // Hermes. Bd. 18. 1883. S. 442–465; *Thalheim Th.* 1) Die Antidosis // Hermes. Bd. 19. 1884. S. 80–91; 2) Ἀντιδοσις // RE. Bd. 1. 1894. Sp. 2397–2398; *Hermann K. F.* Lehrbuch... Bd. 1. Tl. 2. S. 705; *Kahrstedt U.* Staatsgebiet und Staatsangehörige... S. 222 f.

⁷ *Ruschenbusch E.* Die Polis und das Recht // Symposion 1979. S. 312.

⁸ *Strasburger H.* Die Einzelne und die Gemeinschaft im Denken der Griechen // Zur Griechischen Staatskunde / Hrsg. von F. Gschnitzer. Darmstadt, 1969. S. 99 f.

⁹ *Радциг С. И.* Демосфен — оратор и политический деятель // Демосфен. Речи / Пер. С. И. Радцига. М., 1954. С. 423; *Фролов Э. Д.* Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1991. С. 217–218.

¹⁰ *Суриков И. Е.* Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н. э.: Софокл, Еврипид и Аристофан в их отношении к традиционной полисной религии. М., 2002. С. 93 сл.

¹¹ Немецкий исследователь Д. Рёсслер, интересующийся вопросами греческой моды, заметил даже, что состоятельные афиняне надевали на себя едва ли не рубища с той целью, чтобы сограждане не смогли заподозрить их состоятельность: *Rössler D.* Gab es Modetendenzen in der griechischen Tracht am Ende des 5. und im 4. Jhd. v. u. Z.? // HP. Bd. 3. S. 1553.

¹² *Kahrstedt U.* Staatsgebiet und Staatsangehörige... S. 221. Добавим, что, следовательно, и для прочих литургов, организующих детские команды, как, например, мальчиков-пиррихистов.

¹³ *Lécrivain Ch.* Eisphora // DA. Vol. 2. P. 1. 1892. P. 505, n. 19.

¹⁴ *Thumser V.* De civium Atheniensium muneribus eorumque immunitate. Wien, 1880. P. 99, n. 5; *Böckh A.* Die Staatshaushaltung der Athener. 3. Aufl. von M. Fränkel.

Bd. 1. Berlin, 1886. S. 657 f.; 685 f.; *Fränkel M.* Anmerkungen des Herausgebers zum Ersten Band // *Böckh A.* Die Staatshaushaltung... Bd. 2. S. 132*, Anm. 887; *Boerner J.* Ἐπίδοσις // RE. Bd. 6. Tl. 1. 1907. Sp. 60.

¹⁵ Об этом см.: *Böckh A.* Die Staatshaushaltung... Bd. 1. S. 685–686.

¹⁶ *Хейзинга Й.* Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Пер. В. В. Ошиса, под ред. Г. М. Тавризяна. М., 1992. С. 74 сл.

¹⁷ *Granet M.* 1) Danses et légendes de la Chine ancienne. Vol. 1–2. Paris, 1926. P. 57; 2) Civilisation chinoise, la vie publique et la vie privée. Paris, 1929. P. 196; 200; *Хейзинга Й.* Homo ludens... С. 75.

¹⁸ *Суриков И. Е.* 1) Из истории греческой аристократии позднерхаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н. э. М., 2000. С. 59; 2) Ксантипп, отец Перикла: Штрихи к политической биографии // ПИФК. 2000. Вып. 8.

¹⁹ *Ober J.* The Athenian Revolution: Essays of Ancient Greek Democracy and Political Theory. 2d ed. Princeton, 1999. См. также рецензию С.Г. Карпюка: ВДИ. 2000. № 4. С. 197–199; *Карпюк С. Г.* Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003. С. 37–39.

²⁰ *Маринович Л. П.* Античная и современная демократия: новые подходы. Курс лекций. М., 2001. С. 16.

²¹ *Cartledge P.* The Greek Religions Festivals // Greek Religion and Society / Ed. by P. E. Easterling, J. V. Muir. Cambridge, 1987. P. 98 f.

²² Ср.: *Starr Ch.G.* The Economic and Social Growth of Early Greece, 800–500 B. C. 2^d ed. New-York; Oxford, 1977. P. 113.

²³ Речь идет о мнениях, высказанных в публикации материалов семинара, организованного Лидским и Манчестерским университетами: *Alternatives to Athens.* Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece / Ed. by R. Brock, S. Hodkinson. Oxford, 2000.

²⁴ Ср.: *Разумович Н. Н.* Политическая и правовая культура. Идеи и институты Древней Греции. М., 1989. С. 40.

²⁵ *Wallace R. W.* Law, Freedom and the Concept of Citizens' Rights in Democratic Athens // Demokratia. A Conversation on Democracies, Ancient and Modern / Ed. by J. Ober, C. Hedrick. Princeton, 1996. P. 105–119.

²⁶ *Карпюк С. Г.* Общество, политика и идеология... С. 196. В своих работах С. Г. Карпюк доказывает, что по сути греческая демократия была демократией толпы и термины ὄχλος и δῆμος в литературе практически неразличимы: *Карпюк С.Г.* 1) ὄχλος от Эсхила до Аристотеля: история слова в контексте истории афинской демократии // ВДИ. 1995. № 4. С. 31–50; 2) Толпа в архаической и классической Греции // ВДИ. 2000. № 3. С. 3–15; 3) Crowd in Archaic and Classical Greece // Hyperboreus. Studia classica. 2000. Vol. 6. Fasc. 1. P. 79–102.

²⁷ *Meier Ch.* Wie die Athener ihr Gemeinwesen finanzierten // Mit den Zenten fing es an. Eine Kulturgeschichte der Steuer / Hrsg. von U. Schultz. München, 1986. S. 25 f. Ср.: *Фролов Э. Д.* Греческие тираны. Л., 1972. С. 4.

²⁸ Немецкий исследователь К. Хойзер, проводя правомерные параллели между принесением жертв и выплатой податей, справедливо отмечает, что жертвоприношения ранних обществ имели характер позднейших податей. При этом он подчеркивает определенное сходство между греческими литургиями и принесением жертв: *Häuser K. Opfer und Steuer. Von der Antike zur Gegenwart // Mit den Zenten fing es an. Eine Kulturgeschichte der Steuer / Hrsg. von U. Schultz. München, 1986. S. 17.*

²⁹ *Lauffer S. Die Liturgien in der Krieseperiode Athens. Das Problem von Finanzsystem und Demokratie // НР. Bd. 1. S. 148.*

³⁰ Более того, есть мнение, что литургии и подобного рода мероприятия послужили экономическому застою афинского государства в V в.: *Clavel-Lévêque M. Das griechische Marseille. Entwicklungsstufen und Dynamik einer Handelsmacht // НР. Bd. 2. S. 904.*

В то время как известный исследователь Дж. К. Девис рассматривает литургии как эффективное распределение имущества, с одной стороны, и артистическое покровительство — с другой, подчеркивая при этом, что литургии служили прогрессу искусства, а также прогрессу общественной жизни: *Davies J. K. Democracy and classical Greece. 2^d ed. Cambridge, 1993. P. 97.* И если первое соображение вызывает безусловное согласие, то второе, напротив, — сомнение.

³¹ Однако не стоит считать, что демос представлял собой деклассированную массу, жившую на деньги государства и состоятельных сограждан. Исследования английских ученых доказали, что в основной своей массе афинское население состояло из мелких и средних собственников: *Ehrenberg V. The People of Aristophanes. Cambridge, 1951; Finley M. I. Studies in Land and Credit in Ancient Athens 500–200 B. C. New Brunswick, 1952.* Ср.: *Маринович Л. П. Греки и Александр Македонский. К проблеме кризиса полиса. М., 1993. С. 13; Маринович Л. П., Кошеленко Г. А. Уроки античной демократии // Античная демократия в свидетельствах современников / Под ред. Л. П. Маринович, Г. А. Кошеленко. М., 1996. С. 324.*

³² З. Лауффер пытается подвести демократическую подоплеку под эту картину финансовой зависимости демоса. Литургия изменила свой характер по сравнению с архаическим и раннеклассическим временем: раньше литургия исполнялась правящим классом, теперь — для правящего, то есть народа; тогда это были обязанности аристократии для управляемого ей в экономическом и политическом отношении полиса, теперь обязанности имущих для управляемого демосом полиса: *Lauffer S. Die Liturgien... S. 150.*

³³ *Маринович Л. П. Античная и современная демократия... С. 39.*

³⁴ *Burckhardt J. Griechische Kulturgeschichte. 3. Aufl. Bd. 1. Berlin, 1956. S. 217 f.; 252.*

³⁵ *Маринович Л. П. Античная и современная демократия... С. 40.*

³⁶ *Fouchard A. Aristocratie et démocratie. Idéologies et sociétés en Grèce ancienne. Paris, 1997; Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии...*

³⁷ Carter L. B. The Quiet Athenian. Oxford, 1986.

³⁸ Карпюк С. Г. 1) Общество, политика и идеология... С. 198–253; 2) Политическая ономастика классических Афин в надписях V–IV вв. до н. э. // ВДИ. 2003. № 3. С. 4–35; 3) «Политическая» ономастика древнегреческого мира: попытка количественного анализа // Антиковедение на рубеже тысячелетий: междисциплинарные исследования и новые методики (информатика, подводная археология и создание компьютерной базы данных). М., 2000. С. 43–47.

³⁹ Карпюк С. Г. Общество, политика и идеология... С. 270.

⁴⁰ Mossé C. La classe politique a Athènes au IVeme siècle // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform?: Akten eines Symposiums 3–7. August 1992 / Hrsg. von W. Eder. Stuttgart, 1995. P. 67–77.

⁴¹ Mossé C. La democratie athenienne et la protection de la propriété // Symposium 1979. P. 265 sq.

⁴² Busolt G. Griechische Staatskunde. Bd. 2 / Bearbeitet von H. Swoboda // HA. Bd. 1. Abt. 4. Tl. 1. 1926. S. 1223; *Andreades A.* Geschichte der griechischen Staatswesen / Übers. und Aufl. von E. Mayer. Bd. 1. Berlin, 1931. S. 348 f.; *Thomsen R.* Eisphora. A study of Direct Taxation in Ancient Athens. Copenhagen, 1964. P. 119 f.

⁴³ Lauffer S. Die Liturgien... S. 153. Ср.: *Gabrielsen V.* Remuneration of State Officials in Fourth Century B. C. Athens. Odense, 1981. P. 34 f.

Ср.: *Маринович Л.П., Кошеленко Г.А.* Становление афинской демократии // Античная демократия в свидетельствах современников / Под ред. Л. П. Маринович, Г. А. Кошеленко. М., 1996. С. 18.

⁴⁴ Busolt G. Griechische Staatskunde. Bd. 2. S. 1383 f.

⁴⁵ Теорию экономического кризиса IV в. с дальнейшими ссылками см.: *Rostovtzeff M.* The Social & Economic History of the Hellenistic World. 2^d ed. Vol. 1. Oxford, 1953. P. 74–125; *Finley M. I.* Land, Debt and the Man of Property in Classical Athens // PSC. Vol. 68. 1954. P. 249–268; *Jones A. H. M.* Athenian democracy. Oxford, 1957. P. 6; 137; *Michell H.* The Economics of the Ancient Greece. 2^d ed. Cambridge, 1957; *Hammond N. G. L.* A History of Greece to 322 B. C. Oxford, 1959. P. 521; *Isager S., Hansen M. H.* Aspects of Athenian society in the fourth Century B. C. / Transl. by J. H. Rosenmeier. Odense, 1975.

⁴⁶ Busolt G. Griechische Staatskunde. Bd. 2. S. 1213, Anm. 1.

⁴⁷ Lauffer S. Die Liturgien... S. 153; *Андреев В. Н.* Проблема нестабильности крупных афинских состояний V–IV вв. до н. э. // ВДИ. 1986. № 3. С. 68.

⁴⁸ Ср.: *Глускина Л. М.* О некоторых аспектах кредитно-денежных отношений в Аттике IV в. до н. э. (Афинские трапезиты) // ВДИ. 1970. № 3. С. 37 сл.

⁴⁹ См.: *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Bd. 2. S. 799, Anm. 5; 833.

⁵⁰ Lauffer S. Prosopographische Bemerkungen zu den attischen Grubenpachtlisten // Historia. Bd. 6. 1957. S. 287 f.

⁵¹ См.: *Маринович Л. П., Кошеленко Г. А.* Уроки античной демократии. С. 320–321.

⁵² *Busolt G. Griechische Staatskunde. Bd. 2. S. 925 f.; 987.*

⁵³ Одним из отличий эллинистических литургий явилось сближение понятий λειτουργία и ἀρχή. Если в классическое время литургии у афинян всегда строго противостояли должностям — архэ (ср. *Oehler J. Leiturgie... Sp. 1873; Kahrstedt U. Untersuchungen zur Magistratur... S. 3; 70*), то в эллинистическое время возник ряд таких институтов, которые были должностью (архэ), но на деле являлись литургическими магистратурами.

Список сокращений

Эпиграфические, справочные издания, сборники:

AP — *Anthologia Palatina* / ed. F. Dübner. Paris, 1864–1872.

CD — *The Oxford Classical Dictionary* / 2^d ed. by N. G. L. Hammond, H. H. Scullard. Oxford, 1970.

DA — *Dictionnaire des antiquités grecques et romaines* / Ed. C. Daremberg, E. Saglio. Vol. 1–5. Paris, 1877–1919.

FGH — Jacoby F. *Die Fragmente der griechischen Historiker*. Bd. 1... Berlin; Leiden, 1922–...

HP — *Hellenische Poleis. Krise — Wandlung — Wirkung* / Hrsg. von E. Ch. Welskopf. Bd. 1–4. Berlin, 1974.

IG — *Inscriptiones Graecae*.

IGR — *Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes* / Ed. R. Cagnat. Paris, 1906 — ...

Le Bas — *Inscriptions graecques et latines recueillies en Grèce et en Asie Mineure* / Ed. Ph. Le Bas, W. D. Waddington. Paris, 1870.

ML — *Ausführliches Lexicon der griechischen und römischen Mythologie* / Hrsg. von W. H. Roscher. Bd. 1–5. Leipzig, 1897–1909; Bd. 6. Leipzig, 1924–1937.

OGI — *Orientis Graeci inscriptiones selectae. Supplementum Sylloges inscriptionum graecarum* / Ed. W. Dittenberger. Vol. 1–2. Leipzig, 1903–1905.

Rangabé — *Rangabé A.R. Antiquités helléniques ou répertoire d'inscriptions et d'autres antiquités déconvertes depuis l'attranchissement de la Grèce*. Vol. 1–2. Athènes, 1842–1855.

RE — *Pauly's Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft* / Hrsg. von G. Wissowa, W. Kroll etc. Stuttgart, 1893–... Supplementbände, 1903–...

SEG — *Supplementum epigraphicum Graecum*. Leiden, 1923– ...

Syll. — *Sylloge inscriptionum graecarum* / Ed. W. Dittenberger. 3^d ed. Vol. 1–3. Leipzig, 1915–1924.

Symposion 1979 — *Symposion 1979. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte* / Hrsg. von P. Dimakis. Köln; Wien, 1983.

TLG — *Thesaurus linguae Graecae* / Ed. H. Stephanus. 3^d ed. by C. B. Hase, G. Dindorfius, L. Dindorfius. Vol. 1–8. Paris, 1831–1865.

TLL — *Thesaurus linguae Latinae* / Ed. auctoritate et consilio academiarum quinque germanicarum. Vol. 1–... Leipzig, 1904–...

Периодические издания:

AA — *Archeologischer Anzeiger*. Beilage zum JDAI.

AAES — *Abhandlungen des archäologisch-epigraphischen Seminars der Universität Wien*. Wien, 1883–...

- AC – L'Antiquité Classique. Revue semestrielle, publiée avec l'appui du Ministère de l'Education National et de la Culture et de la Fondation Universitaire. Bruxelles, 1932–...
- AD – Archaologikon Deltion. Athenais, 1946–...
- AJA – American Journal of Archeologie (and of the History of the Fine Arts). Boston, 1885–...; 2d Series: New York; London, 1897–...
- AJPh – The American Journal of Philology. Baltimore, 1880–...
- AM – Mitteilungen des (kaiserlich) deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. Athen, 1876–...
- APF – Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete. Leipzig, 1901–...
- Athenaion – Ἀθηναίων. Συγγραμμα περιοδικόν κατά διμηνίαν εκδιδόμενον συμπραξεί πολλῶν λογίων. Ἀθηνησιν, 1872–1881.
- AZ – Archäologische Zeitung. Berlin, 1843–...
- BCH – Bulletin de correspondance hellénique. Paris, 1877–...
- BGU – Aegyptische Urkunden aus dem königlichen Museum zu Berlin. Berlin, 1892–...
- BLGW – Berichte über die Verhandlungen der königlich sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig. Philologisch-historische Classe. Leipzig, 1849–...
- BSA – The Annual of the British School at Athens. London, 1894/5–...
- C&M – Classica et Mediaevalia. Revue danoise de philologie et d'histoire. Copenhagen, 1938–...
- ClPh – Classical Philology. A quarterly journal devoted to research in the languages, literatures, history & life of classical antiquity. Chicago, 1906–...
- CLR – Classical Review. London; Boston, 1887–...; 2d Series: Oxford, 1951–...
- CPH – University of California Publications in History. Berkeley, 1890 ...
- CSCIA – California Studies in Classical Antiquity. Berkeley; Los-Angeles, 1968–...
- EA – Ephemeris archaiologike. Αθηναίς, 1862–1874.
- EE – Ephemeris epigraphike. Corporis inscriptionum latinarum supplementum. Romae; Berolini, 1872–...
- Eirene – Eirene. Studia graeca et latina. Praha, 1960–...
- GGA – Göttingische gelehrte Anzeigen unter der Aufsicht der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften. Berlin, 1739–...
- Gnomon – Gnomon. Kritische Zeitschrift für die gesamte klassische Altertumswissenschaft. Berlin, 1925–...
- GRBS – Greek, Roman & Byzantine Studies. Cambridge, 1960–...
- HA – Handbuch der Altertumswissenschaft / Hrsg. von W. Otto. München, 1926–...
- Hermes – Hermes. Zeitschrift für klassische Philologie. Wiesbaden; Berlin, 1866–...

Hesperia – Hesperia. Journal of the American School of Classical Studies at Athens. Cambridge, 1932–...

Historia – Historia. Zeitschrift für alte Geschichte. Wiesbaden, 1952–...

HKA – Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft in systematischer Darstellung / Hrsg. von I. v. Müller. München, 1887–...

JEAI – Jahreshefte des österreichischen archäologischen Instituts in Wien. Wien, 1898 – ...

JClPh – Jahrbücher für classische Philologie. Supplement der NJPhP. Leipzig, 1855–...

JDAI – Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. Berlin, 1886 ...

JEL – The Journal of Economic Literature. Menasha, 1963–...

JFA – Jahresbericht über die Fortschritte der klassischen Altertumswissenschaft. Berlin, 1875–...

JHS – Journal of Hellenic Studies. London, 1880–...

Klio – Klio. Beiträge zur alten Geschichte. Leipzig; Berlin; Wiesbaden, 1901–...

MDV – Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab. Arkaeologisk-kunst-historiske Meddelelser. Copenhagen, 1932–...

MGR – Mélanges Gréco-Romains. Tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersburg. St. Pétersburg, 1865–...

NJKA – Neue Jahrbücher für das klassische Altertum und deutsche Literatur und für Pädagogik. Leipzig, 1898–1924.

NJPhP – Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik. Leipzig, 1826–1830.

Philistor – Φιλίστωρ. Συγγραμμα ἱστολογικον και παιδαγωγικον του μηνος εκδομενον. Ἀθηναίθ, 1861–...

PhU – Philologische Untersuchungen. Berlin.

PhW – Philologische Wochenschrift. Berlin, 1898–...

PUL – Université de Lieg. Faculté de philosophie et lettres. Publication. Lieg, 1897–...

RA – Revue archéologique. Paris, 1903–...

REG – Revue des Études grecques. Paris, 1888–...

RhM – Rheinisches Museum für Philologie. Frankfurt-am-Mein, 1846 ...

RM – Mitteilungen des deutschen archäologischen Instituts. Römische Abteilung. Heideberg, 1886–...

RPh – Revue de Philologie, de littérature et d'histoire anciennes. Paris, 1877–...

SBAW – Sitzungsberichte der königlich preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1836–...

SMAW – Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und historischen Classe der bayerischen Akademie der Wissenschaften zu München. München, 1888–...

- TAPhA – Transactions of the American Philological Association
UCP – University of California Publications in Classical Philology. Berkley, 1913–...
WJ – Jahrbücher der Litteratur, Wien. 1818–...
WS – Wiener Studien. Zeitschrift für klassische Philologie. Supplement der ZEG. Wien, 1879–...
ZEG – Zeitschrift für österreichische Gymnasien. Wien, 1850–...
ZPE – Zeitschrift für Papirologie und Epigraphik. Bonn, 1967–...
- ВДИ – Вестник древней истории. Москва
ИГАИМК – Известия Государственной академии материальной культуры. Ленинград
ПИФК – Проблемы истории, филологии и культуры. Москва; Магнитогорск
ФО – Филологическое обозрение

Литература

1. *Андерсон Дж. К.* Древнегреческая конница / Пер. М. Н. Серафимова. СПб., 2006.
2. *Андреев В. Н.* Проблема нестабильности крупных афинских состояний // ВДИ. 1986. № 3. С. 68–93.
3. *Аннеткова-Шарова Г. Г., Чекалова Е. И.* Античная литература. Л., 1989.
4. *Бергер А. К.* Политическая мысль древнегреческой демократии. М., 1966.
5. *Бикерман Э.* Хронология древнего мира / Пер. И. М. Стеблина-Каменского. М., 1975.
6. *Боголюбов Н. П.* История корабля. Т. 1. М., 1897.
7. *Бузескул В. П.* «Афинская полития» Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V в. Харьков, 1895.
8. *Бузескул В. П.* Введение в историю Греции. 3-е изд. Пг., 1915.
9. *Бузольт Г.* Очерк государственных и правовых греческих древностей / Пер. с нем. Харьков, 1894.
10. *Варнеке Б. В.* Политическая роль античного театра. Воронеж, 1905.
11. *Варнеке Б. В.* Актеры Древней Греции. Одесса, 1919.
12. *Варнеке Б. В.* История античного театра. М.; Л., 1940.
13. *Герцман Е. В.* Музыка Древней Греции и Рима. СПб., 1995.
14. *Глушкина Л. М.* Эйсфора в Афинах IV в. до н. э. // ВДИ. 1961. № 2. С. 23–38.
15. *Глушкина Л. М.* Лаврийские серебряные рудники в экономике Афин IV в. до н. э. // Ученые записки ЛГПИ. Т. 307: Очерки всеобщей истории. Л., 1969. С. 296–309.
16. *Глушкина Л. М.* О некоторых аспектах кредитно-денежных отношений в Аттике IV в. до н. э. (Афинские трапезиты) // ВДИ. 1970. № 3. С. 17–43.
17. *Глушкина Л. М.* Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л., 1975.
18. *Глушкина Л. М.* Проблемы кризиса полиса // Античная Греция. Проблемы развития полиса: сб. ст. Т. 2 М., 1983. С. 5–42.
19. *Глушкина Л. М.* Социальные институты, экономические отношения и правовая практика в Афинах IV в. до н. э. по судебным речам Демосфеновского корпуса // Демосфен. Речи / Пер. В. Г. Боруховича [и др.] Т. 2. М., 1994. С. 405–467.
20. *Головня В. В.* История античного театра. М., 1972.
21. *Горбунова Л. С., Передольская Ф. Ф.* Мастера греческих расписных ваз. Л., 1961.
22. *Доватур А. И.* Политика и Политии Аристотеля. М.; Л., 1965.

23. Доватур А. И. «Политика» Аристотеля // Аристотель. Сочинения. Т. 4. М., 1983. С. 38–52.
24. Древняя Греция / Под ред. Д. П. Каллистова, В. В. Струве. М., 1956.
25. Жебелёв С.А. Греческая политическая литература и «Политика» Аристотеля // Аристотель. Политика / Пер. С. А. Жебелёва. СПб., 1911. С. 379–465.
26. Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции (VII–V вв. до н. э.). Л., 1985.
27. Зелинский Ф. Ф. О дорийском и ионийском стилях в древней аттической комедии. СПб., 1885.
28. Зелинский Ф. Ф. Арион и трагедия // Гермес. 1909. С. 80–83.
29. Зелинский Ф. Ф. Из жизни идей. 3-е изд. СПб., 1995.
30. Иванов В. Эллинская религия страдающего бога // Новый путь. 1904. № 1. С. 110–134; № 2. С. 48–78; № 3. С. 38–61; № 5. С. 28–40; № 8. С. 17–26; № 9. С. 47–70.
31. Иванов В. Религия Диониса // Вопросы жизни. 1905. № 6. С. 185–220; № 7. С. 122–148.
32. Иванов В. Дионис и прадионисийство. 2-е изд. СПб., 1994.
33. История греческой литературы / Под ред. С.И. Соболевского. Т. 1–3. М., 1946–1960.
34. Картюк С. Г. Ὀὔλος от Эсхила до Аристотеля: история слова в контексте истории афинской демократии // ВДИ. 1995. № 4. С. 31–50.
35. Картюк С. Г. Толпа в архаической и классической Греции // ВДИ. 2000. № 3. С. 3–15.
36. Картюк С. Г. «Политическая» ономастика древнегреческого мира: попытка количественного анализа // Антиковедение на рубеже тысячелетий: междисциплинарные исследования и новые методики (информатика, подводная археология и создание компьютерной базы данных). М., 2000. С. 43–47.
37. Картюк С. Г. Политическая ономастика классических Афин в надписях V–IV вв. до н. э. // ВДИ. 2003. № 3. С. 4–35.
38. Картюк С. Г. Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003.
39. Каллистов Д. П. Античный театр. Л., 1970.
40. Колобова К. М. К вопросу о судовладении в Древней Греции // ИГА-ИМК. Вып. 61. Л., 1933.
41. Колобова К. М. Древний город Афины и его памятники. Л., 1961.
42. Куманецкий К. История культуры Древней Греции и Рима / Пер. В. К. Ронина. М., 1990.
43. Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. 1–2. 2-е изд. СПб., 1897–1899.
44. Лосев А. Ф. Античная музыкальная эстетика. М., 1960.

45. Лурье С. Я. История Греции / Под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 1993.
46. Маринович Л. П. Греки и Александр Македонский. К проблеме кризиса полиса. М., 1993.
47. Маринович Л. П., Кошеленко Г. А. Предисловие к изданию 1994 г. // Лисий. Речи / Пер. С. И. Соболевского. 2-е изд. М., 1994. С. 5–33.
48. Маринович Л. П., Кошеленко Г. А. Становление афинской демократии // Античная демократия в свидетельствах современников / Под ред. Л. М. Маринович, Г. А. Кошеленко. М., 1996. С. 5–25.
49. Маринович Л. П., Кошеленко Г. А. Уроки античной демократии // Античная демократия в свидетельствах современников / Под ред. Л. М. Маринович, Г. А. Кошеленко. М., 1996. С. 319–330.
50. Маринович Л. П. Античная и современная демократия: новые подходы. Курс лекций. М., 2001.
51. Никитин П. В. К истории афинских драматических состязаний. СПб., 1882.
52. Петерс Б. Г. Морское дело в античных городах Северного Причерноморья. М., 1982.
53. Петерс Б. Г. О морском деле в Эгейском мире // История и культура античного мира. М., 1977.
54. Петерс Б. Г. Парусное вооружение древнегреческих судов // Историко-археологический сборник / Под ред. Д. А. Авусина, В. Л. Янина. М., 1962. С. 132–134.
55. Радлов С. Э. О технике греческого актера // Сборник историко-театральной секции. Т. 1. Пг., 1918.
56. Радциг С. И. Аристотель и «Афинская полития» // Аристотель. Афинская полития / Пер. С. И. Радцига. М., 1937.
57. Радциг С. И. Демосфен — оратор и политический деятель // Демосфен. Речи / Пер. С. И. Радцига. М., 1954. С. 405–484.
58. Радциг С. И. История древнегреческой литературы. 4-е изд. М., 1977.
59. Разин Е. А. История военного искусства. Т. 1: Военное искусство рабовладельческого периода войны. М., 1953.
60. Разумович Н. Н. Политическая и правовая культура. Идеи и институты Древней Греции. М., 1989.
61. Соболевский С. И. Лисий и его речи // Лисий. Речи / Пер. С. И. Соболевского. 2-е изд. М., 1994. С. 36–43.
62. Соколов Г. И. Акрополь в Афинах. М., 1968.
63. Строгоцкий В. М. Морская программа Фемистокла и возникновение триерархии // Античный мир: проблемы истории и культуры. СПб., 1998. С. 69–83.
64. Суриков И. Е. Афинский ареопаг в первой половине V в. до н. э. // ВДИ. 1995. № 1. С. 23–40.

65. Суриков И. Е. Перикл и Алкмеониды // ВДИ. 1997. № 4. С. 14–35.
66. Суриков И. Е. Аттическая трагедия и политическая борьба в Афинах // Античный вестник: Сборник научных трудов. Вып. 4–5. Омск, 1999. С. 187–193.
67. Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н. э. М., 2000.
68. Суриков И. Е. Ксантип, отец Перикла: Штрихи к политической биографии // ПИФК. 2000. Вып. 8. С. 100–109.
69. Суриков И. Е. Трагедия Эсхила «Просительницы» и политическая борьба в Афинах // ВДИ. 2002. №1. С. 15–24.
70. Суриков И. Е. Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н.э.: Софокл, Еврипид и Аристофан в их отношении к традиционной полисной религии. М., 2002.
71. Суриков И. Е. Клио на подмостках: классическая греческая драма и историческое сознание // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. М., 2005. С. 89–104.
72. Суриков И. Е. Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения: Учебное пособие. М., 2007.
73. Тронский И. М. История античной литературы. Л., 1946.
74. Трофимова М. Н. Из истории эллинистического пиратства // ВДИ. № 4. 1963. С. 53–74.
75. Тюменев А. И. История античных рабовладельческих обществ. М.; Л., 1935.
76. Фролов Э. Д. Греческие тираны. Л., 1972.
77. Фролов Э. Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1991.
78. Фролов Э. Д. Из истории политической борьбы в Афинах в конце V века до н. э. // Андокид. Речи, или История святотатцев / Пер. Э. Д. Фролова. СПб., 1996.
79. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Пер. В. В. Ошиса, под ред. Г. М. Тавризяна. М., 1992.
80. Цыбульский С. Древний город Афины и его гавани. СПб.; М., 1890.
81. Шувалов В. В. Морская политика Афин (архаический и раннеклассический период): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук / СПбГУ. СПб., 2004.
82. Эмихен Г. Греческий и римский театр / Пер. И. Семёнова. М. 1894. — Рец.: Грингмут В. // ФО. Т. 7. 1894. С. 26.
83. Abert. Lasos // RE. Bd. 12. Tl. 1. 1924. Sp. 887–888.
84. Allen J.T. On the Programm of the City Dionysia during the Peloponnesian War // UCP. Vol. 12. № 3. 1938. P. 35–42.
85. *Alternatives to Athens. Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece* / Ed. by R. Brock, S. Hodkinson. Oxford, 2000.

86. *Amit M.* Athens and Sea. A Study in Athenian Sea-Power. Bruxelles, 1965.
87. *Andreades A.* Ἱστορία τῆς Ἑλληνικῆς Δημοσίας Οἰκονομίας. Athen, 1918. — *Andreades A.* Geschichte der griechischen Staatswesen / Übers. und Aufl. von E. Mayer. Berlin, 1931.
88. *Armstrong J.I.* The Trierarchy & the Tribal Organization of the Athenian Navy. Princeton, 1949.
89. *Arnold B.* Chor // DKA. Bd. 1. S. 383–391.
90. *Arnold B.* Choregie // DKA. Bd. 1. S. 391–395.
91. *Bates W. N.* Euripides, A Student of Human Nature. London; Oxford, 1930.
92. *Baumgarten F., Poland F., Wagner R.* Die hellenistisch-römische Kultur. Leipzig; Berlin, 1913.
93. *Beazley J. D.* Attic Black-Figure Vase-Painters. Oxford, 1956.
94. *Beloch K. J.* Griechische Geschichte. 2. Aufl. Bd. 1–2. Berlin; Leipzig, 1926–1931.
95. *Bengtson H.* Griechische Geschichte. Von den Anfängen bis in die römische Kaiserzeit. 5. Aufl. München, 1977.
96. *Benndorf O.* Dreifußbasis in Athen // JEA. Bd. 2. 1899. S. 255–269.
97. *Béquignon M.Y.* Chronique des fouilles et découvertes archéologiques dans l'Orient hellénique // BCH. Vol. 55. 1931. P. 450–522.
98. *Bergk Th.* Griechische Literaturgeschichte. Bd. 2–3. Berlin, 1883–1884.
99. *Bergk Th.* Verzeichniss der Siege Dramatischer Dichter in Athen // RhM. Bd. 43. 1888. S. 292–333.
100. *Bernhardy G.* Grundriss der griechischen Literatur; mit einem vergleichenden Überblick der römischen 2. Aufl. Tl. 1–2. Halle, 1855–1859.
101. *Bethe E.* Die griechische Tragödie und die Musik // NJKA. Bd. 1. 1907.
102. *Bethe E.* Prolegomena zur Geschichte des Theaters im Altertum. Untersuchungen über die Entwicklung des Dramas, der Bühne, des Theaters. Leipzig, 1896.
103. *Bethe E.* Der Spielplatz des Aischylos // Hermes. Bd. 59. 1924. S. 108–117.
104. *Bethe E.* Programm und Festzug der Großen Dionysien // Hermes. Bd. 61. 1926. S. 459–464.
105. *Bieber M.* Die Herkunft des Tragischen Kostüms // JDAI. Bd. 32. 1917. S. 15–104.
106. *Bieber M.* Denkmäler zum Theaterwesen im Altertum. Berlin, 1920.
107. *Bieber M.* Maske // RE. Bd. 14. 1930. Sp. 2070–2120.
108. *Bieber M.* The History of the Greek and Roman Theater. Princeton, 1939.
109. *Blackman D.* The Athenian Navy and Allied Contributions in the Pentecontaetia // GRBS. Vol. 10. 1969. P.179–216.

110. *Blass F.* Die attische Beredsamkeit. Bd. 1–3. Leipzig, 1874–1893.
111. *Blümner H., Baumeister A.* Dreifuß, Dreifußraub // DKA. Bd. 1. S. 461–464.
112. *Bodensteiner E.* Bericht über das antike Bühnenwesen, 1885–1895 // JFA. Jhg. 28. 1900. Bd. 106. S. 113–167.
113. *Böckh A.* Die Staatshaushaltung der Athener. 3. Aufl. von M. Fränkel. Bd. 1–2. Berlin, 1886.
114. *Böckh A.* Urkunden über das Seewesen des Attischen Staates (=Die Staatshaushaltung der Athener. Bd. 3). Berlin, 1840.
115. *Böckh A.* Über die Laurischen Silberbergwerke in Attika // *Böckh A.* Gesammelte kleine Schriften. Bd. 5. Leipzig, 1871. S.1–64.
116. *Böckh A.* Vom Unterschiede der Attischen Lenäen, Anthesterien und Ländlichen Dionysien // *Böckh A.* Gesammelte kleine Schriften. Bd. 5. Leipzig, 1871. S. 65–152.
117. *Boerner J.* Εἰσφορά // RE. Bd. 5. Tl. 2. 1905. Sp. 2149–2151.
118. *Boerner J.* Ἐπιδοσις // RE. Bd. 6. Tl. 1. 1907. Sp. 60.
119. *Brill I.* Quaestiones scaenicae ad choregiam pertinentes. Lugduni Batav., 1867.
120. *Brillant M.* Trierarchia, Trierarchus // DA. Vol. 5. 1919. P. 442–465.
121. *Brinck A.* Inscriptiones graecae ad choregiam pertinentes // Dissertationes philologicae Halenses. Vol. 7. Halis saxonum, 1886. P. 73–182.
122. *Brinck A.* De choregia quaestiones epigraphicae. Kiel, 1906.
123. *Brommer F.* Pan // RE. Suppl. 8. 1956. Sp. 949–1008.
124. *Brommer F.* Satyrspiel. Bilder der griechischen Vasen. 2. Aufl. Berlin, 1958.
125. *Broneer O.* Eros and Aphrodite on the North Slope of the Acropolis // Hesperia. Vol. 1. 1932. P. 31–55.
126. *Brückner A.* Kerameikos-Studien // AM. Bd. 35. 1910. S. 183–234.
127. *Buck C.D.* Inscriptions from Ikaria // AJA. Vol. 4. 1888. P. 421–426.
128. *Buck C.D.* The Choregia in Athens & at Ikaria // AJA. Vol. 5. 1889. P. 18–33.
129. *Bücheler F.* Οἱ περὶ Δάμωνα // RhM. Bd. 40. 1885. S. 309–312.
130. *Bugh G.R.* The Horsemen of Athens. Princeton, 1988.
131. *Burckhardt J.* Griechische Kulturgeschichte. 3. Aufl. Bd. 1–4. Berlin, 1956.
132. *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Bd. 1. 3. Aufl. // HKA. Bd. 4. Abt. 1. Hlf. 1. 1920.
133. *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Bd. 2 / Bearbeitet von H. Swoboda // HA. Bd. 1. Abt. 4. Tl. 1. 1926.
134. *Cahen E.* Panathenaia // DA. Vol. 4. P. 1. P. 303–311.
135. *Caillemer E.* Hestiasis // DA. Vol. 3. P. 1. 1896. P. 156.
136. *Cantarella R.* Athene, la Polis e il teatro // Dioniso. Fasc. 34. 1965. P. 39–56.

137. *Capps E.* The Greek Stage according to the Extant Dramas // TAPhA. Vol. 22. 1891. P. 5–80.
138. *Capps E.* The Chorus in the Later Greek Drama with Reference to the Stage Question // AJA. Vol. 10. 1895. P. 287–325.
139. *Capps E.* The Dramatic Synchoregia at Athens // AJPh. Vol. 17. 1896. P. 319–328.
140. *Capps E.* The Catalogues of Victors at the Dionysia and Lenaea, CIA II 977 // AJPh. Vol. 20. 1899. P. 388–405.
141. *Capps E.* The Dating of Some Didaskalic Inscriptions // AJA. Vol. 4. 1900. P. 74–91.
142. *Carter L.B.* The Quiet Athenian. Oxford, 1986.
143. *Cartledge P.* The Greek Religions Festivals // Greek Religion and Society / Ed. by P.E. Easterling, J.V. Muir. Cambridge, 1987. P. 98–127.
144. *Cauer F.* Ἀρχιθέωρος // RE. Bd. 2. Tl. 1. 1896. Sp. 552–553.
145. *Chapot V.* La province romaine proconsulaire d'Asie depuis ses origines jusqu'à la fin du haut-empire. Paris, 1904.
146. *Clavel-Lévêque M.* Das griechische Marseille. Entwicklungsstufen und Dynamik einer Handelsmacht // HP. Bd. 2. S. 855–969.
147. *Cook R.M.* Greek Painted Pottery. London, 1960.
148. *Couve L.* Kallisteia, Kallous agon // DA. Vol. 3. P. 1. 1896. P. 798–799.
149. *Crowther N.B.* Euexia, Eutaxia, Philoponia: Three Contests of the Greek Gymnasium // ZPE. Bd. 85. 1991. S. 301–304.
150. *Crusius O.* Dithyrambos // RE. Bd. 5. 1905. Sp. 1203–1230.
151. *Curtius E.* Das Pytheon in Athen // Hermes. Bd. 12. 1877. S. 492–499.
152. *Curtius E.* Die Stadtgeschichte von Athen. Berlin, 1891.
153. *Curtius E.* Griechische Geschichte. Bd. 1–3. Berlin, 1857–1867.
154. *Curtius E.* Die Kanephore von Pästum // AZ. Jhg. 38. 1881. S. 27–31.
155. *Curtius F., Kaupert A.* Karten von Attika. Berlin, 1884.
156. *Davies J. K.* Demosthenes on Liturgies: A Note // JHS. Vol. 88. 1967. P. 33–40.
157. *Davies J. K.* Athenian Propertied Families, 600–300 B. C. Oxford, 1971.
158. *Davies J. K.* Democracy and Classical Greece. 2^d ed. Cambridge, 1993.
159. *Day J., Chambers M.* Aristotle's History of Athenian Democracy // CPH. Vol. 73. 1962.
160. *Delorm J.* Gymnasion. Étude sur les monuments consacrés à l'éducation en Grèce. Paris, 1960.
161. *Deubner L.* ΕΠΑΥΛΙΑ // JDAI. Bd. 15. 1900. S. 144–154.
162. *Deubner L.* Dionysos und die Anthesterien // JDAI. Bd. 42. 1927. S. 172–192.
163. *Deubner L.* Attische Feste. Berlin, 1932.
164. *Diels H.* Alkmans Partheoneion // Hermes. Bd. 31. 1896. S. 339–374.

165. *Dinsmoor W. B.* The Athenian Theater of the Fifth Century. Studien Robinson, 1951.
166. *Dittenberger W.* Zu den attischen Ephebeninschriften // *Hermes*. Bd. 12. 1877. S. 1–22.
167. *Dittmer W. A.* The Fragments of Athenian Comic Didascaliae Found in Rome (IG, XIV, 1097; 1098; 1098 a). Leiden, 1923. — Рец.: *Geißler P.* // *Gnomon*. Bd. 1. 1925. S. 175–177.
168. *Dörpfeld W.* Das choregische Monument des Nikias // *AM*. Bd. 10. 1885. S. 219–230.
169. *Dover K. J.* *Lysias and the Corpus Lysiacum*. Berkley; Los-Angeles, 1968.
170. *Dumont A.* *Essai sur l'éphébie attique*. Paris, 1876.
171. *Dutoit J. F. G.* Zur Festordnung der Großen Dionysien. Speler, 1898.
172. *Eckhart L.* Prometheus // *RE*. Bd. 33. Tl. 1. 1957. Sp. 653–730.
173. *Ehrenberg V.* *The People of Aristophanes*. Cambridge, 1951.
174. *Erxleben E.* Die Rolle der Bevölkerungsklassen im Aussenhandel Athens im 4. Jahrhundert v. u. Z. // *HP*. Bd. 1. S. 460–520.
175. *Exarchopoulos N.* Das athenische und das spartanische Erziehungssystem im 5. und 6. Jahrhundert v. Chr. Largensalza, 1909.
176. *Fehrle E.* Die kultische Keuchheit im Altertum. Gießen, 1910.
177. *Fensterbusch C.* Bericht über die Literatur zur Geschichte des Theaters der Griechen und Römer aus der Jahren 1896–1926, II // *JFA*. Jhg. 62. 1936. Bd. 253. S. 1–57.
178. *Fensterbusch C.* Orchestra // *RE*. Bd. 18. Tl. 2. 1939. Sp. 883–885.
179. *Ferguson W. S.* *Researches in Athenian and Delian Documents*, II // *Klio*. Bd. 8. 1908. S. 338–355.
180. *Ferguson W. S.* *Researches in Athenian and Delian Documents*, III // *Klio*. Bd. 9. 1909. S. 304–340.
181. *Ferguson W. S.* The Salaminioi of Heptaphylai and Sounion // *Hesperia*. Vol. 7. 1938. P. 1–74.
182. *Finley M. I.* *Studies in Land and Credit in Ancient Athens 500–200 B. C.* New Brunswick, 1952.
183. *Finley M. I.* Land, Debt and the Man of Property in Classical Athens // *PSC*. Vol. 68. 1954. P. 249–268.
184. *Flach H.* *Geschichte der griechischen Lyrik, nach dem Quellen dargestellt*. Abt. 1–2. Tübingen, 1883–1884.
185. *Flickinger G.* *The Greek Theater and Its Drama*. 4th ed. Chicago, 1936.
186. *Forbes C.A.* Expanded Uses of the Greek Gymnasium // *ClPh*. Vol. 40. 1945. P. 32–42.
187. *Fouchard A.* *Aristocratie et démocratie. Idéologies et sociétés en Grèce ancienne*. Paris, 1997.
188. *Foucart P.* La course aux flambeaux // *RPh*. Vol. 23. 1899. P. 112–116.

189. *Fränkel H.* Attische Inschriften // AM. Bd. 48. 1923. S. 1–23.
190. *Fränkel M.* Die Antidosis // Hermes. Bd. 18. 1883. S. 442–465.
191. *Fränkel M.* Anmerkungen des Herausgebers zum Ersten Band // *Böckh A.* Die Staatshaushaltung der Athener. 3. Aufl. von M. Fränkel. Bd. 2. Berlin, 1886. S. 1*–133*.
192. *Frei I.* De certaminibus thymelicis. Basel, 1900.
193. *Frickenhaus A.* Die Schiffskarren des Dionysos in Athen // JDAI. Bd. 27. 1912. S. 61–79.
194. *Furtwängler A.* Herakles // ML. Bd. 3. Sp. 21–35.
195. *Gabrielsen V.* Remuneration of State Officials in Fourth Century B. C. Athens. Odense, 1981.
196. *Gabrielsen V.* The Naukrariai and the Athenian Navy // C&M. Vol. 36. 1985. P. 21–51.
197. *Gärtringen H. v.* Anthesteria // RE. Bd. 1. 1894. Sp. 2371–2375.
198. *Gärtringen H. v.* Errhephoroi // RE. Bd. 6. 1927. Sp. 549–551.
199. *Gärtringen H. v.* Gymnopaïdien (Γυμνοπαϊδία) // RE. Bd. 7. 1912. Sp. 2087–2089.
200. *Gärtringen H. v.* Rhodos // RE. Suppl. 5. 1931. Sp. 731–840.
201. *Gardiner E.N.* Greek Athletic Sports and Festivals. London, 1910.
202. *Gardner P.* Vases Added to the Ashmolean Museum // JHS. Vol. 24. 1904. P. 293–316.
203. *Gawkwell G.L.* Notes on the Social War // C&M. Vol. 23. 1962. P. 34–40.
204. *Gebhard V.* Thargelia // RE. Bd. 5 A. Tl. 2. 1934. Sp. 1287–1304.
205. *Geffcken J.* Simonides // RE. Bd. 3 A. Tl. 1. 1927. Sp. 184–197.
206. *Geißler P.* Chronologie der altattischen Komödie // PhU. Einzelschrift 30. 1925.
207. *Gelzer H.* Die Sitzinschriften im Dionysostheater in Athen // SBAW. 1872. S. 164–181.
208. *Gelzer K.I.* Die Schrift vom Staate der Athener // Hermes. Einzelschriften. Hf. 3. Berlin, 1937.
209. *Geppert C. E.* Die altgriechische Bühne. Leipzig, 1843.
210. *Gerkan A. v.* Über griechischen Stadtanlagen. Auszug aus der Inaugural-Dissertation. Greifswald, 1922.
211. *Ghiron-Bistagne P.* Die Krise des Theaters in der griechischen Welt im 4 Jhd. v. u. Z. // HP. Bd. 3. S. 1333–1371.
212. *Gilbert G.* Handbuch der griechischen Staatsaltertümer. 2. Aufl. Bd. 1–2. Leipzig, 1881.
213. *Glötz G.* Gymnasiarchia // DA. Vol. 2. P. 2. 1896. P. 1675–1684.
214. *Gluskina L.M.* Studien zu den sozial-ökonomischen Verhältnissen in Attika im 4. Jh. v. u. Z. // Eirene. Bd. 12. 1974. S. 11–138.
215. *Granet M.* Danses et légendes de la Chine ancienne. Vol. 1–2. Paris, 1926.

216. *Granet M.* Civilisation chinoise, la vie publique et la vie privée. Paris, 1929.
217. *Grasberger L.* Erziehung und Unterricht im klassischen Altertum, Tl. 1: Die heibliche Erziehung bei der Griechen und Römern. Wirzburg, 1864; Tl. 2: Der musische Unterricht oder die Elementarschule bei der Griechen und Römern. Wirzburg, 1875; Tl. 3: Die Ephebenbildung oder die musische und militärische Ausbildung. Wirzburg, 1881.
218. *Gruppe O. F.* Herakles // RE. Suppl. 3. 1918. Sp. 910–1121.
219. *Gruser B.* Die ältesten Schiffsdarstellungen auf antiken Münzen des Museums zu Berlin. Berlin, 1870.
220. *Gurlitt L.* Relief aus Athen // AZ. Jhg. 39. 1881. S. 57–60.
221. *Häuser K.* Opfer und Steuer. Von der Antike zur Gegenwart // Mit den Zenten fing es an. Eine Kulturgeschichte der Steuer / Hrsg. von U. Schultz. München, 1986. S. 13–24.
222. *Haigh A.* The Attic Theatre. 3^d ed. revised and in part rewritten by A. W. Picard-Cambridge. Oxford, 1907.
223. *Hammond N. G. L.* A History of Greece to 322 B. C. Oxford, 1959.
224. *Hammond N. G. L.* The Classical Age of Greece. London, 1975.
225. *Haussoullier B.* La vie municipale en Attique; essai sur l'organisation des dèmes au quartrièm siècle. Paris, 1884.
226. *Haussoullier B.* La course aux flambeaux à Didymes // RPh. Vol. 28. 1904. P. 202.
227. *Hermann G.* De choro Eumenidum. Leipzig, 1816.
228. *Hermann K. F.* Lehrbuch des gottesdienstlichen Alterthümer der Griechen. 2. Aufl. von K. B. Stark. Heidelberg, 1858.
229. *Hermann K. F.* Lehrbuch der griechischen Staatsaltertümer. 6. Aufl. von V. Thumser. Freiburg, 1892.
230. *Hicks E. L., Hill G. F.* A Manual of Greek Historical Inscriptions. Oxford, 1901.
231. *Hignett C. A.* History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century B. C. Oxford, 1962.
232. *Hohl E.* Zeit und Zweck der pseuduxenophontischen *Athenaion politeia* // ClPh. Vol. 45. 1950. S. 26–35.
233. *Holm A.* Griechische Geschichte von ihren Ursprunge bis zum Untergange der Selbständigkeit des griechischen Volkes. Bd. 1–4. Berlin, 1885–1894.
234. *Hommel H.* Naukraria // RE. Bd. 16. Tl. 2. 1935. Sp. 1938–1952.
235. *Hoorn G. v.* L'idole de Dionysos Limnaios // RA. Vol. 25. 1927. P. 104–120.
236. *Hošek R.* Die Mittlere Komödie als Quelle soziologischer Beobachtung // HP. Bd. 3. S. 1099–1119.
237. *Hunziker.* Arrephoria // DA. Vol. 1. P. 1. 1877. P. 440–441.
238. *Isager S., Hansen M. H.* Aspects of Athenian society in the fourth Century B.C. A historical introduction to and commentary on the paragraphe-speeches

and the speech against Dionysodorus in the Corpus Demosthenicum (XXXII–XXXVIII and LVI) / Transl. by J.H. Rosenmeier. Odense, 1975.

239. *Jaeger W.* Paideia. Die Formung der griechischen Menschen. 2. Aufl. Bd. 1–2. Berlin; Leipzig, 1936–1944.

240. *Jahn O.* Polykleitos Kanephoren // AZ. Jhg. 18. 1866. S. 253–254.

241. *Jameson M.H.* A Decree of Themistokles from Troizen // Hesperia. Vol. 29. P. 2. 1960. P. 198–223.

242. *Johansen K. F.* Eine Dithyrambos-Aufführung // MDV. Bd. 4. № 2. 1959.

243. *Jones A. H. M.* Liturgie // CD. C. 508–509.

244. *Jones A. H. M.* Athenian democracy. Oxford, 1957.

245. *Jones A. H. M.* Wie functionierte die athenische Demokratie? // Zur Griechischen Staatskunde / Hrsg. von F. Gschnitzer. Darmstadt, 1969. S. 219–270.

246. *Jordan B.* The Athenian Navy in the Classical Period. A Study of Athenian Naval Administration and Military Organisation in the Fifth and Fourth Centuries B.C. University California Press. Berkley; Los-Angeles; London, 1975.

247. *Jordan B.* The Meaning of the Technical Term Hyperesia in Naval Context of the Fifth and Fourth Centuries B. C. // CSCIA. Vol. 2. 1968. P. 183–207.

248. *Judeich W.* Topographie von Athen // HKA. Bd. 3. Abt. 2. Tl. 2. 1905.

249. *Jüthner J.* Εὐανδρίας ἀγών // RE. Bd. 6. 1907. Sp. 839.

250. *Jüthner J.* Λαμπαδηδρομία // RE. Bd. 23. 1924. Sp. 569–577.

251. *Julius L.* Lysikratesdenkmal // DKA. Bd. 2. S. 838–840.

252. *Kahrstedt U.* Forschungen zur Geschichte des ausgehenden 5. und 4. Jahrhunderts: Die Politik des Demosthenes. Berlin, 1910.

253. *Kahrstedt U.* Studien zum öffentlichen Recht Athens. Tl. 1: Staatsgebiet und Staatsangehörige in Athen. Stuttgart; Berlin, 1934.

254. *Kahrstedt U.* Studien zum öffentlichen Recht Athens. Tl. 2: Untersuchungen zur Magistratur in Athen. Stuttgart, 1936.

255. *Kaibel G.* Die Prolegomena περί κωμωδίας. Berlin, 1898.

256. *Karo G.* Archäologische Funde vom Sommer 1931 bis Mai 1932 // AA. Bd. 47. 1932. S. 103–183.

257. *Karpyuk S.* Crowd in Archaic and Classical Greece // Hyperboreus. Studia classica. 2000. Vol. 6. Fasc. 1. P. 79–102.

258. *Keaney J. J.* Ring Composition in Aristotle's Athenaion Politeia // AJPh. Vol. 90. 1969. P. 406–423.

259. *Keil B.* Anonymus Argentinensis. Fragmente zur Geschichte des Perikleischen Athen aus einem Strassburger Papyrus. Strassburger, 1902.

260. *Keil K.* Epigraphische Beiträge // MGR. Bd. 2. 1866. P. 65–92.

261. *Kirchhoff A.* Über die Rede vom trierarchische Kranze. Berlin, 1865.

262. *Kirchner J.* Prosopographia attica. Vol. 1–2. Berlin, 1901–1903.

263. *Köhler U.* Attische Inschriften // Hermes. Bd. 2. 1867. S. 16–36.

264. *Köhler U.* Dokumente zur Geschichte des Athenischen Theaters // AM. Bd. 3. 1878. S. 104–134; 229–258.

265. Köhler U. Eine attische Marineurkunde // AM. Bd. 4. 1879. S. 79–89.
266. Köhler U. Die von Herrn Bohn auf der Akropolis gefundenen Inschriften // AM. Bd. 5. 1880. S. 317–330.
267. Köhler U. Aus den attischen Seeurkunden // AM. Bd. 6. 1881. S. 21–39.
268. Köhler U. Attische Choregeninschrift // AM. Bd. 7. 1882. S. 348.
269. Köhler U. Weihinschrift aus Athen // AM. Bd. 8. 1883. S. 226.
270. Köhler U. Potamos. Ein Beitrag zur Geschichte und Topographie der attischen Demen // AM. Bd. 10. 1885. S. 105–112.
271. Köhler U. Die choregische Inschrift des Nikias // AM. Bd. 10. 1885. S. 231–236.
272. Köhler U. Ein Fragment des Demetrios von Phaleron // RhM. Bd. 53. 1898. S. 491–493.
273. Körte A. Komödie // RE. Bd. 11. Tl. 2. 1921. Sp. 1207–1275.
274. Körte A. Eine Verlustliste aus der Schlacht bei den Arginusen? // PhW. Bd. 35/38. 1932. S. 83–88.
275. Köster A. Das antike Seewesen. Berlin, 1923.
276. Köster A. Studien zur Geschichte des Attischen Seewesens. Leipzig, 1934.
277. Kolbe W. De Atheniensium re navali quaestiones selectae. Tubinge, 1890.
278. Kolbe W. Zur athenischen Marineverwaltung // AM. Bd. 26. 1901. S. 377–418.
279. Krause J.H. Hellenika oder Institute, Sitten und Bräuche der alten Hellas mit besonderer Rücksicht auf Kunstarchäologie. Tl. 1: Die Gymnastik und Agonistik der Hellenen aus den Schrift- und Bildwerken des Altertums. Leipzig, 1841 – Rez.: Kaiser L. // WJ. Bd. 95. 1841. S. 158–180.
280. Krebs A. Choregia // DA. Vol. 1. P. 2. 1887. P. 1117–1119.
281. Kreifsig H. Polis in Griechenland und im Orient in der Hellenistischen Epoche // HP. Bd. 2. S. 1074–1084.
282. Kumanudes S. A. Ἐπιγραφαὶ Ἑλληνικαὶ ἀνέκδοτοι // Philistor. Vol. 1. 1861. P. 324–332.
283. Kyle D.G. Athletics in Ancient Athens. Leiden, 1978.
284. Labarbe J. La loi navale de Thémistocle // PUL. Fasc. 143. 1957.
285. Lauffer S. Prosopographische Bemerkungen zu den attischen Grubenpachtlisten // Historia. Bd. 6. 1957. S. 287–305.
286. Lauffer S. Die Liturgien in der Krieseperiode Athens. Das Problem von Finanzsystem und Demokratie // HP. Bd. 1. S. 147–159.
287. Launey M. Recherches sur les armées hellénistiques. Paris, 1948–1950.
288. Lawrence M. Ships, Monsters and Jonah // AJA. Vol. 66. 1963. P. 289–296.
289. Lécrivain Ch. Eispheora // DA. Vol. 2. P. 1. 1892. P. 504–510.
290. Leo F. Ein Sieg des Magnes // RhM. Bd. 33. 1878. S. 139–145.

291. *Lesky A.* Die tragische Dichtung der Hellenen. Göttingen, 1956.
292. *Levy I.* Études sur la vie municipale de l'Asie-Mineure, I–III // REG. Vol. 14. 1901. P. 350–371.
293. *Lewis D.M.* Notes on Attic Inscriptions, II // BSA. Vol. 50. 1955. P. 1–36.
294. *Liebenam W.* Städteverwaltung im römischen Keiserreiche. Leipzig, 1900.
295. *Lipsius J.H.* Die Athenische Steuerreform im Jahr des Nausinikos // JClPh. Bd. 24. 1878. S. 289–299.
296. *Lipsius J.H.* Bemerkungen über die dramatische Choregie // BLGW. Bd. 37. 1885. S. 411–420.
297. *Lipsius J.H.* Nachtrag zu den Bemerkungen über die dramatische choregie // BLGW. Bd. 39. 1887. S. 278–282.
298. *Lipsius J.H.* Didaskalika // RhM. Bd. 65. 1910. S. 161–168.
299. *Lipsius J.H.* Die attische Steuerverfassung und das attische Volksvermögen // RhM. Bd. 71. 1916. S. 161–186.
300. *Lipsius J.H.* Das attische Recht und Rechtsverfahren. Bd. 1–3. Hildesheim, 1966.
301. *Listman G.J.K.* Die Technik des Dreigesprächs in der griechischen Tragödie. Darmstadt, 1910.
302. *Loening T.C.* The Autobiographical Speeches of Lysias and the Biographical Tradition // Hermes. Bd. 109. 1981. S. 280–294.
303. *Lowry S.T.* Recent Literature an Ancient Greek Economic Thought // JEL. Vol. 17. 1979. P. 65–86.
304. *Mahaffy J.P.* Old Greek Education. 2^d ed. London, 1883.
305. *Maidment K. J.* The Later Comic Chorus // CQ. Vol. 29. 1935. P. 1–24.
306. *Malten L.* Hephaistos // RE. Bd. 8. 1913. Sp. 311–366.
307. *Malten L.* Leichenspiel und Totenkult // RM. Bd. 38/39. 1923/24. S. 300–340.
308. *Martin A.* Les cavaliers Athéniens. Paris, 1886.
309. *Martin A.* Equites // DA. Vol. 2. P. 1. 1892. P. 752–771.
310. *Martin A.* Lampadedromia // DA. Vol. 3. P. 2. 1904. P. 909–914.
311. *Martin A.* Leitourgia // DA. Vol. 3. P. 2. 1904. P. 1095–1098.
312. *Martin A.* Naukraria // DA. Vol. 4. P. 1. P. 3–7.
313. *Masner K.* Die Sammlung antiker Vasen und Terrakoten im kaiserlichen österreichischen Museum für Kunst und Industrie. Katalog und historische Einleitung. Wien, 1892.
314. *Meier Ch.* Wie die Athener ihr Gemeinwesen finanzierten. Die Anfänge der Steuerpolitik in der griechischen Antike // Mit den Zenten fing es an. Eine Kulturgeschichte der Steuer / Hrsg. von U. Schultz. München, 1986. S. 25–37.
315. *Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions. Oxford, 1969.

316. *Menadier J.* Qua conditione ephesii usi sint inde ab Asia in formam provinciae redacta. Berlin, 1880.
317. *Meritt B. D.* An Athenian Naval Catalogue // *AJA*. Vol. 31. 1927. P. 462–470.
318. *Meritt B. D.* Greek Inscriptions // *Hesperia*. Vol. 7. 1938. P. 77–160.
319. *Meritt B. D.* Greek Inscriptions // *Hesperia*. Vol. 15. 1946. P. 169–253.
320. *Meyer E.* Geschichte des Altertums. Bd. 3. Stuttgart, 1937.
321. *Michaelis A.* Der Parthenon. Leipzig, 1871.
322. *Michaelis A.* Bemerkungen zur Perigese der Akropolis von Athen // *AM*. Bd. 1. 1876. S. 275–307.
323. *Michell H.* The Economics of the Ancient Greec. 2^d ed. Cambridge, 1957.
324. *Milchhöfer A.* Athen // *DKA*. Bd. 1. S. 144–209.
325. *Miln J. G.* Gymnasiarchos // *CD*. C. 401.
326. *Mittelhaus K.* Kanephoroi // *RE*. Bd. 10. 1919. Sp. 1862–1866.
327. *Mommsen A.* Heortologie. Leipzig, 1864.
328. *Mommsen A.* Feste der Stadt Athen im Altertum. Leipzig, 1898. — Рец.: *Robert C.* // *GGA*. Jhg. 161. 1899. S. 523–544.
329. *Mommsen Th.* Observationes epigraphicae, XLIV. Titulus apamenus // *EE*. Vol. 7. 1892. P. 437–443.
330. *Moretti L.* Inscrizioni agonistiche Greche. Roma, 1953.
331. *Moretti L.* Inscriptiones Urbis Romae. Fasc. 1–2, Roma, 1968–1973.
332. *Mossé C.* Die politischen Prozesse und die Krise der athenischen Demokratie // *HP*. Bd. 1. S. 160–187.
333. *Mossé C.* Les symmories Athéniennes // *Points de vue sur la fiscalité antique* / Ed. H. v. Effenterre. Paris, 1979. P. 31–42.
334. *Mossé C.* La démocratie athenienne et la protection de la propriété // *Symposium 1979*. P. 263–271.
335. *Mossé C.* La classe politique a Athènes au IVème siècle // *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform?: Akten eines Symposiums 3.–7. August 1992* / Hrsg. von W. Eder. Stuttgart, 1995. P. 67–77.
336. *Murray A.T.* Demosthenes. Vol. 1–4. Cambridge; London, 1946.
337. *Müller A.* Lehrbuch der griechischen Bühnenaltertümer. Freiburg, 1886.
338. *Müller A.* Das attische Bühnenwesen, kurz abgestellt. Gütersloh, 1902.
339. *Müller H.A.* Panathenaica. Bonnae, 1837.
340. *Müller I.* Griechische Privataltertümer // *HKA*. Bd. 4. Hlf. 1. 1887. S. 335–480.
341. *Müller O.* De demis atticis. Nordhaus, 1880.
342. *Navarre O.* Le théâtre grec; l'édifice, l'organisation matérielle, les représentation. Paris, 1925.

343. *Nilsson M.P.* Studia de Dionysiis Atticis. Lundae, 1900.
344. *Nilsson M.P.* Geschichte der griechischen Religion // *HA.* Abt. 5. Tl. 2. Bd. 1–2. 1941–1950.
345. *Ober J.* The Athenian Revolution: Essays of Ancient Greek Democracy and Political Theory. 2^d ed. Princeton, 1999. — Рец.: *Карнюк С.Г.* // *ВДИ.* 2000. № 4. С. 197–199.
346. *Oehler J.* Ἐπιμεληταί // *RE.* Bd. 6. 1909. Sp. 162–171.
347. *Oehler J.* Γυμνασάρχος // *RE.* Bd. 7. 1912. Sp. 1970–2004.
348. *Oehler J.* Leiturgie // *RE.* Bd. 12. Tl. 2. 1925. Sp. 1871–1879.
349. *Oehmichen G.* Über die Anfänge der dramatischen Wettkämpfe // *SMAW.* Jhg. 2. 1889. S. 103–168.
350. *Oehmichen G.* Das Bühnenwesen der Griechen und Römer // *HKA.* Bd. 5. Abt. 3. 1890. S. 181–304.
351. *Oertel F.* Die Liturgie: Studien zur Ptolemäischen und Kaiserlichen Verwaltung Aegyptes. Leipzig, 1912.
352. *Ormerod H. A.* Piracy in the Ancient World. An Essay in Mediterranean History. London, 1924.
353. *Overbeck J. A.* Geschichte der griechischen Plastik. 4. Aufl. Leipzig, 1894.
354. *Parke H. W.* Festivals of the Athenians. Ithaca; New York, 1977.
355. *Pârvan V.* Archeologische Funde im Jahre 1914. Griechenland // *AA.* Bd. 30. 1915. Sp. 177–270.
356. *Petersen E.* Scaenica // *WS.* Bd. 7. 1885. S. 175–189.
357. *Pfuhl E.* De Atheniensium pompis sacris. Berolini, 1900.
358. *Pharaklas N.* ΤΙ ΙΣΤΑΤΟ ΕΠΙ ΤΗΣ ΒΑΣΕΩΣ ΤΟΥ ΒΡΥΧΑΙΔΟΣ ? // *AD.* Vol. 24. 1969. P. 59–65.
359. *Pickard-Cambridge A. W.* The Dramatic Festivals of Athens. Oxford, 1953.
360. *Pickard-Cambridge A. W.* Dithyramb, Tragedy & Comedy. 2^d ed. revised by T. B. L. Webster. Oxford, 1962.
361. *Pickard-Cambridge A. W.* Choregia // *CD.* C. 187.
362. *Plöbst W.* Lysias // *RE.* Bd. 13. Tl. 2. 1927. Sp. 2533–2543.
363. *Poland F.* Geschichte des griechischen Vereinswesens. Leipzig, 1909.
364. *Poland F.* Symmoria // *RE.* Bd. 4 A. Tl. 1. 1931. Sp. 1161–1167.
365. *Poland F.* Neoi // *RE.* Bd. 16. Tl. 2. 1935. Sp. 2401–2409.
366. *Pope H. B.* Erechtheus and the Erechtheids // *Studies Presented to D. M. Robinson II.* St. Louis, 1953. P. 1044–1051.
367. *Pope H. B.* Non-Athenians in Attic Inscriptions. New-York, 1935.
368. *Pottier E.* Fragments de monuments choragiques à l'est du théâtre de Bacchus // *BCH.* Vol. 3. 1879. P. 221–229.
369. *Preuner E.* Aus alten Papieren, II // *AM.* Bd. 49. 1924. S. 102–152.
370. *Prinz F.* Herakles // *RE.* Suppl. 14. 1974. Sp. 137–196.

371. *Pritchett W.K.* Greek Inscriptions // *Hesperia*. Vol. 9. 1940. P. 97–133.
372. *Ramsay W.M.* The Cities of St. Paul, Their Influence on His Life and Thought. The Cities of Eastern Asia Minor. London, 1907.
373. *Rees K.* The So-Called Rule of Tree Actors. Chicago, 1908.
374. *Reisch E.* De musicis graecorum certaminibus capita quattuor. Vindobonae, 1885.
375. *Reisch E.* Griechische Weigeschenke // *AAES*. Bd. 8. 1890.
376. *Reisch E.* Agonothetes // *RE*. Bd. 1. 1894. Sp. 870–877.
377. *Reisch E.* Ἀνθιπασία // *RE*. Bd. 1. 1894. Sp. 2378–2379.
378. *Reisch E.* Ἀθλοθέτης // *RE*. Bd. 2. 1896. Sp. 2063–2065.
379. *Reisch E.* Athene Hephaestia // *JEAI*. Bd. 1. 1898. S. 55–93.
380. *Reisch E.* Chor // *RE*. Bd. 3. Tl. 2. 1899. Sp. 2373–2404.
381. *Reisch E.* Χορηγεῖον // *RE*. Bd. 3. Tl. 2. 1899. Sp. 2409.
382. *Reisch E.* Χορηγία // *RE*. Bd. 3. Tl. 2. 1899. Sp. 2409–2422.
383. *Reisch E.* Χορηγός // *RE*. Bd. 3. Tl. 2. 1899. Sp. 2422–2423.
384. *Reisch E.* Χορικοί ἄγῶνες // *RE*. Bd. 3. Tl. 2. 1899. Sp. 2431–2438.
385. *Reisch E.* Didaskaliai // *RE*. Bd. 5. Tl. 1. 1903. Sp. 394–401.
386. *Rhodes P.J.* A Commentary on the Aristotelian Athenaiion Politeia. Oxford, 1981.
387. *Rhodes P. J.* Problems in Athenian Eisphora and Leiturgies // *AJA*. Bd. 7/1. 1982. P. 1–19.
388. *Riemann H.* Tripodes // *RE*. Suppl. 8. 1956. Sp. 862–888.
389. *Rössler D.* Gab es Modetendenzen in der griechischen Tracht am Ende des 5. und im 4. Jhd. v. u. Z.? // *HP*. Bd. 3. S. 1539–1569.
390. *Rohde E.* Psyche. Seelenkult und Unsterblichkeitglaube der Griechen. 6. Aufl. Bd. 1–2. Tübingen, 1910.
391. *Rosenkranz H.* De choregia et choreutarum numero. Rostochii, 1873.
392. *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Hellenistic World. Vol. 1–3. Oxford, 1941.
393. *Rougé J.* La marine dans l'antiquité. Paris, 1975.
394. *Ruschenbusch E.* ΣΟΛΟΝΟΣ ΝΟΜΟΙ. Wiesbaden, 1966.
395. *Ruschenbusch E.* Die athenischen Symmorien des 4. Jh. v. Chr. // *ZPE*. Bd. 31. 1978. S. 275–284.
396. *Ruschenbusch E.* Die Einführung des Theorikon // *ZPE*. Bd. 36. 1979. S. 303–308.
397. *Ruschenbusch E.* Zur Besatzung athenischer Trieren // *Historia*. Bd. 28. 1979. S. 106–110.
398. *Ruschenbusch E.* Epheben, Buleuten und die Bürgerzahl von Athen um 330 v. Chr. // *ZPE*. Bd. 41. 1981. S. 103–105.
399. *Ruschenbusch E.* Die Polis und das Recht // *Symposion* 1979. S. 305–326.
400. *Ruschenbusch E.* Ein weiteres unbeachtetes Zeugnis zur Bürgerzahl Athens im 4. Jhd. v. Chr. // *ZPE*. Bd. 50. 1983. S. 202.

401. *Ruschenbusch E.* Zum letzten Mal. Die Bürgerzahl Athens im 4. Jhd. v. Chr. // ZPE. Bd. 54. 1984. S. 253–269.
402. *Ruschenbusch E.* Ein Betrag zur Leiturgie und zur Eisphora // ZPE. Bd. 59. 1985. S. 237–240.
403. *Ruschenbusch E.* Die trierarchischen Syntelien und das Vermögen der Synteliemitglieder // ZPE. Bd. 59. 1985. S. 240–249.
404. *Ruschenbusch E.* Der Endtermin in der Leiturgie des Trierarchen // ZPE. Bd. 67. 1987. S. 155–157.
405. *Ruschenbusch E.* Symmorienprobleme // ZPE. Bd. 69. 1987. S. 75–81.
406. *Rusopulos A.S.* Η ΕΝ ΤΟΙ ΔΙΟΝΥΣΕΙΑΚΩΙ ΘΕΑΤΡΩΙ ΑΝΑΕΚΑΦΗ // EA. Vol. 2. 1862. P. 128–147.
407. *Saglio E.* Agonothetes, Athlothetes // DA. Vol. 1. P. 1. 1877. P. 148–150.
408. *Sainte-Croix G.E.M.de.* Demosthenes' Τίμημα and the Athenian Εἰσφορά in the Fourth Century // C&M. Vol. 14. 1953. P. 30–70.
409. *Sauppe H.* Commentatio de inscriptiones Panathenaias. Göttingen, 1858.
410. *Schaefer A.* Demosthenes und seine Zeit. 2. Aufl. Bd. 1–3. Leipzig, 1885–1886.
411. *Schaefer C.* Neue Seeurkundenfragmente // AM. Bd. 5. 1880. S. 43–51.
412. *Schaefer H.* Προεἰσφορά // RE. Suppl. 9. 1962. Sp. 1230–1235.
413. *Schaefer H.* Politische Ordnung und individuelle Freiheit im Griechentum // Zur Griechischen Staatskunde / Hrsg. von F. Gschnitzer. Darmstadt, 1969. S. 139–160.
414. *Schenkl H.* De metoecis Atticis // WS. Bd. 2. 1880. S. 161–225.
415. *Scherer Ch.* Hermes // ML. Bd. 1. Sp. 2342–2432.
416. *Schindel U.* Untersuchungen zur Biographie des Redeners Lysias // RhM. Bd. 110. 1967. S. 32–52.
417. *Schmid W.* Zur Geschichte des Dithyrambos. Tübingen, 1900.
418. *Schmid W., Stählin O.* Geschichte der Griechischen Litteratur // HA. Abt. 7. Tl. 1. Bd. 1–5. München, 1929–1948.
419. *Schneider K.* Die griechischen Gymnasien und Palästern nach ihrer geschichtlichen Entwicklung. Freiburg, 1908–1909.
420. *Schneider K.* Σκηνηκοὶ ἀγῶνες // RE. Bd. 3 A. Tl. 1. 1927. Sp. 492–513.
421. *Schömann G. F.* Griechische Altertümer. 2. Aufl. Bd. 1–2. Berlin, 1861–1863.
422. *Schultz R.* De chori Graecorum tragici habitu externo. Berlin, 1856.
423. *Schvarcz I.* Die Demokratie. Bd. 1–2. Leipzig, 1877–1901.
424. *Schweigert E.* Greek Inscriptions // Hesperia. Bd. 8. 1959. P. 1–47.
425. *Schweitzer B.* Archeologische Funde in den Jahren 1916–1922. Griechenland // AA. Bd. 37. 1922. Sp. 238–345.
426. *Sealey R.* A History of the Greek City States, 700 – 300 B. C. Berkley; Los-Angeles; London, 1976.

427. *Sestier L.* La piraterie dans l'antiquité. Paris, 1880.
428. *Shear T.L.* The Athenian Agora: Excavation of 1970 // *Hesperia*. Vol. 40. 1971. P. 241–279.
429. *Sitlington-Sterrett J.R.* The Torch-Race. A Commentary on the Agamemnon of Aischylos vv. 324–326 // *AJPh*. Bd. 22. 1901. P. 393–419.
- 430 *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden, 2006.
431. *Starr Ch.G.* Trierarchy // CD. C. 925.
432. *Starr Ch.G.* The Economic and Social Growth of Early Greece, 800–500 B. C. 2^d ed. New York; Oxford, 1977.
433. *Stein E.* Hermes // RE. Bd. 8. 1913. Sp. 738–792.
434. *Stengel P.* Ἡφαίστια // RE. Bd. 8. 1913. Sp. 290–291.
435. *Stengel P.* Ἑρμαῖα // RE. Bd. 8. 1913. Sp. 708–709.
436. *Strasburger H.* Trierarchie // RE. 7 A. Tl. 1. 1939. Sp. 106–116.
437. *Strasburger H.* Die Einzelne und die Gemeinschaft im Denken der Griechen // *Zur Griechischen Staatskunde* / Hrsg. von F. Gschnitzer. Darmstadt, 1969. S. 97–122.
438. *Sundwall J.* De institutiones rei publicae Atheniensium post Aristotelis aetatem commutatis. Helsingfors, 1906.
439. *Sundwall J.* Eine neue Seeurkunde // AM. Bd. 35. 1910. S. 37–60.
440. *Sundwall J.* Nachträge zur Prosopographia Attica. Helsinki, 1910.
441. *Taillardat I.* La trière athenienne et la guerre sur mer aux V-e et IV-e siècle // *Problèmes de la guerre en Grèce ancienne*. Paris, 1968. P. 183–205.
442. *Thalheim Th.* Die Antidosis // Hermes. Bd. 19. 1884. S. 80–91.
443. *Thalheim Th.* Ἀντίδοσις // RE. Bd. 1. 1894. Sp. 2397–2398.
444. *Thalheim Th.* Ἐστίασις // RE. Bd. 8. Tl. 2. 1913. Sp. 1315.
445. *Thompson W. E.* The Athenian Entrepreneur // AC. Vol. 51. 1982. P. 53–85.
446. *Thomsen R.* Eisphora. A study of Direct Taxation in Ancient Athens. Copenhagen, 1964.
447. *Thomsen R.* War in Classical Athens // *Armées et Fiscalité dans le Monde Antique : Colloques Nationaux du CNRS No 936*. Paris, 1977. P. 135–147.
448. *Thumser V.* De civium Atheniensium muneribus eorumque immunitate. Wien, 1880.
449. *Tod M. N.* A Selection of Greek Historical Inscriptions. 2^d ed. Vol. 1–2. Oxford, 1933–1948.
450. *Töpffer J.* Thargeliengebräuche // RhM. Bd. 43. 1888. S. 142–145.
451. *Torr C.* Ancient Ships. Chicago, 1964.
452. *Treu M.* Eine Art von Choregie in peisistratischer Zeit // *Historia*. Bd. 7. 1958. S. 385–391.
453. *Vanderpool E.* Victories in the Anthippassia // *Hesperia*. Vol. 43. 1974. P. 311–313.

454. *Véllissalopoulos J.* Les Nauclères grecques. Recherches sur les institutions maritimes en Grèce et dans l'Orient hellénisé. Genève; Paris, 1980.
455. *Vetter W.* Thaletas // RE. Bd. 5 A. 1934. Sp. 1213.
456. *Volkmann R.* Geschichte und Kritik der Wolfschen Prolegomena zu Homer. Ein Betrag zur Geschichte der homerischen Frage. Leipzig, 1874.
457. *Wachsmuth C.* Die Stadt Athen im Altertum. Bd. 1–2. Leipzig, 1874–1890.
458. *Wallace R.W.* Law, Freedom and the Concept of Citizens' Rights in Democratic Athens // *Demokratia. A Conversation on Democracies, Ancient and Modern* / Ed. by J. Ober, C. Hedrick. Princeton, 1996. P. 105–119.
459. *Walter O.* Beschreibung der Relief im klassischen Akropolismuseum in Athen. Wien, 1923.
460. *Warnecke B.* Koryphaios // RE. Bd. 11. Tl. 2. 1922. Sp. 1461–1462.
461. *Wecklein N.* Der Fackelwettlauf // *Hermes*. Bd. 7. 1873. S. 437–452.
462. *Welter G.* Die Tripodenstraße in Athen // *AM*. Bd. 47. 1922. S. 72–77.
463. *Wernicke K.* Pan // *ML*. Bd. 3. Sp. 1347–1481.
464. *Westphal R.* Musik der griechischen Altertumes. Leipzig, 1883.
465. *Wilamowitz-Möllendorf U. v.* Antigonos von Karystos // *PhU*. Hft. 4. Berlin, 1881.
466. *Wilamowitz-Möllendorf U. v.* Ein altattischen Epigramm // *Hermes*. Bd. 20. 1885. S. 62–70.
467. *Wilamowitz-Möllendorf U. v.* Die Bühne des Aischylos // *Hermes*. Bd. 21. 1886. S. 597–622.
468. *Wilamowitz-Möllendorf U. v.* Demotika der attischen Metoeken, I // *Hermes*. Bd. 22. 1887. S. 107–128.
469. *Wilamowitz-Möllendorf U. v.* Euripudes' Herakles, erklärt. Bd. 1–2. Berlin, 1889.
470. *Wilamowitz-Möllendorf U. v.* Aristoteles und Athen. Bd. 1–2. Berlin, 1893.
471. *Wilamowitz-Möllendorf U. v.* Der Chor der Hagesichora // *Hermes*. Bd. 32. 1897. S. 251–263.
472. *Wilamowitz-Möllendorf U. v.* Einleitung in die griechische Tragödie. 2. Aufl. Berlin, 1910.
473. *Wilamowitz-Möllendorf U. v.* Staat und Gesellschaft der Griechen und Römer. Leipzig, 1910.
474. *Wilamowitz-Möllendorf U. v.* Zu den Dionysiaca // *APF*. Bd. 7. 1923/24. S. 11–16.
475. *Wilamowitz-Möllendorf U. v.* Der Glaube der Hellenen. Bd. 1–2. Berlin, 1931–1932.
476. *Wilamowitz-Möllendorf U. v.* Lese Früchte // *Hermes*. Bd. 65. 1930. S. 241–258.
477. *Wilhelm A.* Urkunden dramatischer Aufführungen in Athen (mit einem Beitrage von Georg Kaibel). Wien, 1906. — *Рец.:* *Wilamowitz-Möllendorf U. v.* //

GGA. Jhg. 168. 1906. S. 611–634; *Capps E.* // *AJPh.* Vol. 28. 1907. P. 82–90;
Reisch E. // *ZEG.* Jhg. 58. 1907. S. 289–315.

478. *Wolters P.* *Zu griechischen Agonen.* Würzburg, 1901.

479. *Wüst F. R.* *Zu den πρυτάνεις τῶν ναυκράρων und zu den alten attischen Trittyen* // *Historia.* Bd. 6. 1957. S. 176–191.

480. *Wycherley R. E.* *Xenophon, Hipparchicus, 3. 6–7: Cavalry at the Lyceum* // *ClR.* Vol. 13. 1963. P. 14–15.

481. *Wyse W.* *The Speeches of Isaeus.* Cambridge, 1904.

482. *Ziehbart E.* *Zum griechischen Schulwesen* // *JEAI.* Bd. 13. 1910. S. 108–116.

483. *Ziehbart E.* *Beiträge zur Geschichte des Seeraubs und Seehandels im alten Griechenland.* Hamburg, 1929.

484. *Ziehen L.* *Leges graecorum sacrae e titulis colectae.* Lipsiae, 1896.

485. *Ziehen L.* *Panathenaia* // *RE.* Bd. 18. Tl. 3. 1949. Sp. 457–493.

486. *Zwicker H.* *Herakles* // *RE.* Bd. 8. 1913. Sp. 516–528.

В авторской редакции

Научное издание

Лариса Дмитриевна Бондарь

Афинские литургии
V–IV вв. до н. э.

Компьютерная верстка *Л. А. Филоsofoва*
Оформление обложки *Л. А. Филоsofoва*

Подписано в печать 15.05.09. Формат 60×84^{1/16}

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 12,75. Тираж 500 экз. Заказ №

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
тел.: (812) 235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
СПб., ул. Розенштейна, д. 21
Тел.: (812) 622-01-23